Л И Т Е Р А Т У Р Н О-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-летию Ясско- Кишинёвской операции	Борис Шаповалов. Народ жив, пока помнит своих героев 3
Поле славы	Александр Амельченков . Пылающий август 44-го
лушкину 220 лет	Олеся Рудягина. «Есть в мире сердце, где живу я»
Пушкинская горка	Поэты Молдовы о Пушкине. «Чей голос пространство пронзил». Валентина Костишар, Николай Савостин, Наталья Новохатняя, Ирина Ремизова, Евгений Хорват, Александра Юнко, Сергей Белозёров, Олег Максимов, Владимир Марфин, Алексей Захарчук
Дом Пушкина	Виктор Кушниренко. К поэту в Пэулешты
у Воскресение	Марина Шимановская. Молитва о нашем русском храме 52
Куликово поле	Дневники Петровича. Победная хроника руководителя Русского историко-патриотического клуба Молдовы
Поле притяжения	Александр Левицкий. Варенье номер три

2 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

	Александра Серёгина. «И жизнь, и слёзы, и любовь»	
THE TOTAL PROPERTY OF THE PARTY	поэтического «Мэрцишора»	92
70000XXXX7AXVA	Людмила Кабанюк. Радуга судьбы Анатолия Дрожжина	99
так Тута Мост	Анатолий Дрожжин. «Бессменно стою перед	
	ликом России»	. 102
Под небом	Елена Сиркели-Хорозова. Дорога домой	107
Бессарабские		
перекрёстки	Ольга Гарусова. «Скитался тот, кто всех светлей»	113
Взлётная полоса	Диана Федорович. «И всё сильней желанье жить». Стихи и рассказы	. 121
Поли-ART	Полина Коломеец-Сафронова. Слово об отце, или О том, как не сложилась легенда	. 132
Жатва	Наталья Новохатняя. Знакомый незнакомец	. 136
Осторожно: история!	Пётр Шорников. Дела не так давно минувших дней	. 140
Поле зрения	Михаил Лупашко. Переходим в наступление!	. 156

Учредитель и главный редактор: Олеся Рудягина Литературный редактор и корректор: Нелли Торня Художник: Сергей Сулин Вёрстка: Людмила Ильина

> E-mail: russkoepole-md@mail.ru ISSN 1857-1301

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 3

К 75-летию Ясско-Кишинёвской операции

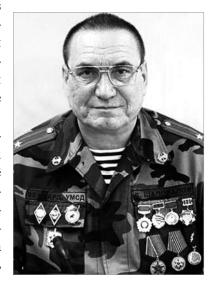
БОРИС ШАПОВАЛОВ

НАРОД ЖИВ, ПОКА ПОМНИТ СВОИХ ГЕРОЕВ

Память о прошлом помогает понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе будущее. А главное — она объединяет. Великая Отечественная война, безусловно, является одной из важнейших

опор коллективной памяти народов СНГ. Образ той войны и Победы – символ могущества нашего бывшего общего Отечества, единения людей разных национальностей – служит напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладают Россия и братские ей православные народы.

Осознание этого неоспоримого факта побуждает современных, как западных, так и местных фальсификаторов истории предпринимать всё новые и новые попытки переписать итоги Второй мировой войны. Актуальность объективного осмысления причин, опыта и уроков Великой Отечественной войны советского народа 1941-1945 годов предопределила агрессивность поднявшейся в последние годы волны фаль-

сификаций и извращений её истории. «Переиграть», «перевоевать» Великую Отечественную, кардинально пересмотреть её причины, характер и итоги — вот чего добиваются современные фальсификаторы, прикрывая свою неблаговидную цель пресловутым «новым прочтением» истории.

Западные идеологи стремятся упразднить, ликвидировать, вытравить из сознания людей само понятие «Великая Отечественная война», подставляя на его место такие дефиниции, как «советско-немецкая», «нацистско-советская» война. Сторонниками так называемого современного прочтения истории отбрасывается любое напоминание о справедливом, освободительном характере Великой Отечественной, она изображается как «война двух человеконенавистнических режимов», «схватка двух тоталитаризмов».

 4 \
 БОРИС ШАПОВАЛОВ
 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

История фальсифицируется, чтобы современные поколения не знали, кто, с кем и почему воевал. Лидеры некоторых европейских стран страстно хотят переписать историю, забыть позорный мюнхенский сговор Англии, Франции, фашистской Италии и нацистской Германии о разделе Чехословакии в 1938 году, с которого фактически и началась Вторая мировая война. Они хотят забыть о том, что против СССР воевала не только нацистская Германия, а ещё восемь европейских стран, её союзников и огромное число добровольцев из практически всех государств континентальной Европы.

Зачем они хотят оправдать Гитлера? Чтобы лишить народы постсоветских стран исторической памяти, национального самосознания, внушить ложную и глупую мыслишку о том, что если бы наши народы не сопротивлялись захватчикам, что если бы победил Гитлер, то мы бы жили в Европе и пили баварское пиво или французское вино. Вот почему важно уяснить, что фальсификаторы не только объективно, но и субъективно всегда стоят на позиции агрессора, желают победы захватчикам, пропагандируют антинациональные взгляды.

Современные фальсификации и Великой Отечественной, и Второй мировой в целом можно с некоторой долей условности подразделить на три направления. Первое — фальсификации, которые рождаются за рубежом. Зарубежные искажения истории Великой Отечественной войны начались с гитлеровского министра пропаганды Геббельса, утверждавшего, что нацистская Германия всего лишь «освобождает Россию от большевизма». Кстати, у европейцев, всегда было странное желание пытаться вызволить из неволи Россию от кого-то. Но мы хорошо помним, чем закончились такие попытки. Планы и кровавые деяния захватчиков в агрессивной манере маскировали верные слуги — фальсификаторы истории, изощряясь в попытках представить захватчиков — освободителями.

Второе направление фальсификаций — это извращение исторических событий на постсоветском пространстве. Не секрет, что в каждой бывшей союзной республике, а ныне независимом государстве, идёт активный процесс переписывания истории. Речь не о серьёзных историках, их немало, кто в своих исследованиях опирается на новые архивные документы и стремится к объективности. Речь о тех, кто преследует совершенно иную цель — поссорить с наследниками нашей общей Победы 1945 года при помощи лживых измышлений народы Российской Федерации с народами стран СНГ; с теми, кто вместе, плечом к плечу воевал с фашизмом. И вот уже в Прибалтике и на Украине к героям той войны причисляют тех, кто сотрудничал с фашистами, принимал участие в карательных операциях против партизан и подпольщиков. И мы, наследники Победы над фашизмом, не должны недооценивать опасность, которая исходит от подобного рода фальсификаций.

Наконец, наши отечественные молдавские фальсификаторы — не меньшая опасность, чем обозначенные выше. Особую тревогу представляют фальсификации, связанные с объяснением причин нападения фашистской Германии и Румынии на СССР в 1941 году, о количестве павших и причинах потерь среди призванных в ряды Советской Армии молдаван, попытках обелить фашистский диктаторский режим Антонеску в Румынии. Сегодня, спустя семь с половиной десятилетий после завершения Великой Отечественной войны, мы видим, что

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 БОРИС ШАПОВАЛОВ / 5

дело, которое было начато нашими дедами, прадедами, отдавшими жизнь ради того, чтобы мы могли жить в мире, быть свободными, к сожалению, не закончено. Это стало очевидным в последние 20 лет, когда идеология неонацизма широко распространилась не только в ряде западных европейских стран, но и в странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы.

К несчастью, вот он, позорный факт современной действительности: немало западных и молдавских политиков, историков и публицистов пытаются принизить величие борьбы народов против фашизма, оспаривают решения Нюрнбергского судебного процесса, умаляют роль СССР в победе над фашизмом, более того – обвиняют советский народ в оккупации, оправдывают предателей, которые с оружием в руках помогали нацистам противостоять Красной Армии, сражающейся за освобождение европейских народов от фашистской диктатуры.

Война продолжается до сих пор — война за умы, за сердца и души наших детей и внуков, за священную память о Великой Победе. Именно народная память — главная мишень и внешних, и внутренних врагов народов СССР, победивших германский нацизм и европейский фашизм в годы Второй мировой войны. Именно на историю Отечественной войны в последние годы вылиты потоки грязи, водопады лжи. Великую Отечественную войну пытаются объявить «самым большим мифом» советской эпохи и у нас в Молдове. Наши фальсификаторы истории и некоторые политические деятели в последние годы стали стыдливо избегать словосочетания «Великая Победа», некоторые политики даже заявили, что считают себя побеждёнными в той войне. А отдельные любители исторических сказок вообще договорились до оккупации и оккупантов. Видимо, они забыли, что и в 1941 году, и в период самой войны, и в 1945-м, и позднее Молдавия была частью большого государства — СССР.

Но как бы ни изощрялись проповедники бессовестной лжи, героизм советского народа неоспорим. Войну против нацизма и фашизма выиграли не штрафные роты и батальоны — в них воевало всего 0,5 процента от советских граждан, одевших военную форму в годы войны. Советские воины совершали подвиги не под дулами пулемётов заградительных отрядов, как об этом твердят современные русофобы и фальсификаторы истории. Войну выиграл советский народ, вошедший в мировую историю сотнями тысяч героев.

Вот всего лишь несколько примеров героизма советских воинов разных национальностей. 20 августа 1941 года экипаж танка КВ под командованием старшего лейтенанта Зиновия Колобанова у совхоза Войковицы Ленинградской области сражался с 40 танками 6-й немецкой танковой дивизии: 22 немецких танка подбиты.

Снайпер Михаил Сурков уничтожил более 700 солдат и офицеров противника. Герой Советского Союза Александр Горовец на истребителе Ла-5 в ходе одного боя сбил девять немецких самолётов. Заместитель политрука Плешков огнём из противотанкового ружья сбил два немецких самолёта. Но из ПТР стреляли в первую очередь по танкам противника и расчёт бронебойщиков Яблонько и Сердюкова уничтожил 22 вражеских танка. Красноармеец 389-го стрелкового полка 176-й стрелковой дивизии 9-й армии Южного фронта Дмитрий Овчаренко в одиночку вступил в бой против 50 немецких солдат и офицеров, гранатами и

6 \ БОРИС ШАПОВАЛОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

топором уничтожил 21 из них, включая двух офицеров. Партизан Григорий Токуев подорвал 19 вражеских эшелонов с техникой и личным составом.

Четырёхэтажный дом, который обороняла группа воинов под командованием старшего сержанта Якова Павлова в Сталинграде (улица Пензенская, 61), стал неприступной крепостью для немцев. 58 дней его героически защищали 23 воина 3-го батальона 42-го гвардейского полка. И фашисты так и не смогли взять этот дом на одной из площадей города.

Самое время напомнить фальсификаторам и такую статистику. Во второй мировой войне против гитлеровской Германии продержались: Дания — 6 часов, Голландия — 5 дней, Югославия — 11 дней, Бельгия — 18 дней, Греция — 24 дня, Польша — 27 дней, Франция — 1 месяц и 12 дней, Норвегия — 2 месяца и 1 день.

СССР воевал против фашистской Европы четыре года. Освободил всю Восточную и Центральную Европу, а Германия капитулировала.

Подвиг Александра Матросова совершили 470 воинов, из них 45 – до Матросова. Первым советским воином, закрывшим своим телом вражескую амбразуру, был младший политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александр Панкратов в боях под Новгородом при атаке на Кириллов монастырь 24 августа 1941 года. Ему звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно.

Советские воины совершили 595 воздушных таранов, 160 танковых, 16 морских таранов, 506 экипажей самолётов повторили подвиг капитана Николая Гастелло, направив свои самолёты на войска и технику врага. Тараны наземных целей стали называть «гастелловскими» или «огненными». Советские пилоты таранили врага в воздухе не один раз: 34 лётчика применили воздушный таран дважды, четверо — трижды, а Борис Ковзан — четырежды. Тогда как немецкие ассы за годы войны не совершили ни одного воздушного тарана. На первый таран в истории Великой Отечественной решился советский лётчик Дмитрий Кокорев в первый же день войны, в 4 часа 15 минут, а первый таран наземной цели принадлежит советскому лётчику Петру Чиркину тоже 22 июня.

Танковая колонна "За Советскую Молдавию!"

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 БОРИС ШАПОВАЛОВ / 7

Первый танковый таран совершил экипаж лейтенанта Павла Даниловича Гудзя 22 июня 1941 года. В восьми километрах от Яворова его танк КВ-1 таранил немецкие Pz Kpfw III и бронетранспортёр. 24 июня 1944 года под Бобруйском экипаж гвардии лейтенанта Дмитрия Комарова 15-й гвардейской танковой бригады совершил таран бронепоезда на станции Чёрные Броды. Применялись и тараны танков против самолётов на земле. Так, 11 января 1944 года танкисты 49-й танковой бригады «проутюжили» 17 самолётов противника на аэродроме города Любек в Польше.

Более 1200 советских воинов подорвали себя и солдат врага гранатами или вызвали на себя огонь артиллерийских батарей.

26 воинов последовали примеру Алексея Маресьева: сбивали самолёты врага после тяжелейших ранений ног. Более ста советских граждан повторили подвиг Ивана Сусанина. Ни один корабль ВМФ Советского Союза не спустил перед врагом боевой флаг.

Более 70 советских стрелков-снайперов стали Героями Советского Союза: Михаил Сурков – 702 уничтоженных врага, Владимир Салбиев – 601, Василий Квачантирадзе – 534, Ахат Ахметьянов – 502. Звание Героя Советского Союза было присвоено и шестерым женщинам-снайперам, одна из которых стала полным кавалером Ордена Славы.

Героизм на фронте носил массовый характер: за мужество и храбрость орденами и медалями Советского Союза было награждено более 7 миллионов воинов, представителей ста национальностей. Каждый пятый воевавший отмечен наградой.

Звание Героя Советского Союза присвоено 11681 воину (из них 3051 посмертно). В том числе дважды этого высокого звания удостоены 108 человек (из них 8 посмертно).

Трижды Героями Советского Союза стали прославленные советские лётчики-ассы Александр Иванович Покрышкин и Иван Никитович Кожедуб. Наибольшее число Героев Советского Союза, проходивших службу в одном соединении, было в 136-й стрелковой Сумско-Киевской дважды Краснознамённой дивизии: 108 человек. Самый молодой Герой Советского Союза — партизан Валя Котик, к моменту совершения подвига ему исполнилось 14 лет. Самый пожилой Герой Советского Союза — крестьянин Матвей Кузьмич Кузьмин, на момент гибели ему было 83 года.

По уточнённым данным, солдатским Орденом Славы награждено 1 046 908 воинов. 2674 воина являются полными кавалерами Ордена Славы и по статусу приравнены к званию Героя Советского Союза. Орденом Отечественной войны награждены 1 276 000 человек. Более 4 миллионов воинов – медалью «За отвагу». Около 130 тысяч партизан отмечены медалью «Партизану Отечественной войны».

Победной медалью, как её называли фронтовики, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» награждены 14933000 бойцов из 34 миллионов человек, надевших военную форму в годы Великой Отечественной войны.

По статистике не менее 800 тысяч женщин воевали на фронте. За время войны ордена и медали получили около 150 тысяч женщин-воинов Красной Армии, 90 женщинам присвоено звание Героя Советского Союза (из них 49 посмертно).

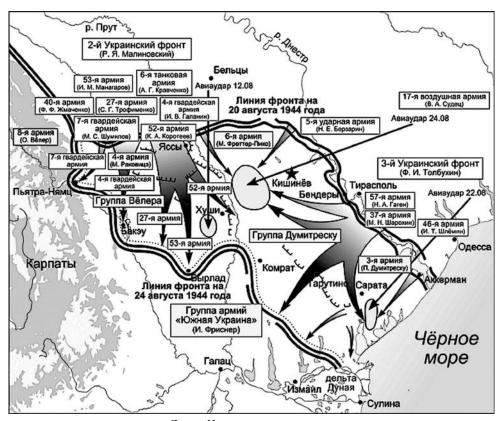
8 \ БОРИС ШАПОВАЛОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

За годы войны звания Героя Социалистического Труда удостоены 199 тружеников тыла, более 204 тысяч награждены орденами и медалями. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» отмечены 16 миллионов человек.

Кто одержал победу в Ясско-Кишинёвской операции 20-29 августа 1944 года?

К сожалению, в современных молдавских школьных учебниках истории вы не найдёте правды о Великой Отечественной. А тем более о том, на чьей стороне воевали молдаване в той войне. О величайшей по своей военно-политической значимости Ясско-Кишинёвской операции Красной Армии в наших школах тоже не говорят. А в «околонаучной исторической» литературе распространяется бред о том, что победу Красной Армии в Ясско-Кишинёвской операции обеспечило не искусство советских полководцев и героизм воинов, а арест румынского диктатора Антонеску в результате дворцового переворота в Бухаресте 23 августа 1944 года.

А правда заключается в том, что именно разгром немецких войск и румынской армии, опоры гитлеровского режима в ходе Ясско-Кишинёвской операции, создал условия для свержения фашистского режима Иона Антонеску в Румынии. Вероятно, Гитлер плохо знал историю и традиции румынской правящей элиты. Только так можно объяснить наличие у него расчётов на её верность в августе 1944-го. Румыны предали Германию в 1916 году, с которой у них был договор о союзе, и вступили в Первую мировую войну против Германского блока, а в конце 1917 года на переговорах с противником в Фокшанах предали Антанту; в январе 1918 года, захватив Бессарабию, вновь предали союзную Россию (первый раз это произошло в 1883 году при присоединении к Тройственному союзу), а в ноябре того же года — вновь Центральные державы, за день до капитуляции Германии, объявив ей войну. В мае 1940 года, приняв германскую ориентацию, Бухарест предал своих покровителей-гарантов Францию и Великобританию.

Понимая, что Германия окончательно проиграла войну и потянет за собой в могилу и Румынию, её правящие круги с местными коммунистами вечером 23 августа 1944 года свергли режим Иона Антонеску и на второй день объявили войну гитлеровскому рейху. Удивительно, что ни Ион Антонеску, ни его хозяева в Берлине абсолютно не чувствовали настроений румынского народа и правящей элиты накануне советского наступления. Они были уверены, что Румыния продолжит борьбу на стороне фашистской Германии. По этому поводу генерал-полковник Ганс Фриснер отмечал в своих воспоминаниях: «Передавая командование группой армий «Южная Украина» в мои руки, Гитлер в порядке инструктажа сказал: «Относительно политического положения в Румынии можете быть совершенно спокойны. Маршал Антонеску искренне предан мне. И румынский народ, и румынская армия идут за нами сплочённо, как один человек». Игнорируя многие донесения сигуранцы о протестных настроениях населения, почти в таких же выражениях охарактеризовал внутриполитическое положение Румынии Ион Антонеску германскому фюреру при их личной встрече 5 августа 1944 года: «Несмотря на чрезвычайно критическую (военную) обстановку, моральное состояние страны всё ещё хорошее. Страна в полном единстве идёт за мной. Ни один

Ясско-Кишинёвская операция

офицер или солдат никогда не изменит мне». Через 18 дней к восставшим, как известно, присоединился даже полк личной охраны «кондукэтора». (Проэктор Д. М. Фашизм: путь к агрессии и гибели. М. Наука, 1985, с. 471-473).

Ясско-Кишинёвская операция началась 20 августа 1944 года одновременным ударом 2-го и 3-го Украинских фронтов с мощной полуторачасовой артиллерийской подготовки. Советская пехота, поддержанная танками и авиацией, перешла в наступление сначала в районе Ясс, а затем и с Кицканского плацдарма южнее Бендер. Огневая система немецких и румынских войск была подавлена, в первый же день наступления они потеряли 9 дивизий.

Прорвав немецко-румынский фронт южнее Бендер, соединения 3-го Украинского фронта разгромили 21 августа брошенные им наперерез оперативные резервы противника и решительно, без оглядки на фланги, продолжили наступление на запад. Вечером 22 августа советские танки и мотопехота вышли к Комрату, где находился штаб 6-й немецкой армии Фреттера Пико, который бежал за Прут, бросив свои окружённые и отступающие дивизии на произвол судьбы, 3-я румынская армия была отрезана от 6-й немецкой армии. Покинул бегущие к Пруту румынские дивизии и генерал Петре Думитреску, командующий 3-й румынской армией и армейской группой войск.

Соединения 2-го Украинского фронта уже 21 августа заняли Ясский и Тыргу-Фрумосский укреплённые районы, а 6-я гвардейская танковая армия генераллейтенанта Андрея Кравченко и другие объединения фронта вышли на оператив-

10 \ БОРИС ШАПОВАЛОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

ный простор и двинулись на юг, достигнув 22 августа Васлуя. Противник силами трёх дивизий, в том числе румынской гвардейской танковой дивизии «Великая Румыния», организовал контрудар, советские войска были задержаны на сутки. Но общей ситуации это не изменило. Прорыв русскими немецкого фронта западнее Ясс и их стремительное продвижение на юг, признал Ганс Фриснер, блокировали войскам 6-й немецкой армии пути к отступлению. Была создана также угроза окружения 4-й румынской армии. Фриснер уже вечером 21 августа отдал войскам 6-й немецкой армии приказ об отступлении, утверждённый командованием сухопутных войск Германии. Но было уже поздно.

Первыми вышли к Пруту части 7-го механизированного корпуса из состава войск 3-го Украинского фронта. 23 августа в 13.00 63-я механизированная бригада этого корпуса ворвалась в село Леушены, где разгромила тылы нескольких пехотных дивизий 6-й немецкой армии, захватив множество пленных, и заняла линию Прута в районе Леушены — Немцены. 16-я механизированная бригада, уничтожив противника в районе сёл Сарата-Галбена, Карпинены, Лапушна, отрезала немецким войскам путь на запад из лесов восточнее Лапушны. В тот же день 36-я гвардейская танковая бригада овладела переправой через Прут севернее Леово.

В полосе наступления 2-го Украинского фронта на западный берег Прута вышли 110-я и 170-я танковые бригады 18-го танкового корпуса генерал-майора Василия Полозкова. Они установили связь с танкистами 3-го Украинского фронта и замкнули кольцо окружения вокруг 18 немецких дивизий.

Оставив для ликвидации окружённой группировки 34 дивизии, более 50 дивизий советское командование направило в глубь Румынии. В течение суток фронт был отодвинут на 80-100 километров. Темп советского наступления составлял 40-45 километров в сутки, шансов на спасение у окружённых не оставалось. Немецкое командование понимало это.

23 августа в конце дня, когда в исходе сражения уже не было сомнений, в Бухаресте и произошёл дворцовый переворот. Но судьба группы армий «Южная

В плен сдавались толпами – и румыны, и немцы

Украина» была решена ещё до переворота в Бухаресте. С речью об аресте правительства Антонеску и прекращения военных действий против СССР король Михай выступил по официальной румынской версии «после 22 часов», а фактически в 23.30 в ночь с 23 на 24 августа. Днём в Бухаресте было сформировано новое правительство, а войну Германии Румыния объявила только 25 августа. (Шорников П. М. Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинэу, 2014, с. 375-378).

В период Ясско-Кишинёвской операции были разбиты, окружены и ликвидированы 6-я и 8-я немецкие, 3-я и 4-я румынские армии. По данным Совинформбюро от 31 августа 1944 года, за время наступательных боёв 2-го и 3-го Украинских фронтов с 20 по 31 августа взято в плен 208 600 солдат и офицеров противника, из них 97 100 немцев. В числе пленных — 24 генерала.

В итоге двенадцатидневных наступательных боёв, проведённых в тесном взаимодействии войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, потери противника по главным видам боевой техники и живой силы составили: убитыми — 210 000 солдат и офицеров, самолётов — 351, танков и самоходных орудий — 956, орудий разных калибров 5576, миномётов — 3261, пулемётов — 19 105, автомашин — 46 640.

Ясско-Кишинёвская операция, пожалуй, одна из немногих крупных стратегических операций Великой Отечественной войны, в которой победа над врагом была достигнута сравнительно малыми жертвами. 2-й и 3-й Украинские фронты потеряли 67 тысяч человек убитыми, пропавшими без вести, ранеными и больными. Из них безвозвратные потери составили 12,5 тысяч человек (1 процент от общей численности войск Красной Армии, участвовавших в операции). В то время как противник в результате окружения и уничтожения своей группировки лишился 22 дивизий и полумиллиона убитыми, ранеными и пленёнными немецкими и румынскими солдатами. Это наглядное свидетельство высокого уровня советского военного искусства и боевого мастерства командного состава.

За кого и за что воевали молдаване в годы Великой Отечественной?

Самая гнусная фальсификация — утверждение, что молдаване добровольно и массово вступали в ряды румынской армии для борьбы с Советской властью. Это бессовестная ложь, абсолютно не соответствующая действительности. Украинцы, русские и гагаузы, жившие в Бессарабии, в Красную Армию не призывались как неблагонадёжные элементы. До середины 1943 года бессарабских молдаван в румынскую армию тоже практически не призывали, так как румынские власти, и не без основания, считали их пробольшевистски и прорусски настроенными. После разгрома румынских армий под Сталинградом в румынские войска с трудом было призвано 28,8 тысяч человек молдавской национальности.

Солдаты-бессарабцы, мобилизованные в состав румынской армии, не желали воевать против русских. Это было хорошо известно по обе стороны линии фронта. В августе 1944 года, когда 14,1 тысячи молдаван сдались в плен, приказом командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Фёдора Толбухина они были отпущены по домам и вскоре призваны в Красную Армию на общих основаниях.

Почти все бессарабцы, ещё остававшиеся в румынской армии, осенью 1944 года потребовали своего перевода в Красную Армию. В их лояльности к

12 \ БОРИС ШАПОВАЛОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

советской власти и СССР не усомнился даже Сталин. Желая изнутри контролировать румынскую армию, ставшую союзной, Верховный Главнокомандующий начертал известную резолюцию на соответствующем документе: «Нам свои люди нужны и в румынской армии». (Шорников П. М. Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинэу, 2014, с. 401).

После окончания боевых действий большинство молдаван-бессарабцев, воевавших в румынской армии на заключительном этапе Второй мировой войны, демобилизовалось и вернулось домой в Молдавскую ССР. К ним никаких претензий со стороны советского государства не было и быть не могло, так как они воевали против фашизма в рядах уже союзной армии по антигитлеровской коалиции.

Боевые действия по освобождению территории Советской Молдавии начались 18 марта и завершились 27 августа 1944 года. Интересы дальнейшего ведения войны требовали незамедлительной мобилизации людских ресурсов освобождённой республики. Сомнений по вопросу о готовности призывников, переживших оккупацию, сражаться против захватчиков, у командования Красной Армии не было. В Молдавии был введён в действие механизм мобилизации военнообязанных, уже отработанный в других освобождённых в ходе войны территориях. Призыв осуществлялся при участии полевых военных комиссариатов советских войск.

Вторая, после июня-июля 1941 года мобилизация в Красную Армию началась на левобережье Днестра и в Бельцком, Сорокском уездах Бессарабии 15 апреля 1944 года. В отсутствие государственной администрации на местах возможностей для уклонения от мобилизации имелось немало. Но этого не случилось. К 26 июля было призвано более 112 тысяч жителей освобождённых районов Молдавии. С учётом мобилизованных в украинских районах военные комиссариаты 2-го и 3-го Украинского фронта направили к этому времени в войска 124 тысячи призывников. Из мобилизованного в освобождённых районах Молдавии контингента можно было укомплектовать 15 дивизий Красной Армии. Все призывники направлялись в специальные учебные полки, батальоны и роты на начальную военную подготовку, а после этого шли на комплектование действующих соединений, где проходили уже плановое совместное обучение вместе с опытными воинами. Часть молдавского пополнения приняла участие в Ясско-Кишинёвской операции советских войск и разделила славу её участников.

В сентябре 1944 года, после освобождения центральных и южных районов Молдавии, мобилизация была продолжена на всей территории республики. К 10 февраля 1945 года число призванных достигло 242 тысяч человек. Всего с момента освобождения территории республики до окончания войны было призвано 256, 8 тысячи человек. С учётом призванных в 1941 году число уроженцев Молдавии – бойцов Красной Армии превысило 391 тысячу человек. (История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней. 2002, с. 240).

Накануне войны в республике проживали 2,7 миллиона человек, следовательно, было мобилизовано 14,4 процента населения, лишь немногим меньше, чем в Российской Федерации и на Украине. Следовательно – более 90 процентов призывного контингента Молдавии сражались в составе Вооружённых сил СССР. Число призванных в Красную Армию свидетельствует о патриотизме народов, проживающих в Молдавии.

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 БОРИС ШАПОВАЛОВ / 13

В освобождённой республике точный учёт военнообязанных налажен не был ни в 1944-м, ни в начале 1945-го, поэтому значительную часть её жителей, призванных в 1944-1945 годах в Красную Армию, следует признать добровольцами. Официально известно, что из уроженцев Молдовы, воевавших в Красной Армии, добровольцы составляли около 80 тысяч человек. То есть в Молдавской ССР каждый пятый воин в годы Великой Отечественной войны был добровольцем, в то время как по СССР – каждый десятый из надевших военную форму. Лиц, пытавшихся под различными предлогами (семейные обстоятельства, состояние здоровья и без объяснения причин) избежать мобилизации, оказалось всего 5 процентов контингента, призванного в 1944-1945 годах. Таким образом, советским властям удалось мобилизовать более 95 процентов призывного контингента. В то время, как на смертельно опасную попытку избежать мобилизации в румынскую армию решились свыше 90 процентов призывников.

Перед отправкой на фронт призывники получали достаточную боевую подготовку, поэтому безвозвратные потери среди них оказались умеренными. За год войны, с апреля 1944-го по май 1945-го, в боях с немецкими, венгерскими и румынскими войсками погибли 40592 уроженца Молдавии. Гибель каждого из них стала горем для родных и близких, но погибшие составили только 15,8 процента контингента, призванного в республике в этот период. Потери среди

 $14 \setminus$ БОРИС ШАПОВАЛОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

мобилизованных в начале войны, естественно, оказались больше. Всего из воевавших против фашистских агрессоров за годы Великой Отечественной войны погибло 84 тысячи военнослужащих — уроженцев МССР. Из них 57 тысяч погибших военнослужащих это этнические молдаване. (История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней. 2002, с. 240).

Разумеется, народ устал от войны и никто не хотел умирать. Но необходимость своего участия в её завершающих боях большинство призывников понимало, и приказ о мобилизации выполнило. Воевали уроженцы Молдовы честно и достойно. За боевые подвиги 250 тысяч воинов Красной Армии и партизан, уроженцев Молдавской ССР были награждены орденами и медалями СССР (практически каждый второй, тогда как в целом по СССР – каждый 4-5 воин). Молдавская земля дала стране 19 Героев Советского Союза и 7 полных кавалеров Ордена Славы.

В ходе работы поисковой группы Союза офицеров Молдовы и Национального координационного комитета «Победа» над проектом, посвящённом героям Великой Отечественной войны, уроженцам молдавской земли, были уточнены и опубликованы биографии всех 26 Героев молдавской земли, составлен и утверждён официальный список, проведена реконструкция Аллеи Героев на столичном Мемориале воинской славы «Вечность». Следует подчеркнуть, что количественный и национальный состав Героев Советского Союза и полных кавалеров Ордена Славы подтверждает демографические реалии того времени в Молдавской ССР: молдаване — 8 человек, русские — 5, украинцы — 11 и евреи 2 человека. Это лишний раз доказывает, что в Великой Отечественной войне граждане многонациональной Советской Молдавии были вместе со всем советским народом.

Борис ШАПОВАЛОВ — историк, политолог, публицист, доктор философии в области социологии, преподаватель истории и гражданского воспитания высшей дидактической степени, член-корреспондент Международной кадровой академии. Родился в 1958 году в селе Кицканы МССР. Окончил Кишинёвский государственный педагогический институт им. И. Крянгэ, Межрегиональную академию управления персоналом. Автор более 50 книг — учебников, методических работ и научно-популярных изданий: по истории, маркетингу, экономике, праву и педагогике. В том числе — шести книг о Великой Отечественной войне: «Кицканский огненный плацдарм», «Правда о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Лента нашей памяти», «Герои молдавской земли», «Великая Отечественная война 1941-1945 годы. Документы, цифры, факты» и «Путь солдата: Сталинград, Курск, Кишинёв — Победа». Член комиссии по культуре, образованию и науке при президенте Республики Молдова, член Национального координационного комитета «Победа» и Исполкома Союза офицеров РМ, член Совета Конгресса русских общин Молдовы. Награждён орденом «Gloria muncii», медалью Штефана чел Маре.

ПОБЕДИТЕЛИ

ПЫЛАЮЩИЙ АВГУСТ 44-го...

С каждой весной их всё меньше и меньше, наших солдат Победы...

В канун 75-летия Ясско-Кишинёвской операции, полагаем, будет не лишним вглядеться в лицо одного из них, пусть и ненадолго. Характерные черты удивительного поколения мальчишек, ушедших на войну со школьной скамьи, отчётливо проступают, хоть и прошло уже так много лет.

Человека этого давно нет в живых. Он не дожил до Дня Победы 1991 года всего девять дней. Но герой войны подполковник, кавалер двух орденов Красной Звезды и трёх орденов Отечественной войны, двух медалей «За боевые заслуги» Александр Захарович АМЕЛЬЧЕНКОВ по-прежнему остаётся с нами. Добровольцем он ушёл на

фронт 22 июня 1941 года, когда ему не исполнилось ещё и восемнадцати лет. Бои под Смоленском и Старой Руссой, Курская дуга, Ясско-Кишинёвская операция, Болгария – таковы этапы его ратного пути.

Публикуем воспоминания фронтовика о его участии в Ясско-Кишинёвской операции.

После тяжёлых боёв 23 августа 1944 года 188-я стрелковая Нижнеднепровская Краснознамённая дивизия (комдив полковник Василий Даниленко) взяла крупное село Чимишлия. Таким образом 37-я армия 3-го Украинского фронта под командованием генерал-лейтенанта Михаила Шарохина вышла на ближние подступы к Пруту. За рекой – королевская Румыния, которая была ещё в состоянии войны с нами. Армии предстояла весьма ответственная задача – стать огромной наковальней, о которую должны были разбиться немецкие части, идущие на нас из Кишинёва, Бендер и других районов Молдавии. Частицей этой наковальни был и наш 595-й стрелковый полк, где я служил заместителем начальника штаба полка. А мне в ту пору – 21 год, как и большинству моих товарищей офицеров. Начал войну семнадцатилетним рядовым красноармейцем под Смоленском в

16 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

"Давай закурим, товарищ, по одной..." Кицканский плацдарм

1941-м, а в канун боя в кармане моей гимнастёрки лежал приказ о присвоении звания капитана.

Мы, молодые ребята, командовавшие в то время подразделениями полка, отлично понимали: если за ночь не вытащим нашу артиллерию на прямую наводку, нас сомнут лавины отступающих фрицев. И всю ночь, до четырёх утра героическими усилиями наши бойцы вытаскивали орудия на высотки у села Албина Чимишлийского района. Ночью в вязкой грязи (прошёл короткий, но предательски сильный дождь), на плечах тащили ребята полковые пушки и ящики со снарядами, копали траншеи полного профиля, устанавливали пулемёты. Знали: где-то завтра попрёт

враг, спасая свою шкуру, чтобы не оказаться в котле. Нас было немного: давали себя знать предыдущие тяжёлые бои. Но каждый помнил: мы — наковальня. На нас надеются. На нас, наших сердцах — исход крупнейшей операции 1944 года.

... В четыре утра 24 августа любимец полка майор Гудков (свой первый орден Ленина он получил ещё в боях с белофиннами) разбудил меня по телефону:

- Сашка, ты ещё спишь?
- Товарищ майор, только прилёг.
- Не время спать. Фрицы идут!

В 4.30 с высотки мы увидели чёрные тучи фашистов. Пехота, легковые и грузовые машины, повозки, танки... Было такое впечатление, что сила идёт неисчислимая. Но участь немцев уже была предрешена — мы это знали твёрдо. Вокруг нашего НП уже были со своими орудиями командиры батарей капитан Дима Шкирский, капитан Володин, командир 120-миллиметровой миномётной батареи Иван Пикин, командир артдивизиона поддержки Ревишвили.

Выписка из приказа о представлении к награде

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 17

В 5.30 немцы полезли на нас. И началось... За рёвом орудий не слышно пулемётного стрекота и стука автоматов, взрывов гранат. Кое-где перешли в рукопашную. В одной из таких схваток погиб наш любимец — заместитель командира батальона Андрей Чампит. Мы нашли его уже потом в куче мёртвых фашистов с пробитой прикладом головой...

Память выхватывает из прошлого кусочки боя. Вот впритык с лесопосадкой ползёт «Тигр», плюётся короткими вспышками. Снаряд грохнул рядом, в окопчике, разорвав в клочья троих солдат. Я весь в их крови. Трясу головой, всё внутри звенит от взрыва. Меня мигом переодевают. Кричу командирам батарей: «Подождите, пока фриц покажет свой бок: в лоб его не возьмёшь!»

Ясско-Кишинёвская операция. Накануне боёв на Шерпенском плацдарме

Минута, другая – и наконец бронированная громадина поворачивается. И вмиг в танк воткнулись шесть или семь снарядов. Показался дым. Танкисты в чёрных комбинезонах выскакивают из люков – их тут же косят пулемёты.

Это было настоящее побоище. Со стволов орудий обгорела краска, пулемётам не хватало воды. Волна за волной – одиннадцать атак! И такими же волнами фашисты ложились на высотах.

В четыре часа пополудни всё было кончено. Собирали убитых и раненых. В этот день погибли и десятки наших товарищей, солдат и офицеров. Среди них – командир батальона старший лейтенант Филиппов, замполит первого батальона майор Алексеев и парторг батальона старший лейтенант Захаров...

Приехал комдив Василий Яковлевич Даниленко:

- Ребята, какую награду хотите за этот бой?
- Нам бы поспать минуточек шестьсот...

Ничего не сказал комдив, зная, что отдых будет совсем не долгим.

Поздно вечером, объехав все посты, я залез в палатку и мгновенно заснул. Через полчаса меня разбудил радист. Звонил Даниленко: «Саша, возьми карту. Измаил видишь? Через час полку надо быть на перекрёстке дорог. Приказ ясен?»

...Только 9 сентября, неподалёку от Софии, в Болгарии, на ночном привале собрались мы, офицеры полка. В котелок с красным болгарским вином положили свои ордена за тот бой под Албиной. Пустили по кругу, почтив светлую память товарищей.

За тот жуткий памятный бой меня, как и многих других офицеров, наградили Орденом Отечественной войны первой степени.

18 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

ИЗ ТЕХ СУРОВЫХ РОКОВЫХ СОРОКОВЫХ

Умирают друзья, умирают...
Из разжатых ладоней твоих
Как последний кусок забирают,
Что вчера ещё был — на двоих.
Всё пустей впереди, всё свободней,
Всё слышнее, как мины там рвут,
То, что люди то волей господней,
То запущенным раком зовут...

Константин Симонов

Есть личности, писать о которых – высокая честь. Мне повезло: я видел, знал, слушал Александра Захаровича Амельченкова. Он ушёл из жизни накануне Первомая, в дождливый день, оставшись один на один с собой. Видно, стало совсем плохо и он пытался дозвониться до скорой. Не успел...

Таким его запомнили друзья и родные

А мне всё кажется, вот выйду на улицу – и навстречу двинется знакомая приземистая фигура. В прокуренных пальцах неизменная сигарета, сиплое дыхание, на носу тёмные очки. Суровый взгляд потеплеет, и мы опустимся на первую же попавшуюся скамейку...

Вот так же в августе 1984 года мы сидели под огромным институтским дубом. Не в первый раз уговаривал я Александра Захаровича рассказать о себе, о фронтовых годах. Раньше он только отмахивался: "Брось, Серёжа, другого фронтовика для статьи своей найдёшь".

А тут – уговорил. Захарыч долго молча курил, а потом ясным, сильным командирским голосом заговорил. Это была чистая литературная речь. Он говорил так, словно событие сорокалетней давности произошло только что – страшный бой с 23 на 24 августа 1944 года у села Албина Чимишлийского района. Как всю ночь тащили его бойцы орудия на высоты, на прямую наводку, как вскоре попёрли на них

фашисты, рвущиеся из котла на прорыв, и какое это было пекло. Исполнилось тогда старшему лейтенанту Амельченкову чуть больше двадцати лет от роду, из них три года фронтовых, с самого начала войны. Старый подполковник назвал поимённо всех своих друзей; и тех, кто сложил головы в этом страшном бою, и тех, кто выжил. Это были только одни сутки из его фронтовой жизни. Рядовым он ушёл на фронт, а закончил войну капитаном, кавалером трёх орденов и многих медалей. Он был удивительно красив, юный капитан, которому судьба отмерила ответственности за судьбу страны полной мерой. Он ещё долго служил в нашей

армии, и, думается, сослуживцы любили и уважали этого сильного человека, ибо он был, как кремень.

Он так на всю жизнь и остался офицером. Гордый обликом, надёжный характером. Впрочем, повадкой Александр Захарович был не мёд: что и говорить, суров. Но почему тогда так тянулись к нему люди? Почему могли открыть ему всю душу? И ведь не ошибались! К нему шли и преподаватели, и студенты, беспартийные и коммунисты. От него выслушивали не только доброе, но и злую правду-матку. И мало кто обижался, потому что Александр Захарович был изначально человеком справедливым и совестливым. Если он помогал попавшему в беду, то никогда того не подчёркивал, устраивал всё так, как будто это само собой получилось. Терпеть не мог наушничества, стукачей ненавидел люто.

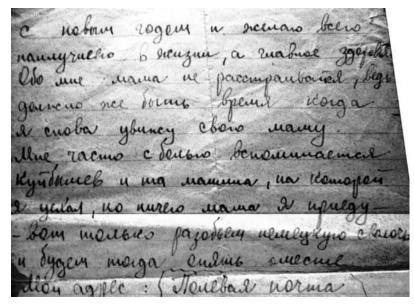
Работа секретаря партбюро, да ещё в таком большом и сложном коллективе, как пединститут, никогда не была для него синекурой: в ней, в этой работе, он прежде всего выделял нравственное воспитание людей. И в этом мало кто преуспел лучше него. Как фронтовик, как офицер, как коммунист он исповедовал

Весточка с фронта

в своей жизни главное правило: нужно всей душой любить Отчизну, свой народ. А раз любишь — изволь делать для Родины и народа всё, что от тебя требует совесть. Вроде бы простые истины, но как сложно быть им верным!

Старенькую маму свою любил Александр Захарович безмерно, как и она его. После её кончины стал совсем одинок,

Из письма Александра маме

20 \ СЕРГЕЙ УЛЯШЕВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

затосковал, потемнел лицом. Но никогда он не был жалок, этот гордый и сильный, как зубр, человек. Его втихомолку и звали Зубром.

Вспоминаю свои нечастые встречи в последние годы с Захарычем. То, что происходило в стране и республике, в серьёзной степени было для него крушением жизни. Развал веры, нравственности, доброты в людях, деление на граждан первого и второго сорта воспринимал как личную трагедию. "Послушай, Серёжа, – как-то растерянно говорил он, – что же это с людьми-то делается? Разве за таких мы сражались? Куда делись честь, достоинство, доброта? Неужели всё насмарку?". Больно было смотреть ему в глаза в такие минуты. И что я мог ему ответить? Пришла беда – отворяй ворота...

Александра Захаровича хоронили как офицера, фронтовика, с почётным во-

Внук Сергей чтит память дедов-фронтовиков. Москва, «Бессмертный полк», 9 мая 2018 года

инским караулом. Молодые солдаты несли красный гроб, за ним на бархатных подушечках - более двадцати боевых наград. Мало я знал людей, столь же достойных этих орденов и медалей... Ружейный залп разорвал хмурую тишину кладбища. Я поднял и сунул в карман ещё едко дымившуюся гильзу. И пока живы мы, помнящие и любящие его, Александр Захарович останется с нами. Это был настоящий человек. Нам бы хоть чуточку быть похожими на него!

Сергей УЛЯШЕВ, член Союза журналистов СССР, член Союза писателей Молдовы им. А.С.Пушкина

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 21

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

«ЕСТЬ В МИРЕ СЕРДЦЕ, ГДЕ ЖИВУ Я...»

Некоторые размышления о жизни после жизни A.C. Пушкина в русском пространстве Молдовы

«Над колыбелью пел щегол, А было то – родное слово: Летучий пушкинский глагол И богатырский слог Толстого...» А. Юнко – Мама, а Пушкин, когда женился, любил только свою жену?

-?!?!

– Ну-у-у... я просто подумала, вдруг мы потомки Пушкина? Какие-нибудь внуки и правнуки. Внебрачные. :)

Лизонька, 12 лет

С тех пор, как зазвучала на молдавской земле русская поэтическая речь, главной её особенностью является кровная связь с Россией, ведь первым русским поэтом Молдавии литературоведы считают А.С. Пушкина. «Исследователи насчитывают более 220 сочинений, написанных, начатых и задуманных в Кишинёве, в их числе четыре южные поэмы и шестнадцать первых строф романа «Евгений Онегин»»*. Представляете?! Какая из стран ещё обладает таким сокровищем?

Личность Александра Сергеевича, вернее, «наш собственный» Пушкин, легендарный *бес арабский*, чьи годы пребывания в южной ссылке расписаны биографами по минутам, безусловно, является для русскоговорящей читающей Молдовы ключевой культовой фигурой. 6 июня, 10 февраля – между этими двумя датами проносится литературный год, интенсивно наполненный пушкинским содержанием, как ни в каком другом независимом государстве, и отнюдь не только по юбилейным поводам...

Всё, что связано с именем поэта, здесь откликается специфическим современным звучанием, приобретает особое значение, кроме традиционно принятого. Его историческая фигура вот уже почти два столетия играет роль неразрывного связующего звена между Россией и Молдавией, нравится это кому-то или нет, они породнились – родством с поэзией А.С. Пушкина.

Это понял ещё в 1933 году Игорь Северянин, живший у нас в эмиграции, и, вписав образ дерзкого доброго гения в бурное кишинёвское цветение, воспрял, ликуя, духом, призвал современников скинуть с душ тоску и боль (а ведь «король поэтов», как миллионы вынужденных эмигрантов, лишённый России,

^{*} О. Батаева «Про Кишинёв и про себя» http://pushkin-moldova.narod.ru/kishinev.html

 22 \ ОЛЕСЯ РУДЯГИНА
 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

смертельно по ней тосковал!) – «Ежеминутно ощущая, /Что в беспредельности степей / С цыганами, в расцвете мая,/Скитался тот, кто всех светлей, /Кто всех родней, чье вечно ново, /Все напоенное весной /Благое имя, что вишнево, / Как вышний воздух Кишинёва, /Насыщенного белизной!».

Только в контексте эпохи: потери родной земли, всего, что любил, – гибели Российской империи, ужасов революции, Первой мировой войны и Гражданской, предчувствия очередной приближающейся катастрофы, мне кажется, можно понять глубину этих — на искушённый взгляд чрезмерно восторженных и не слишком совершенных стихов!

Мемориальный Дом-музей Поэта, недавно отметивший своё 70-летие, намоленное место паломничества как туристов, так и жителей республики, где проводится посвящение учащихся в лицеисты, великое множество выставок, литературно-музыкальных вечеров и встреч. «Русское поле» неоднократно «приводило» своих читателей в этот Дом, волей преданных сотрудников сохраняющий дух эпохи Пушкина, его светоносное незримое присутствие, - несмотря на все видимые и невидимые, но очевидные и реальные опасности непредсказуемого жёсткого времени. Журнал знакомил своих читателей и с удивительными людьми, проводниками культуры, посвятившими свои жизни изучению и популяризации наследия Александра Сергеевича: знаменитым молдавским пушкинистом Виктором Кушниренко, чей новый очерк о неизвестном ранее пушкинском маршруте мы публикуем нынче на наших страницах; музеографом Мариной Подлесной – неутомимой и страстной пропагандисткой пушкинского Кишинёва, бессарабского периода жизни, творчества Поэта; менеджером культурных проектов Российского центра науки и культуры в Кишинёве, руководителем его Пушкинской аудитории Ольгой Батаевой, недавно отмеченной Президентом РМ Игорем Додоном почётным званием «Om emerit».

Кишинёв – город особенный, забыть который родившемуся здесь в прошлом веке человеку невозможно, а трёхлетнее пребывание Александра Пушкина под сенью кишинёвских акаций, орехов, шелковиц, виноградной лозы, увивающей балконы и веранды, обрамило его, словно драгоценный камень, уникальной оправой. Все поэтические пути русскодумающих литераторов и почитателей поэзии стекаются к памятнику в центральном городском парке, некогда носившем имя поэта, — бюсту работы А. Опекушина, копии знаменитого московского оригинала с Тверского бульвара. М. Подлесная собрала и недавно выпустила книгу с удивительным названием: «Времена жизни кишинёвского памятника А.С.Пушкину», с посвящёнными ему стихами и графикой.

Почти два столетия поэты в задумчивости обращаются к нему, сверяя свои поэтические часы. Вот не вошедшие в сборник строки молодого автора из Тирасполя, впервые попавшего в чужой ему Кишинёв:

«Кудрявой бронзы тяжесть молодая,/колонна вместо тела твоего, /и светятся прозрачно и мертво /растрёпанные листья, опадая./Уютны ль облетающие чащи? /Хорош ли сон, зовущий выше крыш? /Ты дружишь с кленом, с птицей говоришь, /но почему-то мне не отвечаешь». (А.Захарчук)

А вот – совсем другое настроение, мысли и эмоции человека грозной военной эпохи Давида Ветрова (1913-1952). В его стихах знакомый всем кишинёвцам с детства памятник становится стержнем духовного сопротивления. В годы

румынской оккупации и позднее, во время Великой Отечественной войны, он, построенный на добровольные пожертвования горожан, и ставший вторым в Российской империи памятником Пушкину, олицетворял для Ветрова спасительный образ Родины, светоносный образ грядущей Победы над чудовищной сутью фашизма. Памятник переживал лихолетье вместе с горожанами, становился свидетелем преступлений вражеских орд:

«В руинах город мой, /Мой тихий дом разрушен. /Над Пушкиным, в саду, / Проскрежетал снаряд. /Где я стихи слагал /У кучерявой груши, /Десятки виселиц/ Под вьюгою скрипят...». То, что памятник выстоял там, на родной оккупированной земле, захватчики которой методично уничтожали мирных граждан (по официальным данным, за годы оккупации пыткам и истязаниям были подвергнуты 207 тысяч жителей Молдавии, десятая часть населения. Число погибших от рук оккупантов и в заключении превысило 120 тысяч), на земле, которую еще предстояло с кровопролитными боями освободить, было для поэта-фронтовика глубоко символичным. Он клянётся:

«Вернёмся мы назад /И дом отстроим снова. И лиры Пушкина /Рассвет коснётся вновь...».

Кстати, памятник Поэту воспринимался как символ России не только её друзьями, но и недоброжелателями. В конце недавно ушедшего века А.С. Пушкин принял на себя удар ненависти, выплеснутой националистами – и едкой краской на его памятник, и позорными публикациями в изданиях определенного толка. А вступилась за поэта газета «Независимая Молдова», главный редактор которой уроженец приднестровского села, поэт-трибун, известный публицист Борис Мариан, пронёс любовь к поэзии Александра Сергеевича через всю непростую жизнь. «Читай Пушкина – человеком станешь!» – сказал ему, мальчишке, на заре судьбы отец, подарив изумительную книгу с картинками. В самые суровые годы жизни Пушкин был собеседником и утешителем, мерилом добра и справедливости. Получив срок за участие в студенческой демонстрации протеста против вторжения советских войск в Венгрию в 58-м году, в течение 5 лет в Дубровлаге в Мордовии «опальный студент» не только учился терпению, мужеству, упорству и... стихосложению, но и получал уроки неподдельной интернациональной дружбы. Символично, что «потомок гордых даков» в своей книге «Тюремная тетрадь» использует цитату из знаменитого пушкинского стихотворения:

«Одно лишь утешенье, кстати: /Со мною тянут срок, не миг, /И гордый внук славян в бушлате, /И финн, и друг степей калмык».

Мариан совсем не фигурально, а вполне реально судился за честь любимого поэта и отстоял её. «*Пушкин один, а дантесов много*» – убеждён Борис Тихонович.

Перечитывая неординарную мистическую книгу блестящего журналиста и прозаика Елены Шатохиной, к сожалению, ушедшей после тяжёлой болезни, я задумалась над её словами в предисловии: «Пушкин, как сильная вибрация, рождал вихри, невольно дразнил окружение своим гением, высвобождая в чужих душах не только чувства добрые, но потаенное, совсем не святого толка. Сколько противоречивых интересов боролось вблизи него! Так повелось от века и не скоро кончится: гений — щепотка раздражающей соли на чью-то рану самолюбия. Но пушкинское пространство жизни и окружение так мощно было им заряжено, что и почти 200 лет кипят вокруг его смерти нешуточные страсти и все его

24 \ ОЛЕСЯ РУДЯГИНА РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

современники, как Ахматова и предсказывала, стали нам интересны лишь потому, что имели к Поэту хоть какое-то отношение. Он даже своей гибелью всех построил... по рангу человечности, вот что он сделал».*

Так происходит и поныне! Александр Сергеевич и в наши времена ведёт себя подобным образом, оказываясь совершенным мерилом человеческого достоинства, благородства духа, любви к родине и – таланта.

Для некоторых имя Пушкина — повод для бессовестного самопиара, паразитирования на нём, демонстрации собственной значимости. Во времена засилья китча и отсутствия в республике института литературной критики, можно тоннами безнаказанно штамповать бездарные посвящения поэту.

Для других поэзия Александра Сергеевича – безусловный камертон души, мастерства, лекарство от пошлости и самодовольной ограниченности.

Тема русской литературы, поданная по-своему в стихах поэтов разных по-колений, пишущих в Молдове по-русски, – одна из красок многогранного образа Родины.

«Мир бы рухнул /От взрыва, от бури, /Развалился бы наверняка, /Но стоит он На Литературе, /И она его держит пока». (Н. Сундеев)

За тридцать лет оторванности — физической — от России границами и таможнями, изменилась не только политическая карта мира. Изменилась поэзия. Русская поэзия Молдовы — разительно. Не ставя перед собой сейчас задачу глубоко исследовать этот вопрос, замечу только, что, несмотря на декларированную свободу и фактический «безвиз» (при наличии румынского гражданства, коим — принципиально! — большинство из русских поэтов не обладает!) поэтическое время и пространство в наших стихах — за редким исключением — скукожились, как шагреневая кожа. Порой до пространства собственной души. До пространства пяди земли, которая ещё осталась под ногами. Мы разительно отличаемся от поэтов прошлого века, живших, как оказалось, в «империи зла». Поэты последней четверти прошлого столетия запросто кочуют по святым литературным местам России. В стихах шестидесятников прописались Ленинград, Москва, Болдино, Таруса, Константиново, Бежин луг, Михайловское — то, чего напрочь лишены русские поэты Молдовы ныне. Пишущие много читают и живут впечатлениями от вечных книг, без которых, похоже, уже и невозможно понимание Родины:

«Всё те же дни покорности и сна /Всё те же мятежи на переломах, /Всё та же всероссийская весна, / Γ де всё своё — Печорин и Обломов...». (А. Коркина)

Лирика поэтов шестидесятых — девяностых годов несёт приметы великолепного русского модернизма. Стихи «гипертекстуальны»: здесь и осмысление античности (Р. Ольшевский), и века восемнадцатого — наследия М. Ломоносова, Г. Державина (В. Ткачёв, В. Костишар), и перекличка со светоносным девятнадцатым: Е. Баратынским, А. Пушкиным, М. Лермонтовым, А. Фетом, Ф. Тютчевым (В. Костишар, И. Ремизова, И. Нестеровская), и с горчащими страницами XX-го — И. Анненским, А. Блоком, И. Буниным, А. Ахматовой, В. Хлебниковым, С. Есениным, Н.Заболоцким, Н. Рубцовым (Н. Савостин, А. Коркина, Н. Сундеев, А. Милях, В. Костишар, О. Рудягина). Из века в век протянуты нити главной «русской» темы служения Отчизне, назначения поэзии и поэта.

 $^{^*}$ Елена Шатохина. «Избранник, или «Гений и злодейство»: детектив XIX века в письмах. (Кишинёв, 2004).

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ОЛЕСЯ РУДЯГИНА / 25

«И шмель звенит над выгнутым листом, /И можно вспоминать друзей, о боже, /И думать об Овидии, о том, /Что разные века, а судьбы схожи...». (Р. Ольшевский)

Шестидесятые годы «оттепели» с их упоительным духом свободы, раскрепощения, жаждой самопознания, настойчивым поиском идеала, были очень близки пушкинскому мироощущению. Молдавия, которую помогали отстраивать и возделывать в послевоенные годы специалисты разных национальностей, направленные сюда со всех концов необъятного Союза, расцветала. Гордость за плоды созидательного труда на возрождённой земле отождествлялась с гордостью за победившую фашизм страну, сердце которой находилось в Москве, возвращала к событиям недавней и далёкой истории. Особенно близким становился образ молодого Пушкина, его бесстрашие, вольнолюбивый, неукротимый нрав, гуманизм и любовь к людям, населяющим этот край. Появляются циклы стихов, посвящённые Поэту и его бессмертным произведениям. Особое обаяние южного края, влюблённость в леса, холмы и долины, завещанная Пушкиным, пронизывает стихи русских авторов. Имя Поэта — символический звёздный мост, соединяющий Россию и Молдову.

Старейший русский писатель страны Николай Савостин на протяжении всей жизни неизменно обращается мыслями и чувствами к любимейшему из поэтов, которому когда-то «...Кишинёв за все его утраты /Вновь дал надежду, дал тепло и кров», который «О Кишинёве не вздохнуть не мог».

Готовя этот материал, я неожиданно наткнулась на совершенно не типичное для Николая Сергеевича стихотворение — «Двое». Обычно он на подобном мраке и натурализме не акцентирует внимание. Но здесь... Представьте: 70-е годы прошлого столетия. Воры вскрывают старинный склеп в поисках антикварных украшений. Как можно несколькими словами обрисовать и противопоставить давний беззащитный мир красоты, благородства и любви — нахрапу бестрепетной алчности?!

«В склепе кости княгини-старушки/, И в листве шелестят над нею /Те стихи, что ей, юной, Пушкин /Написал, обучаясь в лицее. /Ну а этих листва лишь тревожит: /Не понять им — что в шелесте этом. И гуляет мороз по коже /Сумасшедшим трудом разогретой».

Размышляя о судьбах человечества, дорогих сердцу России и Молдовы, о современном засилье бездуховности и повсеместной попсовой пошлости, Н. Савостин, печалясь, черпал силы, вдохновение и оптимизм в нетленных строках русского поэта. Ему посвящены циклы стихотворений, сборник очерков «Вниманье долгих дум», «Этюды о Пушкине» (в книге «Честь поэтов»).

И для год назад покинувшей землю Александры Юнко – старожила Пушкинской горки («Colina Puşchin») – старого кишинёвского района, где расположен Дом-музей, тема А.С. Пушкина давно стала привычной и безусловной, как дыхание. Помимо стихов, на протяжении ряда лет она регулярно печатала в газете «Русское слово» лирические эссе под рубрикой «Мой Пушкин». Живая связь времён, свежие, неожиданные открытия, к которым её приводят раздумья над строками и фактами биографии Александра Сергеевича, вызывали заинтересованный отклик читателей. Пушкин Юнко – живой, дерзкий, отчаянно непохожий на «канонический» образ, заученный в школе.

«Стреляться в полдень; на дуэле /Дразнить надутого глупца, /От смеха сдерживаться еле /При виде важного лица, /Под дулом стоя, напевать, /Вишнё-

26 \ ОЛЕСЯ РУДЯГИНА РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

вой косточкой плевать. /«...» На дружеской пирушке в полночь /Поднять шампанского бокал /За просвещение, за вольность, /За всех, кто вдруг сюда попал...».

...О, оказалось, это невероятно интересная тема – жизнь Поэта в произведениях значительных русских поэтов Молдовы, – нашёптанные им мотивы, реминисценции, размышления, поиск пушкинской гармонии и прекрасная неисчерпаемость!

В смутные 90-е годы обрушения системы ценностей имя Пушкина оставалось, безусловно, неколебимой вершиной, не попранным идеалом, «лучом света в тёмном царстве» разгула низменных страстей. Для поэтов, оставшихся без Родины, Отчизной, землёй обетованной становится Пушкин, мысли о нём хранят от отчаянья:

«Если бы я была Пушкиным, /Я бы написала целую вселенную «...» /Подвал, доверху набитый /Сундуками с золотом, /Я бы вместила в маленький кошелёк/ С гербом России...». (И. Нестеровская)

Интересно, что, если лет «надцать» назад на этом пространстве, от России отпавшем, вернее, насильно оторванном от неё, в произведениях поэтов личность великого Поэта вырастала безусловным символом России, то сегодня мне всё чаще кажется, что в русской литературе здесь Александр Сергеевич обрёл совершенно таинственную самостоятельную жизнь, крепко-накрепко породнившись с молдавской землёй и всеми нами, словно в самом деле многочисленным потомством. Пушкин теперь примета не только России, которую большинство из нас знает лишь виртуально, но и выстраданной родины – Молдовы.

Вдумчивое и бережное отношение Александра Сергеевича к фольклору, в частности, к молдавскому, органично и для русских поэтов, которые проникаются мелодиями и преданиями древней земли, вплетают в свои строки слова молдавской речи. Представитель великой державы, многонациональной и многоконфессиональной, А.С. Пушкин с интересом и уважением относился к творчеству и обычаям людей, населяющих Бессарабию, вслушивался в неизбывную печаль дойны*, при звуках зажигательного жока народных гуляний не мог устоять на месте, пускался в пляс! Поразившая воображение молдавская песня «Чёрная шаль» — в его переводе — навсегда прописалась в собраниях сочинений. Именно поэтому А.С. Пушкин официально считается первым собирателем молдавского фольклора. А это даёт такой простор для воображения поэтам новых времён! — здесь, у нас, дышится Александру Сергеевичу привольно, и сердце наполняет радость. Его радость!

«Где тот блокнот, в который записал /Поэт опальный слов чужих звучанье, / Где слышно ветра юга колыханье /И скрипок вольных терпкое дыханье, / И флуер, и цимбалы, и кавал?». (О. Рудягина)

И правда, мы — счастливчики! У нас, кроме уникального Дома- музея, Благовещенской церкви, которую он посещал, улиц, помнящих звук его шагов, ещё есть живописное село Долна. А там — восстановленная после перестроечной разрухи, благодаря настойчивому желанию молдаван-жителей села(!), воле и всемерной помощи посольства Российской Федерации — усадьба помещика Ралли, где счастливо гостил Александр Сергеевич Пушкин. Где, блуждая по окрестностям, встре-

^{*} Дойна – молдавская протяжная печальная песня, признанная ЮНЕСКО мировым достоянием.

тил цыганский табор и пленительную смелую Земфиру, ставшую прообразом героини «Цыган» (и, кстати, – знаменитой Кармен Проспера Мериме), с которыми, не раздумывая, позабыв всё на свете, ушёл Поэт на две недели кочевать.

«Остра, как нож, цыганская тоска, /Но спрятана под сумрачное веко. /Лепёшку рвёшь на равных два куска: /Придёт иль не придёт она, Алеко?». (А. Юнко)

Каждый год 6 июня караван автобусов с горожанами устремляется в Долну, где в честь поэта звучат стихи и песни, — на праздник, к которому сельчане готовятся целый год, а затем гостеприимно распахивают ворота усадьбы и встречают гостей белым хлебом и красным молдавским вином. Без этой поездки для иных горожан и лето — не лето, не в радость, и год — неполноценен!

«Ушел – тропа легка? /Ушел – и был таков... /Ах, полно же, не плачь. /Ах, Долна, не горюй, /А положи калач /Вблизи бегущих струй, /А расстели ковер, /Вином налей кувшин...». (А. Юнко).

С 2014 года мы проводим единственный в Республике Молдова фестиваль русской литературы с именем «Пушкинская горка», инициированный Ассоциацией русских писателей Республики Молдова и поддержанный Российским центром науки и культуры в Кишинёве, столь изумляющий гостей фестиваля — известных литераторов, руководителей писательских организаций и редакторов знаменитых журналов преданностью наших сограждан памяти «солнца русской поэзии». Гости из России, Республики Беларусь, Украины и Болгарии неизменно увозят с собой особое очарование моей Молдовы, и, смею заметить, некое лёгкое потрясение от того, как преданно тут почитают думающие люди Александра Сергеевича...

Солнцем поэтической вселенной поэтессы Валентины Костишар, уроженки сурового Архангельского края, работавшей всю жизнь учителем русского языка и литературы в Кишинёве, безусловно, является А.С. Пушкин. На чём бы ни останавливался её лучезарный взор, где бы ни кружила фантазия, центр притяжения, сердце её поэзии — он!

«Есть у лета июнь, /Соловьи и кукушки. /Есть у времени даты, /Есть счастливые дни. /Есть на свете Россия, /У России есть Пушкин, /И божественный гений /Её душу хранит».

Книгу дивных романсов на Валины стихи написал безвременно ушедший Сергей Пожар – уникальный музыковед, публицист и композитор, неутомимый пропагандист музыкального искусства Молдавии и творчества А. Пушкина и М. Эминеску.

Сегодня «дежурная», захватанная и, к несчастью, часто обесцененная школьной муштрой и официозным бряцаньем, любовь к поэту сменилась для одних – новым яростным желанием «сбросить Пушкина с корабля современности», другим же посчастливилось осознать уникальность и значимость человека, создавшего русский литературный язык, впервые заставившего зазвучать его в полную силу необычайной красоты. «Милость к падшим призывать» ныне не актуально, однако, что бы ни придумывали ненавистники Александра Сергеевича и разномастные местечковые дантесы, а ничего не могут поделать со всё более очевидной — с бегом столетий — современностью и нерушимой гармонией его произведений.

28 \ ОЛЕСЯ РУДЯГИНА РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Шарж волшебной Татьяны Некрасовой обыгрывает верную примету жития, когда, таща на себе все житейские обязанности, окликает женщина с усталым укором не подставляющего плечо, филонящего близкого человека: «Кто же это сделает? – Пушкин?!» (а, может, окликает она саму жизнь? Которая перегружена обязанностями и не оставляет никакого пространства и времени для «чудных мгновений», часто предлагая исключительно разбитые корыта в ассортименте). Можно, конечно, пожурить поэтессу за подобную приземлённость, а можно понять это родственное панибратство с А. С. как спасение:

«Пушкин сходит за хлебом, /Пушкин выбросит мусор, /и на Пушкина с неба/ вдруг спикирует муза: /элефанта-сильфида/в лавке быта посудной — /и корыто разбито, /и мгновение чудно».

Я знаю, что Александр Сергеевич иногда... приходит во снах, заставляет прислушаться поэта к себе, можно сказать — направляет, выстраивая неожиданные сюжеты стихов. Как, наверное, именно так он нашептал таинственное стихотворение «Сказка на ночь» Наталье Новохатней — о себе, о маленьком, о незабвенной няне своей:

«...И польётся, и помчится, /Про царя да про царицу, /Про прекрасную Жарптицу, /Про Кащееву иглу, /Что на острове Буяне, /Про Добрыню, про Полкана, /Про крестьянского Ивана, /Про лягушку, про стрелу(...) /Померещилось, приснилось/,Сгинуло давным-давно... /Но пока — лишь ночь да сказки. /Вот уже сомкнулись глазки. /Горько плакала свеча. /О героях ли могучих, /О судьбе ли неминучей, /Что ударит сгоряча /Злобой, сплетнями, наветом /И дуэльным пистолетом... /Чур меня, молчи-молчи!

... Зима отмечена для нас пушкинской метой. И непременно в один из февральских дней к памятнику Пушкину стекается в парк народ, ему несут цветы и стихи — его собственные и — горожан. Здесь и лицеисты в костюмах пушкинской эпохи. И непременный ряженый в пушкинских бакенбардах высокопарно декламирует бессмертные строчки, театрально вскидывая руки... Я иногда думаю, не надоели ли Поэту это почитание, эта суета? Умный, ироничный и не терпящий пошлости человек же был! Гляну ввысь на склонённую главу, слушающую не раздосадовано и отрешённо, но внимательно, почувствую — нет! Не надоело... Сам же предрёк: «Не зарастёт народная тропа...». Вот и терпи теперь. Не зарастает! А мы искренне горюем 10 февраля. И несём калач и вино «за поману»*, и заказываем в русском Свято-Георгиевском храме панихиду. Как за родного человека! И настоятель храма отец Николай Флоринский с братией обязательно в этот день её проводят — светло и торжественно!

Последняя дуэль Пушкина воспринимается и сегодня живущими как поединок чести – с бесчестьем, благородства – с подлостью, непреходящих ценностей глубинного православия – с целенаправленным духовным растлением безверия, и, – глобально, – как поединок России – с двуличным, агрессивным Западом, о чём ещё в середине прошлого века высказался поэт А. Ренин:

«Враг России поднял пистолет. /Ох, какая тёмной ночи плата! /Отойди от скорбного квадрата, /Неизбывна горькая утрата, /что не позабыть и в тыщу

^{* «}На помин души» — обычай давать знакомым и соседям еду, одежду, посуду, чтобы помянули умершего родственника.

лет. «...» На Руси, в Москве и по Уралу /Не хватило крови в капиллярах/В час, когда Отчизну обирала /Злоба, застилавшая рассвет».

Олег Максимов, входивший в Кишинёве почти тридцать лет назад в самое ядро Ассоциации русских писателей Молдовы, основанной Николаем Сундеевым, на мой вопрос о его «пушкинских» стихах, ответил мне на днях из Сибири: «Есть отменное стихотворение, единственное, что пришло ко мне во сне и которое я вставил в книгу без единой правки! Снилось много и казалось (во снах) прекрасным, но восстановить (наяву) ничего не выходило... А вот посвящённое Пушкину увидел (или услышал), проснулся и записал без правки хотя бы единого слова!» – публикуем его в рубрике «Пушкинская горка».

...Но как же хочется разорвать эти временны е покровы, словно матерчатый задник театральной оснеженной декорации оперы «Евгений Онегин», и выскочить на сцену, где вот-вот прогремит роковой выстрел: оттолкнуть, заслонить его собой!

«Броситься бы вслед, кинуться бы в снег,в ноженьки,/за полы хватать, пальцы лобызать смуглые, /в голос причитать, в судьи деток звать, боженьку/, каяться и лгать, но не отпускать в мглу его!». (О. Рудягина)

Пушкин навсегда поселился в нашем воображении и проживает в нём параллельные жизни. И – кто знает! – быть может, в тот роковой миг померещилась поэту напоследок наша горячая терпкая земля – как в стихотворении «Южная ссылка» Леонида Поторака, написавшего в 17 лет:

«Но – пора. Всему приходит время. /Снег летит. Давно забыто лето./ Секундант заснеженный отмерил /Десять медленных шагов до края света./ Господа, пора стрелять. Забыли? /И рванулся искрами из дула /Скрип телег и запах летней пыли; /Снова в южном зное степь уснула...».

....Каждый из нас переживает историю жизни и смерти Александра Сергеевича заново. Каждый, серьёзно погрузившись в его стихи и прозу, навсегда становится поэту другом и защитником.

Около полутора сотен произведений написал А.С. Пушкин в Бессарабии. Это и такие шедевры, как «Бахчисарайский фонтан», «К Овидию», «Кавказский пленник», «Узник», «Братья разбойники», «Черная шаль». У нас, вот под этой долго светящейся небесной лазурью, в Кишинёве, родились первые шестнадцать строф бессмертного романа в стихах «Евгений Онегин».

Сколько же произведений написано на молдавской земле «по мотивам» пребывания Александра Сергеевича у нас, сколько посвящено ему, его времени, его стремительной жизни и творчеству, сколько произведений перекликаются, беседуют с ним, вопрошают, утверждают на земле власть его негасимого стремления к добру и милосердию, — никто ещё не подсчитывал!

В заключении этих размышлений хочется привести цитату из моей же статьи для одесского журнала «Южное сияние» наших верных друзей из Южнорусского Союза писателей, написанной по следам «Пушкинской горки», прошедшей в 2018 году. Я так долго искала эти слова:

«...Пушкин спасает нас от амнезии. Нас кодируют: «Не было ничего до 90-го года! Всё лучшее начинается с Великого национального собрания.» Вырубают повсеместно старые деревья, сносят исторические здания, дабы отшибить

 $30 \setminus O$ ЛЕСЯ РУДЯГИНА РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

память, переписывают историю, перекладывают ежесезонно золотоносную плитку... и вроде бы и правда — ни прошлого, ни будущего, — этот ждущий хлеба и зрелищ, на себя почти не похожий город завис в безвоздушном пространстве... А откроешь томик Пушкина и — о, счастье! Да ведь было, было, да ведь есть! И мы с вами есть! И прошлое! И голоса наших мам и бабушек, читавших нам, маленьким, вечные его Сказки. И есть чем дышать!

Мы вместе пережили колоссальное потрясение — развал огромной страны. Мы вместе собирали себя из осколков разлетевшейся жизни. Мы вместе — каждый в своей стране — нащупывали в трясине лжи и мерзости безвременья острова твёрдой почвы под ногами. Мы хватались за воздух. Мы нашли! Самое прочное в этом мире — то, что не предаст, не исчезнет, не покинет, то, что невозможно вырвать из сердца, — Слово. Как оказалось, самое надёжное в этом ускользающем мимикрирующем безжалостном лукавом мире — поэзия. От колыбели — до последнего земного причала. «Но лишь Божественный глагол до слуха чуткого коснётся!».

Да здравствует Пушкин!

Олеся РУДЯГИНА – поэт, публицист, прозаик. Родилась в Кишинёве. Окончила Молдавскую государственную консерваторию по классу фортепиано. Публикуется с 1990 года.

Автор шести поэтических книг, публицистических статей, ряда телевизионных передач о творческих людях Кишинёва и документального фильма. Стихи, проза и публицистика печатались в периодике Молдовы, России, ближнего и дальнего зарубежья. Председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Учредитель и главный редактор Литературнохудожественного и публицистического журнала «Русское поле» (выходит с 2010 года). Инициатор проведения и куратор Международного фестиваля русской литературы в Молдове «Пушкинская горка», проходящего при поддержке Российского центра науки и культуры и Посольства России в РМ.

Награждена специальным призом Международного литературного конкурса «Русская премия»: «За вклад в сбережение и развитие традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». В 2014 году удостоена почётного звания Молдовы «Маеstru al Literaturii». Член Союза писателей Молдовы и Союза писателей России.

PYCCKOE ПОЛЕ 1/22/19 / 31

«ЧЕЙ ГОЛОС ПРОСТРАНСТВО ПРОНЗИЛ...»

ВАЛЕНТИНА КОСТИШАР

БУКЕТ ДЛЯ ПУШКИНА

Я соберу для Пушкина букет С лугов заветных – там цветов не косят. На стол поставлю, где поярче свет, И где окно раскрыто прямо в осень.

Берёзы будут под окном звенеть, И полыхать нарядные осины... И станет он на мой букет глядеть, Глядеть и думать, – думать о России.

Которую увидит всю в окне — С осенним небом, с этой птичьей стаей. И не грустя, напишет он о ней Счастливый стих — и веселее станет...

И долго будет свежим мой букет – Я выбирала вечные растенья. Я собрала их для тебя, поэт, – Прими цветы простые в День рожденья...

32 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

николай савостин

ИЗ СТИХОВ О ПУШКИНЕ

1

...Он спросит у Калипсо Полихрони, Как по-турецки: дайте мне коня? Зачем – коня? Для бегства? Для погони? Куда бежать, безжалостно гоня?

«Вер бана ат», – заучит эту фразу И повторит не раз, не два подряд. За рубежом не побывав ни разу, Не применил нигде «вер бана ат».

Что заберёт, что кинет в Кишинёве Он, оставляя свой опальный кров? Но словно растворилась в гуле крови Язвяшая мелодия тех слов.

И в Петербурге, в светском разговоре, Вдруг вырвутся турецкие слова Невольною мольбой о вольной воле, Да так, что закружится голова.

Никто обмолвку эту не заметит – Не слушают, всё больше говорят. А он почует горьковатый ветер, Услышит звон копыт: вер бана ат...

2

«О Кишинёве я вздохнул...» – так брату Признался он в письме меж прочих слов, Совсем забыв, наверно, что когда-то Писал: «Проклятый город Кишинёв!»

Да, здесь неволя — за мечты расплата. Достигнет ли сюда свободы зов? А Кишинёв за все его утраты Вновь дал надежду, дал тепло и кров.

Здесь, от столицы северной далече, Судьба такие подарила встречи На всех ветрах бесчисленных дорог.

Каких его раздумий здесь исток? Увозит он напев молдавской речи... О Кишинёве не вздохнуть не мог. РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 33

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

А лету от роду ещё немного дней. Небесные черты у отражений Выводит озеро, а облаков скольженье Подобно грации плывущих лебедей. И совершенною казалась тишина. Но в стенах Царскосельского лицея Из класса в класс, так пули бьют по цели, Два слова: Неман, а потом – война. Война! И потекла за ратью рать. Им глядя вслед, калека хмурит брови. А те, мальчишки, даже всхлипнут с горя: Их не берут, им рано умирать. Заменой пыльная от времени латынь, Почти издёвкой «veni, vedi, vici». Что этот Пушкин, вечно пишет, пишет... Француз, ответь: ты с нами или – с ним? Кровь южная, что порох. Бог с тобой! Дуэли все оставим до победы. ...Июньский парк дышал, забыв про беды, И девой нежною томился над водой, Он вместе с птицами негромко напевал Гимн вечности. Вверху, на Галерее, Овидий, ликом бронзовым темнея, В молчании задумчиво внимал.

ИРИНА РЕМИЗОВА

КТО ВИНОВАТ?

Не ветры заморские дуют, не кычут удоды в тоске — Владимир Дубровский гарцует на белом, как соль, рысаке: могучий, как Муромец, с тыла, как дева, прекрасный с лица — он едет равниной унылой оттяпывать дочь у отца.

Таща пироги и варенья (на случай принятия в плен), навстречу бежит населенье уездного города N.

Махая призывно платочком, да так, что сорвало тесьму, сама генеральская дочка с балкона влечётся к нему.

Глядели, дивясь, домочадцы из всех социальных слоёв, как лишние люди стыдятся моральных своих лишаёв: учёное чацкое горе размыкав по всем волостям, Грушницкого обнял Печорин, а Чичиков сдался властям.

34 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

Казалось бы, там, за пригорком – побег, бубенцы и Париж... Но автор встаёт за конторку под нос мурмуля: «Погоди ж!» – и вот, воплощая злодейский писательский замысел, вдруг за Машей явился Верейский, жених и гламурный паук.

На солнце сверкая доспехом, ведя угнетённую рать, Дубровский за Машей приехал, да вышло, что некого брать. Он спешится, грустный и грозный, под гадкий вороний галдёж,

но Маша всё поздно да поздно... И что с неё, с Маши, возьмёшь.

... В трактире, на свежие раны ему подливая вина, Онегин твердит: и Татьяна другому навек отдана. Куда ни взгляни – пепелище, и, в стольный направившись град, мятежный, он Пушкина ищет, который во всём виноват, повсюду: при личности царской, в казармах, в салонах контесс... и конь его – кавалергардский, и сам-то он – сущий дантес.

ЕВГЕНИЙ ХОРВАТ

Под ногой каменье, в Рай ведущее. Каялся Камене, помня Сущее.

Средь чертополоха, что малинника, каждая сорока — что павлиниха.

Перезимовавши зиму постную и перелетевши лето красное,

птица та не знает, что на волю гулею Пушкин выпускает, я – ловлю её.

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

ЛИЦО В РОДНИКЕ

1

Скатились по склону орехи. Над улицей тянется дым. Деревья латают прорехи Прозрачным шитьём золотым. А в темени старого леса Заветно краснеет кизил... И словно арапскому б е с у, Чей голос пространство пронзил, Аукнулось эхо протяжно... Мелькнуло лицо в роднике.

Навек отпечаталась влажно Босая ступня на песке.

2

Птицы свищут в унисон, Только окунись в орешник, И навстречу выйдет – он, Ни на миг не постаревший.

Он цыган из всех цыган, Он, как Байрон, из скитальцев. Ненаписанный роман Вот-вот брызнет из-под пальцев. РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 35

Воздух жилкой голубой Над опальным бьётся бардом, Над кудрявой головой. Над курчавым бакенбардом.

Он свистит лихой куплет И строгает прут зелёный. На дуэли не задет, И – хмельной, а не влюблённый!

Он протянет мне ладонь, На портреты не похожий. Беспечально молодой И уже меня моложе...

3

Прогнил за много лет У родника настил.

Возлюбленный поэт Ушёл – и след простыл. Любовник родника, И рощи, и холмов Поёт издалека, Но отдаётся зов. Ушёл – тропа легка? Ушёл – и был таков...

Ах, полно же, не плачь. Ах, Долна, не горюй, А положи калач Вблизи бегущих струй, А расстели ковёр, Вином налей кувшин...

4

Уже по-осеннему мягко
Дорога легла меж холмов
И вина зелёные — ах, как
Мерцают в глуби погребов!
Их отсвет на лицах румяных,
И дух обнимает земной,
А яблоки пахнут духмяно,
Как щёки цыганки одной...
Уже до разлуки недолго,
Но пушкинская строка
Летит над растроганной Долной
Раскованна и легка,
Как птицы и облака.

СЕРГЕЙ БЕЛОЗЁРОВ

ЯНВАРЬ, 1837. ДЕНЬ ДУЭЛИ

Из цикла «Недоговоренное с Пушкиным»

Данзаса ждать. Письмо писать о переводах детской книжки. И – ни словечка не сказать Наташке, Сашке, Машке, Гришке!

И – не взглянуть. И – не шагнуть туда, к разбросанным пелёнкам, и к чепчикам, и к распашонкам, и к долгополым рубашонкам, спросонок сбившимся на грудь!

Уже их участь решена. И в детской – белыми крылами – неведенье дневного сна укрыло их. И тьма – кругами.

В ней – ненависти едкий дым, и честь, и разговоры в свете, и невозможность быть слепым... Но дети, Пушкин? Как же дети?

36 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

ОЛЕГ МАКСИМОВ

СОН В ЗИМОВЬЕ

...Ударит первая сова И хлынет иней по щеке
По барабану тишины. И я увижу: у избушки
Аукнут скорбные слова — На русском клюквенном лужке
Они покуда не слышны. Лежит с французской метой Пушкин.
И взбухнут звёздные холмы Звезда перечеркнёт Восток,
Предощущением печали, И я увижу, как в тумане
И Родионовна из тьмы Порхает мерзкий хохоток

ВЛАДИМИР МАРФИН

ПУШКИН В КИШИНЁВЕ

Навстречу выйдет в чёрной шали.

Виктору Кочеткову

Смертельного непониманья!

...Он встал сегодня вместе с петухами, чтоб посидеть подольше над стихами, но дьявольски болела голова — давала знать вчерашняя пирушка. Он попросил рассолу, выпил кружку. А всё не шли желанные слова.

Обрывки снов, давно забытых мыслей, набросков разных безнадежно кисли. Да ко всему — в кармане ни гроша! Всё это было нудно и оплошно, да так-то кюхельбекерно и тошно, что ныла от бессилия душа.

Он вспомнил вечер:

«... начали недурно.
Липранди встал зачем-то на котурны, но вскоре успокоился... Потом пришёл валашский критик и задира, оравший, будто князя Кантемира Великий Пётр увёз с собой силком... Я сходу надавал ему пощёчин. «Хотите драться?» Он сказал: «Не хочим... Мы с жалобой пойдём на ваш рука...» Он в Яссах при дворе в каком-то чине, а здесь его без чина — по личине!.. Но леший с ним! И без него тоска...

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 37

Я этот городишко молдаванский сравнил бы разве с Портой Оттоманской, когда б ни стал мне дорог этот град, когда б ни знал я: нет для молдавана врага страшней турецкого султана, а русский нынче всем тут — друг и брат. И что скрывать, в местечке этом сонном я был порой счастливым и влюблённым. Гречаночка, не забывай меня! И пусть судачат глупые матроны о нас с тобой темно и исступлённо, нам что за дело? Кровь полна огня!..»

Он отложил перо. Взглянул в оконце. как много сини, зелени и солнца! Такая пастораль, такой покой... Сад полон жизни, щебета и писка! И небо нынче кажется так близко, что можно до него достать рукой.

Стучат. Посыльный.

- Просят к генералу!
- Скажи, спешу, не мешкая нимало!..

«Однако же, зачем с утра зовёт? Небось, за подлипалу господаря? Успел ужо поплакаться боярин... Но Инзов мудр, и он меня поймёт...»

Оделся. Вышел. Пыль. Дорога. Травы.

- Дай погадаю, господин кудрявый!Скажу всю правду... Правда нелегка...
- Красавица! Кочевница! Плутовка!
 Я сам себе навру вот так же ловко...
 А, впрочем, ладно... Вот моя рука!

Цыганка дерзко головой качнула.

- Счастливым будешь вспомни Мариулу!
- Счастливым стану память сберегу.Ну а любимым буду?

38 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

- Всяким будешь...
Лишь равнодушьем сердце не остудишь. А дальше... не скажу и не могу...
Таких я линий сроду не видала — как будто бы прочерчены кинжалом...
Великий дар тебе судьбою дан!
Он Богом дан, как воину награды, как добрый конь лихому конокраду.
Ты, часом не цыган?

– Нет, не цыган. Прощай, Мари!..

Он шёл. И пели птицы. И вслед ему шептались куконицы:

- Ах, этот Пушкин!..
- ... этот Пушкин...
- ... a-ax!..

И мир, что был унылым и постылым, вдруг показался праздничным и милым. И вся его душа была в цветах.

А Кишинёв лежал в пыли и неге. Скрипели молдаванские телеги. В остерии звенели голоса. Лихой гусар драл Янкеля за пейсы.

А где-то были море и Одесса – иная жизнь... Иные небеса...

АЛЕКСЕЙ ЗАХАРЧУК

ПУШКИНУ – 220

Время тебя не умалило.
Племя младое приходит в восторг.
Бьёт меня неумолимый
эпох переменный ток.
Испепеляюще жжение.
Волосы дымятся, истлев.
Я нахожусь под напряжением
в 220 пушкинских лет.

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 39

Этот очерк, любезно предоставленный редакции «Русского поля» известным молдавским пушкинистом Виктором Кушниренко, терпеливо ожидал своего часа. Юбилейный год русского гения — самое время для его публикации. Факты и предположения, в нём изложенные, возможно, спорные, однако же, могут явиться сенсацией в пушкинистике.

В любом случае, мы убеждены, что разработка специального маршрута «Бессарабия. Дорогами Пушкина» с сопутствующими — инфраструктурой, экскурсиями, выставками, сувенирами, рекламой — способствовала бы дальнейшему развитию туризма в Молдове, привлекла бы в страну новых друзей — как почитателей творчества величайшего русского поэта, так и тех, кто хотел бы ознакомиться с культурной сокровищницей — древними монастырями, особенностями национальных музыки, кухни, ремёсел и ландшафта нашего благодатного края.

Итак, в путь! Нас ждёт новое пушкинское место на молдавской земле.

ВИКТОР КУШНИРЕНКО

К ПОЭТУ В ПЭУЛЕШТЫ

Несколько раз я проезжал мимо этого села. И так хотелось спуститься в его сказочную чашу, с давних времён называемую обителью рая. И вот летом 2011 года, не доехав до города Кэлэраш, мы сворачиваем вправо и поднимаемся в гору. Эта дорога ведёт в Речулу, Фрумоаса, Хыржавку – царство старинных молдавских монастырей, украшающих легендарные Кодры в самом сердце Молдовы. Через несколько километров сворачиваем ещё раз направо, вновь поднимаемся в гору, на вершине которой нас встречает традиционное для молдаван Распятие. Отсюда Пэулешты – как на ладони. Огромную долину окружают холмы, покрытые тенистыми лесами. Справа – цепь зеркальных озёр. А ниже – село, утопающее в садах. И когда спускаешься в центр его, впечатление такое, будто движешься по бесконечному парку. Небольшая площадь с памятником павшим односельчанам упирается в неказистое одноэтажное здание. Это старый Дом культуры, в левой его части – примэрия.

Здесь нас радушно встречает примар Елена Лунгу. После разговора об истории села, его нынешних реалиях, отправляемся в её сопровождении на юго-восточную окраину. Теперь это частные владения односельчанина, предпринимателя Василе Барбэнягрэ. Сам он давно уже живёт в Кишинёве, владеет рестораном на Ботанике. Именно его книгу «Păuleşti la 455 de ani» («Пэулештам 455 лет»), изданную в соавторстве с Ионом Ляшко, мы получили от примара в подарок.

 $40 \setminus \mathit{BИКТОР}$ КУШНИРЕНКО РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Согласно легенде, эти райские места увидел некогда богатый боярин, носивший шляпу с царственным пером павлина. Природа так пленила его, что он решил навсегда остаться здесь жить. Красивые места требовали красивых поступков – и боярин совершил их. Он привёз сюда самых очаровательных девушек. А когда они выходили замуж, ставил условие каждому жениху: жить семьёй непременно в Пэулештах. Прекрасным стало это село и его люди...

Сейчас тут проживают более тысячи жителей. Это немного. В отсутствие того славного боярина-патриота нынешние пригожие парни и девушки Пэулешт разбрелись по всему миру в поисках счастья. Этот уголок им уже не кажется райским. И напрасно.

Проехав немногим более километра от села, мы оказались в чудесном тенистом местечке. Именно здесь в 20-х годах позапрошлого века возвышалась усадьба боярина Дину Руссо (Русу). Летом 1821-го или 1822 года этот дивный уголок посетил опальный русский поэт Александр Пушкин. Более точно определить дни пребывания поэта в усадьбе Руссо сложно. В 1821 году у него было очень много поездок. И всё же просматриваются окна между 7-26 июня, 9-18 июля, 1-20 сентября. В следующем году такая поездка могла случиться между 1-17 мая, 1-8 июля. Но вернее всего поэт выехал в Пэулешты после 12 августа 1822 года. Дело в том, что в ходе вторых дворянских выборов было избрано 134 дворянина: областной предводитель дворянства, секретарь, члены Верховного совета области, члены Уголовного и Гражданского судов, председатель межевой комиссии, исправники, судьи. Наместник утвердил предводителя областного дворянства в лице избранного на этот пост Ивана Михайловича Стурдзы. В субботу 12 августа 1822 года в Кишинёве провели совещание, на котором было создано первое Бессарабское дворянское депутатское собрание во главе с областным предводителем дворянства, которого хорошо знал Пушкин. В этом совещании в качестве членов Верховного совета области, который подчинялся непосредственно государю и Госсовету, участвовали победившие на выборах 1821 года хорошо знакомые Пушкину богатые бояре и помещики Ион Прункул, Иордаки Донич, Петраки Катаржи, Панаит Казимир и коллежский асессор Дину Руссо. Тогда же к этому собранию перешли все дела о дворянских родах. Понятно, что для Руссо это был знаменательный день, большой праздник. Именно в связи с этим радостным поводом он вполне мог пригласить поэта в своё имение. Пушкин, по-видимому, принял приглашение с радостью. 1822 год для него был самым трудным: начались аресты, преследования членов масонской ложи «Овидий», Кишинёвской управы тайного общества декабристов, среди которых было много друзей и добрых знакомых поэта: майор Владимир Раевский, генерал-майор Михаил Орлов. Усилился тайный надзор и за Пушкиным. В середине апреля он писал: «Один, один остался я...». Спасал поэтический труд. Он ждал выхода из печати новой поэмы «Кавказский пленник» (издана 14 августа 1822 года), завершил работу над поэмой «Братья разбойники», продолжал писать «Бахчисарайский фонтан». Появились стихотворения – «Узник», «Иностранке» («На языке тебе невнятном...»). 2 августа подготовлена беловая рукопись «Заметок по русской истории XVIII в.». Но обстановка в Кишинёве тяготила, и приглашение Руссо было, вероятно, как РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ВИКТОР КУШНИРЕНКО / 4]

никогда кстати. Здесь его наверняка угощали дульчацей – вареньем из любимого им крыжовника и поили родниковой водой...

По сей день среди сельчан живёт легенда о том, что Пушкину тут всё нравилось до тех пор, пока он не увидел, как Руссо издевается над молодой цыганкой. Пушкин тогда-де заметил: «Эх, Руссо, я полагал, ты одумался. А ты как был извергом, так им и остался». Но Руссо не прислушался к словам поэта, ненавидевшего рабство, презиравшего тех, кто унижал человеческое достоинство, пострадавшего за это от русского царя. Боярин не уступил гостю, тот развернулся и ушёл. Вскоре Пушкин покинул усадьбу.

Когда я впервые услышал эту легенду, понял, что в Пэулештах и сегодня помнят Пушкина, его именем назвали родник в поместье Руссо. Узнал, что сохранились усадьба боярина, сад, древний платан и солнечные часы из вековых сосен и, конечно, не мог всерьёз не задуматься о выяснении причин замалчивания этого места в пушкинистике, о поисках фактов, подтверждающих пребывание здесь поэта.

О семействе Руссо довольно подробно рассказано в публикациях «Из дневника и воспоминаний» Ивана Петровича Липранди, военного историка, генералмайора Русской императорской армии, в книге Георге Безвиконного и Скарлата Каллимаки «Puşkin in exil» («Пушкин в ссылке»), вышедшей в Бухаресте в 1947 году; в двухтомном труде Безвиконного «Воіегіте dintre Prut şi Nistru» («Боярство Молдовы между Прутом и Днестром»). Внеся некоторые уточнения, используя другие источники, можно говорить вот о чём.

Род Руссо берёт начало, по крайней мере, от пахарника Томы Русу. Дину и Янку Руссо, которых знал по Кишинёву Пушкин, - сыновья Томы. Их мать - Смаранда, дочь Дарие Донич. Братья Руссо вписаны в книгу бессарабских дворян в шестом поколении. У них было состояние. Местные восхищались образованностью Янку Руссо. В румынской истории он известен как один из культурнейших представителей молдавского общества первой половины XIX века. Братьев Руссо можно было встретить у члена Верховного совета области Замфираки Ралли, у писателя Константина Стамати, где часто бывали Пушкин, Катаржи, Стамо; у генерала Бологовского, у Крупенских и Липранди. Об этом немало сказано в дневниках и воспоминаниях Ивана Липранди, а также прапорщика генерального штаба, командированного на проведение военно-топографической съёмки Бессарабии Фёдора Лугинина. К сожалению, точно не известно, где Руссо жили в Кишинёве. В начале XX века на бывшей Московской улице появляются особняки новой элиты города. Тогда среди них, на углу с бывшей улицей Городской (Мещанской), находился дом Виктора Синадино. Здесь, полагают, ранее стоял особняк Дмитрия Руссо (Георге Безвиконный. Дома и улицы// «Эхо Кишинёва», 24 января 1997 года). Безвиконный в статье «Церкви и кладбища» («Эхо Кишинёва», 31 января 1997 года), описывая кладбище у церкви Константина и Елены, заметил: «Возвышаются надгробные памятники семьи Донич, Руссо и других с румынскими надписями, сделанными Георгием Н. Донич. Постельник Макореску, усопший в 1788, коллежский асессор Яманди, семьи Ралли, Зилоти, Кохановски, Стамо, Кацике, Александри, губернатор Константин, умерший в 1903 году, его жена – все похоронены на этом кладбище. С каждым годом на виду у всех 42 \ ВИКТОР КУШНИРЕНКО РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

исчезают последние камни с мест вечного упокоения людей, живших в этом городе во времена поэта Пушкина и кавалера Костаке Стамати».

Дину Руссо – старший из братьев. В 1821 году у него был сын Георге двенадцати лет, который учился в пансионе. Впоследствии, как сказано в двухтомном труде Георге Безвиконного (том I, с. 273), он женился на Еленке, у них родился сын Янку, который впоследствии владел несколькими сёлами в цынутах Орхей и Яшь (Яссы). Дину постоянно жил в поместье и только зимой являлся в Кишинёв. Носил молдавское платье, которое потом сменил на европейские одежды. Говорил на молдавском, греческом и русском языках. Но в обращении, как заметил Липранди, был медведь. В 1818 году усердный исправник уезда старался угодить императору Александру I, за что вскоре и получил коллежского асессора. С 1822 по 1825 год он – депутат Верховного совета Бессарабской области. В 1825-1828 годах – предводитель дворянства уезда Орхей.

Владел сёлами — Пэнэшешты (ранее Волосены) и Пырлешты (правильно — Пэулешты), основанными в 1545 году и входившими в уезд Орхей. Есть сведения, что ещё в 1640 году ворник Ионашко Русу прикупил полсела Тэтэрешты, которым с 1783 года владел Тома (Карп) Русу, а с 1821 — Дину Руссо. Ему принадлежало и 12 семей цыган-шербов.

Если известно, что именно Дину Руссо – владелец сёл Пэнэшешты, Тэтэрешты и Пэулешты, то, выходит, что Пушкин гостил сначала в Пэнэшештах, возможно, заехал и в Тэтэрешты, ибо эти сёла по пути в Кэлэраш, а потом, вероятно, побывал и в Кэлэраше, известном с 1432-1433 годов как Тузара, а также в селе Пэулешты. Первые два села расположены неподалеку от Кишинёва – в 8 и 12 километрах от Стрэшен, а Пэулешты – в 13 километрах от города Кэлэраш. Согласно данным переписи населения Бессарабии, в 1817 году в селе Панашешты, которое ранее было резештским, а по суду перешло к Дину Руссу, проживало 4 священника, 2 диакона, 1 дьячок, 1 пономарь, 1 мазилу, 1 мазилова вдова, 1 рупташ. Низшее сословие составляли 77 хозяев, 7 вдов, 17 бурлаков. Всего в селе было 104 мужских и 8 женских хозяйств. Село Татарешты в 1817 году ещё всё принадлежало вдове стольника Руксанде Донич. Здесь проживало 2 священника, 1 диакон, 1 дьячок, 2 пономаря. Низшее сословие составляли 125 хозяев, 18 вдов, 16 бурлаков. Всего в селе было 145 мужских и 18 женских хозяйств. В селе Пырлешты проживали 1 священник, 1 диакон, 1 дьячок, 2 пономаря, 1 мазилу. Низшее сословие составляли 79 хозяев и 9 бурлаков. Всего в селе было 94 мужских хозяйства. Это всё, бесспорно, любопытно.

Но как всё-таки быть с легендой о пребывании Пушкина в Пэулештах?

Оказывается, Пушкин написал в своё время на Дину Руссо эпиграмму, когда из-за цыгана-шерба, слуги из дворовых, случился конфликт с Дину в его имении, где гостил Пушкин. Об этом писали в «Русском архиве», московском историколитературном журнале в 1892 году. Пушкин сказал Дину Руссо примерно так: «Ты был конченным в этой жизни. Им и останешься...». Что весьма созвучно в услышанной мной легенде. Впрочем, точный полный текст пока не найден. В Бессарабии не было рабства. Но слово шерб переводится с молдавского как раб. Очевидно, Пушкин невольно стал свидетелем жестокого обращения Дину Руссо с цыганом, что возмутило его.

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ВИКТОР КУШНИРЕНКО / 4/2

В народе эта история пересказывается как легенда о девушке-цыганке, которая вызывала особую жалость. В своей книге Василе Барбэнягрэ так же указывает на то, что Дину Руссо был жестоким, как и его предшественники Ион и Тома Карп. Это только усиливает наше осмысление причин, истоков поистине народного почитания Пушкина жителями Пэулешт и глубокой признательности ему.

Младший сын Томы – Янку Руссо. Ему в 1821-м было лет тридцать. Он на то время значился неженатым, проживал в уезде Орхей, где был советником и владел имением Иванча (земля, 40 семей, 5 дворов цыган-шербов). О поездках Пушкина в это село никаких сведений нет.

Янку вырос за границей, там он провёл 15 лет, в основном, в Париже. Хорошо говорил по-французски. В 1822 году был в Карлсбаде. Безвиконный считал, полагаясь отчасти на воспоминания Липранди, что Янку Руссо был полной противоположностью Пушкину: медлителен, тучен, с широким лицом, говорил тихо, с расстановкой, не посещал дома богатых, не любил застолья, не играл в карты, пил только воду, проповедовал вегетарианство — и потому-де поэт недолюбливал его. Хотя тут же, со ссылкой на того же Липранди, говорится, что Янку был излишне самодоволен, одевался щегольски, ходил везде с тростью — результат дуэли во Франции с ранением в ногу, любезничал с женщинами, с Пушкиным встречался у вице-губернатора Крупенского, у Стамо, Ралли, Липранди, Бологовского, Стамати. Известно также, что Янку любил часто упоминать несколько имён французских писателей, с которыми он-де знаком.

Почему Пушкин сочинил эпиграмму на Янку Руссо?

Возможно, что с какого-то времени он действительно перестал симпатизировать Янку, что подтверждает эпиграмма поэта на рыжего Янку, родившаяся на обеде у генерала Бологовского в присутствии писателя Стамати, давно и хорошо всем известная. Генерал стал расточать похвалы Янку за его рукопись с впечатлениями о парижском и венском обществах, полагая, что в ней немало глубокой философии. Стамати заметил при этом: «Как у Жан-Жака Руссо». Тут Пушкин не выдержал, вскочил со стула и произнёс:

«Это правда, Что он Иван, Что он Яковлевич, Что он Руссо, Но не Жан-Жак, А просто рыжий дурак!».

Кэлэрашские нотки в связи с именем Пушкина звучат и в некоторых других изданиях. Так Иван Халиппа, правитель дел Бессарабской учёной архивной комиссии, помощник инспектора Кишинёвской семинарии в своей книге «Город Кишинёв времён жизни в нём Александра Сергеевича Пушкина 1820-1823 гг., с портретом Пушкина и планом г. Кишинёва», вышедшей в 1899 году, писал: «Иногда поэту приходилось тяжело в обществе, враждебно против него настроенном. В таких случаях он не раз предпринимал поездки: в Чигиринский повет Киевской губернии, в село Каменку, к Давыдовым, в Одессу, в Тульчин, где находилась главная квартира 6-го корпуса, а чаще всего в м. Калараши, где поэт пользовался гостеприимством местного помещика. Отсюда-то он и отзывался о Кишинёве:

Там все поэта презирают... Пред ним с восторгом изливают...».

Правда, современные публикаторы Ивана Халиппы опускают точные стихи. Приведём их полностью:

Там все поэта презирают, И «дракул руссул» называют, О нём с презреньем говорят, Его позорят и бранят, И весь свой злобный гнусный яд Пред ним с восторгом изливают.

Из текста стихотворения понятно, что его автор не Пушкин, но он сочувствует Александру Сергеевичу, он сам не согласен с оценками, которые лично слышал в Бессарабии, которые имеют местное происхождение, ибо содержат слова «дракул руссул», что означает в переводе с молдавского – русский чёрт.

Надо заметить, что Халиппа указал как на источник информации на воспоминания фрейлины императорского двора, знакомой и друга Пушкина Александры Осиповны Смирновой (Волошиной). Как известно, «Записки А. О. Смирновой», были опубликованы в 1893 году в «Северном вестнике». Затем отдельным изданием вышли в Петербурге в 1895-1897 годах. Пушкинистами установлено, что эти записки были сфальсифицированы в определённой степени Ольгой Николаевной Смирновой – дочерью Александры Смирновой-Россет. Но это не нарушает нашей стратегической устремлённости. Тем более что в них близко к оригиналу пересказана эпиграмма на Янку Руссо там, где светская беседа шла о Жан-Жаке. В Москве в Центральной библиотеке им. А. С. Пушкина я видел несколько новых изданий, в которых нынче публикуются как подлинные, достоверные именно те места из записок Александры Смирновой, которые в прежние времена считались ложными.

И вот ещё одно свидетельство. Со ссылкой на комментарий генерала Леонтовича, который был прочитан самим Безвиконным, как он утверждает в «Русском архиве» за 1892 год (к сожалению, нами пока такой комментарий не найден), исследователь в своей книге «Puşkin in exil» в главе «Янку Руссо» указывает, что Дину Руссо был депутатом Верховного совета области, коллежским асессором и владел сёлами Пэнэшешты и Пырлешты (верно – Пэулешты). Он также сообщает об эпиграмме Пушкина на Дину Руссо по случаю конфликта боярина с поэтом изза того, что Руссо наказал своего цыгана-шерба во время пребывания Александра Сергеевича в усадьбе боярина.

Сегодня смело Пушкина можно назвать первым, кто возвысил свой голос на молдавской земле против рабства и угнетения цыган. При этом вспомним, что в «Примечаниях к поэме «Цыганы» поэт публично объявил, что в отличие от цыган России и Европы, «В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравствен-

 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19
 ВИКТОР КУШНИРЕНКО
 / 45

ной чистотой. Они не промышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господаря».

Пушкинский голос первым из местных гениев услышал Алеку Донич. В 1837 году он предпослал своему переводу на румынский язык пушкинских «Цыган» вступление в стихах, которое закончил такими строками:

Ступайте же теперь, цыгане, К доброму хозяину И попытайтесь Принести мне славу, Потому что, попав в печать, И вы приобретёте честь.

Этот перевод тогда получил не только литературное, но и политическое значение. Дело в том, что вслед за ним Михаил Когылничану опубликовал свою брошюру как первый протест в румынской литературе против рабства цыган. После этого в Молдове и Валахии «возникло целое литературное движение, восставшее против рабства и угнетения цыган», в котором видное участие принимал и Василе Александри. В его знаменитой «Истории одного золотого» звучат и Пушкин, и поэма «Цыганы» в переводе Донича, и мощный протест самого Александри против рабства цыган на родной земле (Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979, с. 147–148). Несомненно, весом вклад Пушкина в это благое дело: уже в 1844 году цыгане Молдовы были частично освобождены. Но Александри о пэулештской истории тогда не знал, потому и считал, что Пушкин увлёкся лишь романтическим образом молдавских цыган.

Родник «Пушкин». Название с любовью выложено большими буквами из красной плитки. Родник со всех сторон окружают высокие старые ивы. Вода в нём кристально чистая, холодная. Вокруг – ещё несколько родников. Их скрывает некогда ухоженный роскошный сад. Вблизи усадьбы, у дороги, застыл сказочный великан – 300-летний платан. Удивительная по красоте крона образовала живой шатёр метров в 25-30. От него через дорогу ещё одно чудо – большая солнечная поляна с 23 соснами, которым более двухсот лет. Это рукотворные солнечные часы, по ним сверяли время суток. Саму поляну, в середине которой располагался богатый боярский стол, с усадьбой соединяла красивая терраса. Усадьба эта для села необычная – в два этажа. Старый, но ещё прочный красный кирпич надёжно сохраняет стены, окна, проёмы, балконы, лестницы. Только внутри установлены простенки из современного ракушечника, с помощью которого на каждом этаже устроено по шесть комнат. Такая переделка понятна: тут размещался лагерь труда и отдыха учеников сёл Пэулешты и Нишканы, а позднее – правление колхоза. У входа в усадьбу тот, кто её ремонтировал под лагерь труда и отдыха, предусмотрительно выложил из цветной плитки надпись «1791-1979» - годы основания усадьбы и её перестройки. Если так, то дом был заложен во времена Томы Руссо отца Дину Руссо. Эта древняя усадьба и поражает, и манит своей первозданностью. Неподалёку стоит ещё одно старое здание. Оно из кирпича и по кладке можно судить, что это строение 19-го века. А в центре села возвышается церковь

46 \ ВИКТОР КУШНИРЕНКО РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Святого Николая, сооружённая в 1878 году. В 1899 году (в тот год на молдавской земле широко отмечали 100-летие со дня рождения Пушкина) в Пэулештах была открыта приходская школа. С 1812 по 1918 год в селе хорошо знали гимн «Боже, царя храни...», а в церкви не только на молдавском, но и на русском языке произносили «Господи, помилуй!».

Во времена Дину Руссо в селе было 580 крестьян и 51 цыган (рабы боярина), 6 семей духовных лиц (21 человек). С 15 октября 1850 года селом владел Константин Григоре Руссо, коллежский асессор и кавалер. Как утверждает Василе Барбэнягрэ, этот кавалер – один из племянников Дину Руссо. Но увиденное и услышанное мною, понятно, нуждается в дальнейшем изучении.

Когда моё первое «путешествие» было оформлено, позвонил владелец усадьбы Руссо Василе Барбэнягрэ. Он сообщил, что на днях в его руки попала моя статья «Поездки Пушкина в кэлэрашском направлении». И он тут же отправился в Дом-музей поэта, затем выехал в Пэнэшешты, где встретился с примаром. Тот вручил ему историю села и материалы своего сына, долгое время занимавшегося изучением биографии Алеку Руссо и его предков. Затем Василе побывал в Долне, где с восторгом осмотрел усадьбу боярина Ралли, в которой останавливался Пушкин летом 1821 года.

- И что же вы намерены делать в Пэулештах?
- Хочу восстановить усадьбу Руссо так, как она выглядела при Пушкине, или в современном стиле, с применением новых материалов. Несколько комнат устрою для себя и семьи, одну-две комнаты хотел бы отвести для Руссо и Пушкина. Но комнату поэта я вижу мемориальной, как в музее в Кишинёве.
- А я хотел предложить вам устроить в усадьбе музей села, там расположить одну-две комнаты с экспозициями, повествующими о братьях Руссо и Пушкине.
 При этом очень желательно сохранить всё в первозданном виде.
- Мне хотелось бы и самому там жить. Правда, я согласен с вами, что надо всё делать, опираясь на советы учёных, специалистов. Место это прекрасное, его бы только возродить, благоустроить. Я вижу восстановленным ещё одно озеро перед усадьбой. Надо привести в надлежащий вид родник поэта, солнечную поляну (там уже высохло восемь сосен), а также сад вокруг платана и усадьбы. Надо бы включить в ансамбль, как вы, верно, заметили, и старый дом, где нынче размещён склад. И ещё я бы пристроил для туристов пять-шесть коттеджей. Беседовал об этом с министром культуры. Надеюсь, что будет помощь и от предпринимателей. Но больше полагаюсь, конечно, на себя. Мне очень хочется самому возродить этот райский пушкинский уголок.

Беседа была долгой и предметной. И мы условились, что очередное своё путешествие в Пэулешты я совершу уже с ним. Ведь там столько всего — мало кому известные погреба, ещё один боярский дом, старая мельница.

На этот раз к усадьбе мы с Василе приблизились снизу. Остановились на небольшой лужайке, окружённой старыми ивами, клёнами, дикими акациями. Последние здесь называют «акациями боярина». За ними — подъём к усадьбе. А за лужайкой, на спуске, остатки двора с былыми строениями, включая конюшни. Возможно, на этом дворе и произошла размолвка боярина Руссо с Пушкиным изза цыгана, взятого поэтом под защиту от побоев и унижений. РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ВИКТОР КУШНИРЕНКО / 47

Усадьба в нескольких местах вскрыта, и можно проследить за тем, как она сооружалась. Хорошо видно, что первый этаж сложен из старого красного кирпича, дикого камня и современного котельца. Первый этаж связан со вторым переходом и колоннами из такого же кирпича. Это свидетельствует о том, что изначально было два этажа. Но второй этаж резко отличается от первого: он сложен в основном из больших земляных кирпичей и прослоек из белого кирпича. Это так неожиданно, что немедленно заставляет задуматься о сложности восстановления усадьбы.

По заросшему саду мы вновь идём к роднику. Василе рассказывает, что его отец раньше был бригадиром строителей, и именно он руководил обустройством родника. До ремонта родниковая труба находилась среди дикого камня, сложенного в виде горки. Тот вид запомнился Василе, и он намерен его восстановить, сохранив над родником крупно выложенное – ПУШКИН. Он указывает на камышовые заросли близ родника – там было озерцо. Его тоже хорошо бы возродить. За старыми ивами – лужайка. Близ неё ещё одно заросшее озерцо, а рядом с ним – большая древняя мельница.

Отсюда поднимаемся вверх, к развилке грунтовых дорог. Слева — почти обрыв. Там руины старого большого погреба. Ещё один огромный погреб — справа, он хорошо сохранился. За ним — хозяйственные постройки. Похоже, сады и виноградники у боярина были немалые, с них снимали большие урожаи.

Возвращаемся к платану, солнечным часам близ усадьбы. Поднимаемся в гору, усеянную кустами спелой ежевики, зреющего терна, ромашками и бессмертниками. У виноградника, на границе владений Василе — небольшая площадка. Несомненно, отсюда Пушкин взирал на холмы, покрытые лесами, синие озёра, село...

Василе рассказывает, что дорога от усадьбы до села была украшена аллеей из дикой акации. Она же охраняла сады и виноградники от непрошенных гостей. Теперь от тех времён остались большие погреба, озёра, старые строения. А озёр много потому, что вся гора справа испещрена родниками. Погреб тут тянется почти под всем школьным двором слева, а справа — двор украшают очень старые, возможно, ещё пушкинские, клёны, липы, пихты, ели, берёзы. Только дуб Гагарина сравнительно молод: сказывают, он выращен из жёлудя, побывавшего в космосе. Но самое сильное впечатление производит подвал, который расположен у дороги, между усадьбой и гимназией.

Если кто скажет, что здесь не бывал Пушкин, я не знаю, что с ним сделаю,
 говорит с улыбкой Василе Барбэнягрэ.

Он с трепетом открывает массивные двери. Огромный длинный спуск, сооружённый из дикого камня и древнего кирпича, переходит в основное подземное помещение с большим пустотами по бокам.

- А пустоты зачем?
- В них вставлялись балки, на балки клали деревянный настил и так образовывался второй этаж. Заезжали сюда подводами. Их было много, развернуться негде, вот в этой замурованной части стены находился выход для подвод.

Василе Барбэнягрэ улыбается:

 А сейчас – сюрприз! Приглашаю в банкетный зал Пушкина. Оказывается, в левой части от входа в погреб есть неприметная дверь, которая ведёт в отдельный, небольшой, но очень красивый зал. Я думаю, что здесь Пушкин с большой охотой и пробовал местное вино.
 Это вино ждёт сегодня и нас.

Итоги наших путешествий мы подводили в Кишинёве, в «Охотничьем домике» Василе Барбэнягрэ, хорошо известном ныне не только в столице, но и за рубежом. Конечно, огромная территория в Пэулештах, с многочисленными пристройками, погребами, озёрами вокруг усадьбы, сад, родник, солнечные часы – впечатляют. Но чтобы оживить эту потрясающую пушкинскую тропу на молдавской земле, нужны немалые средства. Потребуются не год-два, а годы, чтобы открыть новое пушкинское место, полное поэтического вдохновения.

Вместо послесловия, или Почему молчали пушкинисты

Несколько лет назад я побывал в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге, где в ходе поиска материалов по этой теме, в котором мне активно помогали сотрудники Пушкинского кабинета, библиотеки, читального зала, вышел на полный текст хранящихся там воспоминаний Елизаветы Францовой (Францевой) «А. С. Пушкин в Бессарабии. (Из семейных преданий)», которые были опубликованы в журнале «Русское обозрение» в 1897 году (т. 43: №1, с. 20-40; №2, с. 535-559; №3, с. 5-32). Эта публикация с момента выхода в свет считалась и считается пушкинистами фальсификацией. Замечу, фальсификация не простая. Она понятна только специалисту, но не рядовому обывателю. В основе «семейных преданий», как я заметил, факты, которые имели место в биографии и творчестве Пушкина, но, по моему твердому убеждению, они так умело «поданы» самой Францовой или с её участием, что обыватель легко верит каждому слову. И потому обратимся хотя бы к одному яркому факту. В №3 на с. 30-32 нудно рассказывается о том, как наместник Бессарабской области генерал И. Н. Инзов, якобы в ответ на жалобу Д. Руссо, послал Пушкина, «своего чиновника особых поручений», «неисправимого школьника» – «следить за истреблением саранчи, ежегодно наводнявшей почти всю Бессарабию». Но эта история случилась в Одессе, когда Пушкин был в подчинении графа М.С. Воронцова. Ни Инзов, ни Руссо, ни сам Пушкин кишинёвского периода не имели к ней никакого отношения. Да и поэт вместо длинного рапорта, выдуманного Францовой, доложил о саранче кратко:

> «Саранча летела, летела. Села. Всё съела И дальше полетела».

Ясно, что такие «семейные предания» следует тщательно выверять с истинным положением дел в судьбе Пушкина. Теперь обратимся к тексту воспоминаний.

Именно в этой статье Францовой находим мы те строки, которые приведены выше из публикации Ивана Халиппы «Там все поэта презирают...». Оказывается, это не весь текст. Он полностью приводится только у Францовой. Она же утверждает, что эти и другие строки извлечены из альбома: «Это было, впрочем, не в Кишинёве, а в довольно большом, так называемом местечке Каларашах, куда неред-

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ВИКТОР КУШНИРЕНКО / 49

ко приезжал Пушкин на праздники (но об этих «праздничных» наездах Пушкина в Калараш нет никаких других сведений — В. К.). Этому любимому им местечку он в одном из альбомов посвятил большое стихотворение, в котором немало говорилось также о Кишинёве и его обществе, враждебно будто бы относившемся не только к нему самому, но и ко всему, что только было интеллигентного в городе. Но главным, впрочем, образом в стихотворении этом воспевалась красота самих Калараш как одной из роскошнейших местностей всей Бессарабской области и выходящие из ряда вон достоинства их обитателей. В памяти моей в настоящее время осталось от этого стихотворения всего несколько строф...».

И далее Францова цитирует якобы пушкинские стихи о Калараше и его жителях:

...Да, только здесь «изгнанник ссыльный» В семье чужой, любвеобильной, Порывы гнева усмирил, Души строптивость победил, Отчизну -мачеху простил И вас всех страстно полюбил...

Зачем, скажите, Калараши, Несут так быстро кони ваши По гладкой скатерти лугов Меня, кропателя стихов, Который глуп и бестолков, В проклятый город Кишинёв?..

Во-первых, напомним, Пушкин был в Пэулештах, в Калараше в 1821 или, что вернее всего, в августе 1822 года, но никак не в октябре 1823 года, когда он отправил письмо Ф. Ф. Вигелю из Одессы, где жил, в Кишинёв со стихами «Проклятый город Кишинёв…».

Во-вторых, только в 7 главе «Евгения Онегина», написанной уже в 1827-1828 годах в Михайловском и Москве, поэт сказал сам что-то подобное в черновом «Альбоме Онегина»:

Меня не любят и клевещут В кругу мужчин несносен я. Девчонки предо мной трепещут Косятся дамы на меня — За что? — за то что разговоры Принять мы рады за дела. Что важны им иные вздоры, [Что знать глупа, что чернь подла] Что пылких душ неосторожность Самолю<бивую> ничтожность Иль оскорбляет иль смешит Что ум, простор любя, теснит... (ЛБ 71, л. 7 об.)

Францова заверяла, что Пушкин «снял себе копию в Каларашах». Но такой копии нет нигде, видимо, и не было. Это «стихотворение» сотворено далеко не Пушкиным. Перед нами ещё одна фальсификация. И только как фальсификацию,

 $50 \setminus$ ВИКТОР КУШНИРЕНКО РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

а не подлинник Пушкина, следует рассматривать всё то, что Францова подаёт как стихи Пушкина. Их писал кто-то другой, но явно не Пушкин. И этот другой так представляет нам Дину Руссо в статье Францовой (№3, с. 22-23):

...Он был с большою головою, С огромным вздутым животом, С жестокой, зверскою душою, Но с человеческим лицом... Да, впрочем, незачем портрета Еще точнее рисовать: Знакома всем фигура эта, Ее нельзя, ведь, не узнать...

Вот в таком отчаянном желании, черня всех и пытаясь обессмертить себя «стихами Пушкина», Францова приводит нас к тому, о чём начала так: «Теперь "еще последнее сказание", и все мои сообщения о Пушкине будут окончены». По мнению Францовой, поездка Пушкина в Пэулешты выглядела так (№3, с. 29-30): «Как-то раз он вместе с отцом моим (Д. А. Кириенко-Волошин (Волошинов), чиновник канцелярии И.Н. Инзова. В пушкинский южный период таковым не значится. – В. К.) был приглашён в деревню Паулешты, принадлежавшую тому самому помещику, Дино Руссо, на которого он впоследствии написал ту жестокую, но вполне им заслуженную, сатиру, начало которой я поместила несколько выше. Молодые люди не могли приехать в назначенный день и явились в деревню двумя днями позже, так что их там уже не ждали. Подъезжая роскошным лесом к усадьбе, они решили пройти оставшихся две, три версты пешком, привязав к дереву своих лошадей, за которыми думали потом послать кого-либо. Уже подходя продолжавшимся лесом вплоть до самого двора, путешественники вдруг услышали какие-то раздиравшие душу женские крики, вслед за которыми прогремел им в ответ сильный голос неведомого мужчины, оказавшегося никем иным, как самим хозяином этой деревни. Молодые люди, еще ничего не видя, в ужасе остановились на месте и стали прислушиваться к дальнейшему. И вот опять стихнул грозный голос мужчины и снова начались рыдания женщины, сопровождаемые такими словами:

- О, яртэмэ, домнуле, яртэ мэ. Фэ тот че врей ку трупул меу, нума ну'нь стрика фаца мэ, пэкатоса че н'ио дат свынтул меу Домнезеу... 1

На это жалобное воззвание женского голоса помещик хрипло, но громко заорал во все горло следующее приказание:

— Таче, бластемата фата дракулуй; ну дескидэ гура та, чей спуркатэ, ши рэу...² Все это слышали молодые люди уже под самым балконом, а вслед затем увидели такую картину: посреди балкона стояла привязанная к столбу какая-то высокая и совсем голая молодая женщина с длинными, распущенными, волнистыми волосами, которые, как мантией, покрывали все тело ее на много ниже колен. Сам помещик стоял тут же около нее и, обмакивая громадную кисть в ведро с дегтем,

 $^{^1}$ О, прости меня, господин мой, прости... Делай все, что хочешь с телом моим, но не порть мне лица моего грешного, которое дал мне святой мой Бог...

² Молчи, проклятая, чертовская девка... Не открывай своего рта, гадкого, злого...

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ВИКТОР КУШНИРЕНКО / 53

мазал ею куда попало несчастную женщину (видимо крепостную цыганку), отчаянно вертевшею головой туда и сюда, в надежде спасти от этой мазни хоть лицо... Отец мой еще не успел как следует рассмотреть все вышеописанное, как Пушкин уже во весь дух мчался по лестнице вверх. Скоро с балкона раздался страшный, нечеловеческий рёв хозяина усадьбы, на который издали бежали со всех сторон обоего пола дворовые. Когда мой отец с своей стороны очутился на том балконе, то первое, что ему бросилось в глаза, было бледное, как смерть, лицо Пушкина, спешно освобождавшего молодую женщину от веревок. Затем тут же неподалеку он увидел распростертого на полу помещика с окровавленною головой и лицом и толстую, налитую свинцом, палку поэта, серебряный набалдашник которой изображал мертвую голову...».

Жестокая сцена. Она явно придумана Францовой. Но в её основе факт: Пушкин, действительно, гостил в Пэулештах по приглашению Дину Руссо и поссорился с ним из-за цыганки (или цыгана), которую жестоко избивал помещик и которую пытался защитить поэт. И местные жители помнят о нём и об этой драме в доме Дину Руссо, передают эту историю из века в век как легенду.

Мы не раз ещё столкнёмся с подобными «преданиями» о Пушкине и фальсификациями, выдаваемыми за произведения поэта. Будем внимательными и бдительными. Будем основываться лишь на том, что действительно ведёт нас к истинному Пушкину и его поездке в Пэулешты. Остальное пусть пребывает в легендах, которых немало на земле Молдовы.

Виктор КУШНИРЕНКО – известный молдавский пушкинист. Его книги – лауреаты многих престижных национальных и международных книжных конкурсов. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина вышел его двухтомный научный труд, своеобразный роман в документах «В стране сей отдалённой…» – летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Киеве и Одессе. Его научное открытие представлено в книге «Бессарабская весна А. С. Пушкина. 1821 год». Четыре года назад издал книгу путевых очерков «Священна для души поэта…». Путешествие по Бессарабскому пушкинскому кольцу.

Он — автор, соавтор, редактор многих книг, сборников, учебников, хрестоматий, видеофильмов. Его перу принадлежит более 250 научных статей о Пушкине, опубликованных в молдавской и зарубежной печати. Виктор Кушниренко — главный редактор выпущенного в Кишинёве в рамках российско-молдавского проекта первого в мире толково-энциклопедического «Универсального иллюстрированного словаря русского языка» в 18 томах — от Пушкина до наших дней. Его кропотливый труд отмечен почётной наградой России: Медаль Пушкина в Кремле вручил молдавскому исследователю Президент Российской Федерации Владимир Путин.

52 \ PYCCKOΕ ΠΟΛΕ 1/22/19

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

МОЛИТВА О НАШЕМ РУССКОМ ХРАМЕ

Двухвековой юбилей кишинёвской Свято-Георгиевской церкви – праздник всех, кто чтит и хранит православные традиции

Эта старая церковь – памятник архитектуры и истории молдавской столицы. Храм был основан в начале XIX века по инициативе болгарских переселенцев во главе со священником Георгием по благословению Высокопреосвященного Гавриила, митрополита Кишинёвского и Хотинского. Строительство велось на средства, пожертвованные жителями города в день Святого Георгия, и завершилось в 1819 году силами викария митрополита, епископа Дмитрия Бендерского и Аккерманского. Первым настоятелем храма был протоиерей Ставаракий Костин.

Свято-Георгиевская церковь уникальна, она не похожа ни на один другой храм Молдовы. Всё в ней – от имени Святого Георгия, который считается покровителем воинов. Строгая, без всяких излишеств архитектура, которая уже сама по себе побуждает прихожан к духовному совершенствованию, соответствует главным начинаниям прихода.

Свято-Георгиевская церковь два века назад и сегодня

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 53

Митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир поздравляет прихожан с юбилеем их храма

Третий век Свято-Георгиевская церковь выполняет свою особую миссию. Служба здесь совершается на церковнославянском языке, а проповедь произносится на русском. Сегодня храм в прекрасном состоянии. Всё так же рвутся в небо строгая колокольня и шпиль, сияют на солнце кресты, радуют и восхищают мастерски выполненные иконы. Всё церковное убранство словно насыщено одухотворяющей силой.

Но так было не всегда. В 1940 году храм сильно пострадал при землетрясении. Центральный купол полностью разрушился, колокольня и стены оказались в аварийном состоянии. Но церковное здание довольно быстро подняли из руин. После освящения церковь вновь распахнула двери на радость кишинёвцам.

Но жестокое время гонений на православную веру не пощадило старинный Свято-Георгиевский храм. В 1959 году он был закрыт. Более трёх десятилетий пребывал в полном запустении. Сначала здесь открыли автомастерскую, позже церковь превратили в склад...

В 1990 году настоятелем храма стал председатель Собора Русской общины Молдовы протоиерей Николай Флоринский. С помощью церковной общины ему удалось возвратить церковь верующим. По благословению епископа Кишинёвского и Молдавского Владимира в Георгиевской церкви стали совершать богослужения на церковно-славянском языке, она стала служить преимущественно русскоязычным верующим.

Прихожане любят свою Свято-Георгиевскую церковь. В особенности за то, что в ней совершается необходимый литургический цикл на родном для них языке. Этот храм состоит в лоне Русской православной церкви и является её составной частью. Здесь регулярно совершаются богослужения в воскресные и праздничные дни. При храме работает воскресная школа для детей и взрослых. Традиционным стало сотрудничество с учителями, родителями и учащимися русских лицеев. Служители церкви посещают учебные заведения с миссионерскими проповедями. Открыта православная библиотека, действует сестричество милосердия. Церковь оказывает конкретную помощь престарелым одиноким людям. Сестра милосердия собирает пожертвования среди прихожан для больных людей, посещающих этот храм. Для них покупаются лекарства, их финансово поддерживают.

Благодаря помощи Российского центра науки и культуры в Молдове, успешно осуществляется разработанная храмом программа мероприятий благотворительного паломничества. Дорогу паломникам оплачивают Посольство Российской Федерации и Российский центр науки и культуры. Паломников сопровождает священник, рассказывающий об истории монастырей, о чудотворных иконах.

54 \ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Настоятель Свято-Георгиевской церкви протоиерей Николай Флоринский

Люди молятся и домой возвращаются счастливыми.

Храм организует и Крестные ходы. Они проходят вокруг столицы и по стране, а во время праздников — вокруг церкви. Крестные ходы помогают людям осознать себя, почувствовать единой православной семьёй, стремящейся к Добру.

Весь православный мир 6 мая чтит память Святого Георгия Победоносца, это ещё и Храмовый праздник Свято-Георгиевской церкви, которая ныне поистине — духовный

маяк, поддерживающий в народе вечные ценности и православную веру.

Так было и 19 мая в солнечное воскресное утро, когда прихожане вместе с семьями шли в этот, один из шести старейших храмов столицы — Свято-Георгиевскую церковь, чтобы помолиться за благополучие, мирную жизнь и отметить её 200-летие. Праздник начался с Божественной литургии, в которой участвовали Митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир, Архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Савва, настоятель Свято-Георгиевской церкви протоиерей Николай Флоринский, духовенство и сотни прихожан. В числе гостей был посол России в Молдове Олег Васнецов с супругой, представители Россотрудничества в нашей стране, руководители общественных организаций соотечественников.

Праздничная литургия длилась два с половиной часа, затем служители церкви вместе с прихожанами и гостями совершили Крестный ход. Поздравляя прихожан со знаменательным событием, митрополит Кишинёвский и всея Молдовы Владимир отметил большой вклад отца Николая Флоринского, благотворителей и прихожан в воссоздание церкви: «Очень радостно, что эту церковь посещают верующие люди. Они стараются и на всенощном бдении быть в храме, и на Божественной литургии, и исповедоваться, и причащаться. Это говорит о том, что храм живёт полноценной жизнью. Здесь мы нередко видим высоких гостей из нашей страны и из-за рубежа. Очень радостно, что отец Николай управляет этим приходом, как подобает настоящему настоятелю православной церкви. Этот приход празднует юбилей, и настоятель храма, и клирики получили церковные награды». В праздничный для святого храма день настоятель церкви отец Николай был награждён церковным орденом Святого Митрополита Гавриила Бэнулеску-Бодони второй степени.

«Владыка читал благодарственную молитву, в которой просил Господа, чтобы он и впредь не оставлял нашу церковь, чтобы Господь ниспосылал Святой Дух на всех нас, тех, кто молится здесь; давал бы долгоденствие и процветание, — отметил в своём выступлении протоирей церкви Николай Флоринский. РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 55

В храме в день празднования его 200-летия

– В первую очередь мы молимся о мире на нашей земле. И когда мы видим, что каждый день в разных странах гибнут христиане, мы не можем этому не тревожиться и не радоваться, что живём в православной стране. Пусть есть трудности и проблемы, но мы будем звонить в колокола, совершать крестные ходы, молиться и радоваться Богу, благодарить за то, что получили веру от своих предков. Мы её сохраним и передадим нашим детям и внукам».

Посол Российской Федерации в Республике Молдова Олег Васнецов поздравил настоятеля и прихожан с юбилеем церкви и пожелал всем мира и благополучия: «В лице посольства, в лице сочувствующих и верующих в России мы имеем очень хорошие традиции сотрудничества со Свято-Георгиевской церковью Кишинёва. Об этом свидетельствует и присутствие на празднике представителей нашего посольства. Чтобы церковь становилась всё краше и благоустроеннее, неравнодушные люди перевели значительные суммы на её счёт. Желаю всем благоденствия и крепости духа!».

Прихожане с радостью отметили 200-летие Свято-Георгиевской церкви, ибо в ней вот уже два века люди ощущают, что живут с Богом, под его неустанной зашитой...

Марина ШИМАНОВСКАЯ,

журналист

Продолжение темы 200-летия единственного русского храма в столице Молдовы — в следующем номере.

56 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

ЗА РОДИНУ!

ДНЕВНИКИ ПЕТРОВИЧА

Чтобы понять, что для нас, для большинства «родство помнящих» граждан сегодняшней Республики Молдова, означает предстоящее празднование 75-летия освобождения Молдавии от немецко-румынских фашистов, какие шаги предпринимают наши молодые современники ради отстаивания исторической правды о Великой Отечественной войне и восстановления истины, мы, редакция «Русского поля», решили опубликовать фрагменты Фейсбучной ленты Алексея ПЕТРОВИЧА — руководителя Русского историко-патриотического клуба Молдовы, которая поистине потрясает! На наш взгляд, никакой публицистический очерк не даст более глубокого представления о той напряжённой духовной и физической нагрузке, которую на протяжении многих лет несёт Клуб, об искреннем мощном патриотическом пафосе, этом «вечном огне, нам завещанном одним», поднимающем из небытия и злоумышленного очернительства страницы грозной истории и имена героев, положивших жизни свои ради спасения нашей земли.

Вот одна только небольшая выборка из весенне-летней хроники жизни Алексея и его соратников. Поистине – хроники победной!

12 апреля 2019

НА ОГНЕННОМ ПЛАЦДАРМЕ

В этот самый день, 12 апреля 1944-го года, от левого берега Днестра оттолкнулись переправочные средства передовых частей 57-й армии 3-го Украинского фронта. Завязав бой на правом берегу, наши солдаты заняли небольшой клочок земли, который вошёл в историю как Шерпенский плацдарм.

Годовщину начала боёв на нашем огненном плацдарме члены поисковых организаций «Русский историко-патриотический клуб» и «Август» отметили ударным трудом по подготовке к церемонии захоронения останков 35-ти неизвестных советских воинов-освободителей. Впервые в истории поискового движения церемонию было решено перенести на апрель, в связи со знаменательной датой — 75-летием начала боёв на Днестровских плацдармах.

Фронт работы: благоустройство участка воинского кладбища мемориального комплекса «Шерпенский плацдарм», подготовка ямы под братское захоронение, драпировка могилы. Стены храма Святого Георгия традиционно приняли перед погребением останки погибших героев. Завтра утром по ним будут служить заупокойную службу. Спустя 75 лет...

Все запланированные работы были выполнены. Когда мы уже собирали инструмент и готовились к отъезду, в небе над воинским кладбищем появились три аиста. Они покружили над солдатскими могилами и полетели в долину Днестра, туда, где 75 лет назад наступали бойцы передовых частей Красной Армии... Над Шерпенами плыл колокольный звон. Прощальный благовест в честь воинов, павших на поле брани на берегах Днестра...

* * *

5 мая 2019

ИМЕНА ГЕРОЕВ УВЕКОВЕЧЕНЫ В ГРАНИТЕ

В селе Гура Быкулуй Новоаненского района 4 мая состоялась торжественная церемония открытия восстановленного мемориального комплекса на братской могиле советских воинов, погибших при освобождении села в 1944-м году. Это село занимает особое место в истории Молдовы, в истории Великой Отечественной войны. В боях за его освобождение высокого звания Героя Советского Союза были удостоены 18 солдат и офицеров Красной Армии. Ожесточенные бои на Варницком плацдарме унесли жизни тысяч советских солдат. После войны несколько захоронений было перенесено к памятнику в центре села, остальные бойцы так и остались лежать в полях, садах и виноградниках. Ежегодно их останки находят молдавские поисковики. Прошлым летом в рамках плана реконструкции мемориала, которую администрация села реализовывала совместно с правозащитной организацией «Вече», выяснилось, что список погибших здесь солдат за все послевоенные десятилетия никто не проверял. Были известны имена лишь 418 солдат. После 4-х месяцев работы с электронным архивом – базой данных «Мемориал» Министерства обороны Российской Федерации командир поискового отряда «Август» Василий Сеньковский представил список на 1298 солдат и офицеров, погибших за село Гура Быкулуй. Благодаря поддержке Правительства Москвы имена всех героев увековечены в граните. Это первый случай за всю послевоенную историю нашей страны, когда на воинском захоронении выгравированы имена всех героев-освободителей.

В завершении церемонии поисковики Русского историко-патриотического клуба и поискового отряда «Август», совместно с помощником Генерального консула Республики Казахстан Кыраном Орынбековым заложили к подножию братской могилы землю Казахстана. Её передали павлодарские поисковики в память о своём земляке — лейтенанте, Герое Советского Союза Канаше Камзине, погибшем при освобождении села Гура Быкулуй весной 1944-го.

* * *

9 мая 2019

ОТКРЫТИЕ МЕМЕРИАЛА В СЕЛЕ КАРАКУЙ ХЫНЧЕШТСКОГО РАЙОНА

Мемориал, к которому у нас особое отношение. Всё было достойно. С нашей стороны — уточнённые списки павших в бою у села, благодаря которым имена всех воинов теперь выбиты в граните. Со стороны местных властей — желание помочь в реабилитации мемориала. Остался ещё один неоплаченный долг перед солдатами, решение вопроса с заброшенной братской могилой в селе и захоронение 34-х найденных нами воинов. Мэр села клятвенно заверил всех присутствующих, что к 22 июня погребение состоится. Будем надеяться, что это не просто слова, а пока — склонённые знамёна, слова благодарности павшим, минута молчания. Высота 236.0. Низкий поклон павшим у этой высоты ребятам. Короткий экскурс в историю событий, цветы, поминальные 100 грамм.

В. Сеньковский для издания «Книга Памяти Молдавии»

* * *

11 мая 2019

ГРУДЬЮ НА АМБРАЗУРУ

Ровно 75 лет назад, 11 мая 1944 года, стрелок 236-го гвардейского стрелкового полка 74-й гвардейской Нижне-Днепровской ордена Богдана Хмельницкого ІІ-й степени стрелковой дивизии гвардии рядовой **Пётр Кобец** в ходе ожесточенного боя за село Дороцкое закрыл собою амбразуру вражеского ДОТа.

Выдержка из наградного листа на представление к званию Героя Советского Союза:

«...В ночь на 11 мая 1944 года, в бою за село Дороцкое тов .Кобец совершил героический подвиг, являющийся примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии».

После грома артподготовки бойцы поднялись и устремились к вражеским позициям. Пётр Кобец вырвался вперед и вёл огонь по фрицам. Увлечённый боем и переполненный яростью мести проклятым немцам, забыв о личной опасности, он бежал до тех пор, пока над головой не просвистела очередь вражеского пулемёта. Он лёг на землю и осмотрелся. Впереди хлестал огнём немецкий пулемёт, а сзади лежали товарищи, прижатые к земле свинцом. Ракеты разрезали темноту ночи и в эти короткие проблески он увидел место расположения вражеского пулемёта, мешавшего продвижению вперёд. Пётр Кобец быстро пополз навстречу огненной струе. Одна за одной он кинул в пулемёт две гранаты, но тот продолжал строчить. Тогда, поднявшись во весь рост, быстрыми скачками солдат бросился к пулемётному гнезду. Подбежав вплотную, он широко раскинул руки и своим телом закрыл амбразуру вражеского пулемёта. Пулемёт замолчал. Бойцы получили возможность продвигаться вперёд. С криком «Ура!», как смерч, ворвались они в траншеи противника и в упор расстреливали немецких гадов.

 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19
 ДНЕВНИКИ ПЕТРОВИЧА
 / 59

22 сентября Пётр Кобец был награждён орденом Отечественной войны I степени. Посмертно. Имя героя увековечено на плитах мемориального комплекса в селе Дороцкое. В Хабаровске его не дождались жена и трёхлетний сын.

Вечная память солдату Великой Войны!

Национальный Координационный Комитет «Победа»

* * *

Информ-агентство «Спутник»

ПЕТРОВИЧ: ТЫСЯЧИ МОЛДАВАН ВЫРАЗИЛИ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ИСКАЖЕНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Десятки тысяч жителей Молдовы, принявшие участие в праздновании Дня Победы, одновременно мирным способом выразили протест попыткам переписать историю и очернить память советских солдат, павших на полях сражений в 1941-1945 годах.

Своими впечатлениями о праздновании 9 Мая в Кишинёве в эфире радиостудии Sputnik Молдова поделился руководитель Русского историко-патриотического клуба Алексей Петрович.

Он рассказал, как 9 Мая его, 10-летнего мальчика, родители впервые привели на Мемориал воинской славы в Кишинёве. С тех пор, признаётся Алексей, ежегодно обязательно в этот день он бывает в этом святом для него месте. Но 9 Мая 2010 года он запомнит навсегда.

«Тогда врио президента был один забытый ныне политик (Михай Гимпу – прим.ред). Я помню его заявления перед праздником о том, что мы должны отмечать не День Победы, а день траура. И я помню, как люди просто завалили Мемориал цветами – столько цветов не было ни до, ни после той весны. Кишинёвцы массово вышли на праздник, и в этом было выражение их протеста», – сказал он.

Так произошло и в этом году — в 74-ю годовщину победы в Великой Отечественной. Десятки тысяч человек по всей Молдове 9 Мая вышли все вместе на улицы, чтобы заявить: хватит издеваться над общей памятью! По словам Алексея Петровича, жители Молдовы собрались, чтобы выразить свою гражданскую волю, остановить очернение образа своих предков. «Для нас эта война, отдаляясь, превращается в легенду. Но в какую легенду? Мы хотим верить, что наши деды жертвовали собой, что они были героями. Именно поэтому мы все вместе сохраняем эту святую память», — заключил он.

В акции «Бессмертный полк» в Кишинёве в этом году приняли участие 60 тысяч человек.

* * *

17 мая 2019

ПЛЕВОК В НАРОДНУЮ ПАМЯТЬ

Несколько недель назад мы провели в последний путь последнего молдавского подпольщика, героя Бендерского подполья Валерьяна Иванова. Некому больше рассказывать о том, как боролись против фашистских оккупантов молдавские патриоты в годы войны. Зато есть кому поливать грязью и паскудить их светлую память.

Вдогонку к прошедшему празднику Победы знаменитая своим «профессионализмом» и «непредвзятой» позицией газета «Timpul» 16 мая напечатала материал под названием «Молдавские партизаны – это русские бандиты». Автор – Георге Мырзенку. С текстом на молдавском/румынском языке можно ознакомиться по ссылке: https://timpul.md/.../partizanii-moldoveni-erau-bandii-rui-14...

Основной посыл этого нагромождения оскорбительных теорий – никаких молдавских партизан в годы Великой Отечественной войны на территории Молдавии не было, а таковыми называли русских бандитов, грабителей и пьяниц, безжалостно издевавшихся над молдавским народом. По мнению автора, советскому командованию было крайне сложно организовать партизанскую борьбу на территории Бессарабии, в виду лояльного и доброго отношения к оккупационным румынским войскам. Их, по мнению автора, даже с цветами встречали. Странно, что господин Мырзенку не потрудился найти ни одного архивного кадра таких встреч с «благодарным населением освобождённой от большевизма Бессарабии». Автора не удивляет тот факт, что сразу после начала войны и создания Центрального штаба партизанского движения, руководящие партийные работники, трудившиеся до 1941-го года на территориях оккупированной Молдавии, возглавили специальные отделы по организации партизанского движения в нашей стране. Одним из них был Иван Иванович Алёшин, русский, уроженец Саратовской области. Под его руководством создавались партизанские отряды для заброски на временно оккупированную территорию. Комиссар Алёшин погиб в бою, от разрыва бомбы. Его имя носила одна из улиц Кишинёва, переименованная стараниями целевой аудитории газеты «Тимпул» в 90-е годы.

Об одном из таких подразделений, знаменитом отряде «Журналист», действовавшем в Каларашском районе под командованием Георгия Смилевского, автор пишет отдельно. Заблудившаяся группа советских солдат забрела в молдавские кодры. Они взяли в плен местного лесника Кирикэ, и вместе с ним бродили по лесу, стреляли в животных, но никого подстрелить так и не смогли. Господин Мырзенку, видимо, перепутал современную историю независимой Молдовы с событиями 75-летней давности. Это не охота прокуроров и судей в заповеднике «Пэдуря Домняскэ», это военные действия! И отряд из 9 человек, выросший впоследствии за счёт вступления в него местных жителей до 88 бойцов, принял бой против 500 румынских солдат! Но об этом Мырзенку не стал писать. Он решил поиздеваться над памятью погибших партизан в подлой и грязной манере. Среди заброшенных в тыл бойцов было две девушки: уроженка Ростова Клавдия Крикуненко и Валя Максимова из Алтайского края. Господин Мырзенку утверждает, что обе они были взяты командованием отряда «для сожительства». Эротических фантазий автора хватило аж на целый абзац. Жаль, господин Мырзенку, что не

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ДНЕВНИКИ ПЕТРОВИЧА /6

встанет из братской могилы 23-летняя Валентина Максимова и не ответит на ваши грязные предположения очередью из ППШ! Раненой, она попала в плен к румынским солдатам и была заживо сожжена.

Нельзя простить и ухмылки в адрес старого лесника Александра Кирикэ. После разгрома отряда румынские войска расстреляли двоих его детей и жену.

Среди «русских бандитов» из отряда «Журналист» — командир отряда Георгий Смилевский, родом из Николаева; комиссар отряда Ефим Исайкин — из Запорожской области; Тетянко Николай — из Харькова. Учите географию, господин Мырзенку. И длинный список погибших, чьи фамилии говорят сами за себя: Буду, Годорожа, Райляну, Руссу, Пую, Харя, Захария, Ботнарь, Даницэ... Они тоже русские бандиты?

В нашей стране вроде действует некая структура по недескриминации, которая должна оценить эту лживую статейку на предмет разжигания межнациональной розни. Очень хочется услышать возмущение дипломатических миссий как минимум тех государств, чьи уроженцы были названы бандитами, услышать комментарии наших историков. Я же, со своей стороны, готов свозить господина Мырзенку на бесплатную экскурсию в село Сэсены Каларашского района, показать ему братскую могилу партизан отряда «Журналист» и местных жителей, убитых румынскими карателями весной 1944-го года.

Василий Сеньковский

* * *

19 мая 2019

СВИДАНИЕ

«Ну так что, едем?» – по-командирски твёрдо прозвучал голос деда. В очередной раз удивился силе духа и мужеству старика. Ещё вчера он еле говорил, жаловался на перепады давления, а сегодня уже твёрдо намерен воплотить в жизнь очередную боевую задачу. Для человека, находящегося в шаге от 100-летнего юбилея, каждая задача – боевая.

В назначенное время он ожидал меня, сидя в коридоре. Рубашка цвета хаки, тельняшка под нею, непременные, уже выгоревшие от времени орденские планки. «Не забудь пакет. Смотри, не переверни по дороге».

Проехав все мыслимые и немыслимые кордоны, – я напрочь забыл про многочисленные мероприятия в центре нашей столицы, – мы добрались до ворот Армянского кладбища. Въехав на территорию, припарковал машину справа и, чтобы не утруждать деда, решил сходить за цветами. «Ты своей жене цветы покупай, а я своей сам куплю!» – резко оборвал меня гвардии рядовой. Приказы не обсуждают, и мы крейсерской скоростью двинулись к продавщице цветов. «Мне только живые. Пластмассы не надо. Я на свидание иду». Продавщица деда узнала, вспомнила, как он рассказывал ей о своей любви, когда приезжал на кладбище в прошлом году.

По достоинству оценив ремонт дорожек на кладбище, мы приехали на угловой квартал. Гранитный памятник хорошо видно с дороги, хоть здесь в последние годы появились новые захоронения, склепы и монументы. «Эту дорожку я строил. Чтобы к Катеньке ходить» – между захоронениями пролегла добротная тро-

пинка из тротуарной плитки, ведущая прямо к памятнику. Наощупь, практически вслепую, он пробирался к заветной оградке.

«Здравствуй, моя дорогая. Вот и пришёл к тебе твой Микеля». Он разложил цветы у подножия, попросил принести из машины ветошь, чтобы протереть памятник. Нежно и аккуратно смахивал пыль с гранитной плиты. Затем настала очередь таинственного пакета. Из него дед извлёк пасхальный кулич, пряники, конфеты, сто грамм фронтовых, свечку и маленькую бутылочку вина. Прочитав «Отче наш», он выпил вина и на мгновение замолчал. Потом всё так же, наощупь, обошёл могилу, взялся за оградку и запел. Пока до меня дошло, что вот эти секунды я должен не только запомнить, но и документально зафиксировать, дед уже заканчивал второй куплет. В песне юноша звал на свидание девушку, перебирая гитарные струны. «Я часто пел её своей Катерине», — тихо сказал дед, потирая левую сторону груди.

Они прожили вместе 60 лет. После очередного ранения, полученного под Белградом, советский солдат **Михаил Геженко** оказался в югославском госпитале. Нужна была кровь для переливания, и подходящая группа оказалась у дежурившей в палате сестрички Кати. Придя в себя после операции, солдат захотел узнать, кто же спас ему жизнь. А когда узнал, то понял, что теперь его жизнь принадлежит Ей. Советская комендатура в Берлине зарегистрировала брак советского солдата и югославской медсестры. Так началась их история любви. Они пронесли её через всю свою жизнь. Нет, они не умерли в один день, как пишут в финале сказок. Она ушла раньше, перед смертью завещав ему беречь себя.

И не было такого дня за долгие годы, прошедшие после её смерти, чтобы не вспомнил он свою Катеньку. Вот и сегодня он пришёл к ней на свидание – с цветами, вином и нежной своей песней.

* * *

22 мая 2019

УРОК ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

21 мая в Доме культуры города Купчинь Единецкого района прошла встреча руководителя Русского историко-патриотического клуба Алексея Петровича с учащимися школ и лицеев города, приуроченная к 74-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 75-й годовщине освобождения Молдавии от фашизма. На мероприятие пригласили учеников средних и старших классов лицея им. Софьи Ковалевской с русским языком обучения, гимназии Купчинь и лицея им. М. Садовяну с государственным языком обучения. Вниманию юных зрителей были представлены документальные ролики, посвящённые работе по увековечению памяти павших защитников Родины, патриотическому воспитанию молодёжи и противодействию фальсификации истории. В свою очередь юные жители Купчинь рассказали о своём участии в акции «Бессмертный полк», организованной в городе в День Победы. Библиотекам учебных заведений и Дворца культуры были вручены книги по военной истории, выпущенные при содействии Национального Координационного Комитета «Победа».

25 мая 2019

ПРОЕКТ «ДОРОГИ ПОБЕДЫ» В ДЕЙСТВИИ

В рамках реализации проекта «Дороги Победы» – цикла автобусных экскурсий по местам боевой славы для учащихся средних учебных заведений Молдовы – 25 мая мемориальный комплекс «Шерпенский плацдарм» посетили ученики 5-х и 9-х классов кишинёвского лицея имени Милеску-Спэтару.

Они узнали о событиях апреля-августа 1944-го года, об ожесточённых боях по захвату и удержанию Шерпенского плацдарма, об истории создания мемориального комплекса, о работе по увековечению памяти и поиску неучтённых захоронений, которую ведут на местах бывших боёв поисковики. Гости побывали на смотровой площадке, посетили воинское кладбище советских солдат, Аллею боевой славы Днестровских плацдармов.

Проект «Дороги Победы» – одна из форм патриотического воспитания молодёжи, изучения истории родного края. Бывая в местах боевой славы, дети получают возможность изучать военно-историческое наследие Молдовы, расширять свои познания по истории Родины.

* * *

1 июня 2019

ко дню защиты детей

Когда в средствах массовой информации звучат новости о случаях жестокого обращения с детьми, о недобросовестной организации питания в учебных заведениях, невольно сжимаются кулаки и возникает желание наказать виновных лиц «здесь и сейчас». Но мало кто задумывался о том, как часто наших детей «травят» фальшивками, умышленно и жестоко отбирая у них чувство собственного достоинства, гордости за свой народ, за свою историю и свою страну. На протяжении многих лет школьные программы упорно твердят о множестве «аннексий и оккупаций», а современные учебники преподносят информацию в намеренно искаженном виде.

За всё время работы я не могу припомнить ни одного «провального» выступления, хотя различных ситуаций в ходе таких встреч случалось немало. Но ни разу не довелось выгонять нарушителей из зала или класса, прибегать к помощи педагогов для усмирения аудитории. По завершении каждой встречи всегда прошу писать отзывы и передавать их для меня через своих педагогов. Выполнение моей просьбы – инициатива абсолютно ДОБРОВОЛЬНАЯ. А потому «скатывать» из интернета или у товарища по парте нет никакого резона. Если уж писать, то писать откровенно. Все отзывы, все, без исключения, дороги лично для меня, как оценка нашего общего труда по сохранению памяти. Они наглядно демонстрируют, как во время наших встреч дети приобретают и укрепляют «иммунитет» против беспамятства и фальсификации истории. Им интересно то, о чём мы им рассказываем. А это значит, что мы будем встречаться и впредь.

22 июня 2019

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

В рамках событий, приуроченных к 78-й годовщине начала Великой Отечественной войны, общественные организации «Русский историко-патриотический клуб» и «Август», при поддержке администрации президента Молдовы, представительства Россотрудничества в РМ, руководства Дубоссарского района и коммуны Кошница провели акцию «Свеча Памяти».

Благодаря недавно выявленной архивной информации, в Молдове появился первый «именной» ДОТ. На стене долговременной огневой точки № 417 Тираспольского укрепленного района поисковиками была установлена гранитная плита с фотографией младшего лейтенанта Василия Суворина, руководившего обороной ДОТа летом 1941-го года. Гарнизон под командованием Суворина сражался против превосходящих сил противника на протяжении двух суток и с боем пробился к своим войскам. За оборонительные бои в Молдавии младший лейтенант Суворин был удостоен Ордена Красной Звезды. Теперь в туристических маршрутах нашей страны появился новой объект – ДОТ лейтенанта Суворина. У его стен и прошла акция «Свеча Памяти».

К участникам её с приветственным словом обратились глава Дубоссарского района Григорий Поличинский, сотрудник Российского центра науки и культуры Андрей Кибирев, председатель Ассоциации русских писателей РМ Олеся Рудягина. В рамках культурной программы вниманию зрителей были представлены видеоролики о работе по увековечению памяти, проводимой в нашей стране. Доброй традицией акции стал просмотр советских фильмов о войне, отмечающих юбилей выхода на экран. В этом году гости смотрели шедевр советского кинематографа — картину «Судьба человека» режиссера Сергея Бондарчука, которой исполняется 60 лет.

В 4 часа утра у стен ДОТа лейтенанта Суворина зажгли свечи памяти. Была объявлена минута молчания в честь погибших героев и жертв Великой Отечественной.

* * *

Сайт «КП» в Молдове, 22 июня 2019

МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ – ДНЕСТР: КАК В МОЛДОВЕ ИЩУТ ОСТАНКИ ПАВШИХ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ СОЛДАТ

В эти дни наша страна готовится отмечать 75-летие Ясско-Кишиневской операции, тем временем многие и многие участники тех событий до сих пор числятся или пропавшими, или утонувшими. Руководитель Русского историко-патриотического клуба и поискового отряда «Август» Алексей Петрович — волонтёр, как и его коллеги. Всё своё свободное время они посвящают поиску и поднятию солдат времен Великой Отечественной войны.

Алексей внутренне сопротивляется тому, что о победе люди вспоминают лишь раз в году — 9 Мая. Реже 22 июня — в день, когда рёвом авиадвигателей и осколками взрывающихся снарядов оборвались мечты миллионов людей, которые ещё не знали, какой начался ужас, как надолго он затянется и прекратится ли вообще.

Для поисковиков война была будто совсем недавно и не закончилась ещё. Именно понимание, что нам дала победа, позволяет поисковикам продолжать мирную жизнь и показывать нам, какая это была трагедия, какие молодые судьбы оборвала война. Ни один учитель истории или экскурсовод не сможет нашим современникам рассказать о войне так, чтобы на секундочку почувствовать весь трагизм тех времён. Кто, как не поисковик сможет рассказать и показать, как раскалённый осколок снаряда на бешеной скорости прерывает жизнь 18-летнего солдата. Поисковик вложит в руку подростка этот осколок, и в душе мальчика или девочки что-то перевернётся.

- Почему ты используешь слово «поднимать» бойцов?
- Это общий сленг поисковиков. Никто не говорит выкапываем. Для официальных документов есть слово эксгумировать. Мы говорим поднимать, потому что поднимаем тех, кто упал в своём последнем атакующем броске. Спустя столько десятилетий мы поднимаем бойца, чтобы восстановить его славное имя. Если имя не удаётся узнать, то хотя бы воздать воинские почести, которые он не получил в годы войны.
 - Сложно же искать после стольких лет?
- Существует классификация захоронений боевые, госпитальные, сборные, когда после боя собирали всех. Существуют одиночные и братские захоронения. А бывает сброс, как мы это называем. Когда солдат набрасывали в яму и сверху засыпали. Мы поднимали на мемориальном кладбище в Кишинёве сброс в 62 человека. Очень тяжело. Всё уже перемешано, срослось, спрессовалось, перемешалось. Два дня мы только поднимали, потом ещё день просеивали всю землю. Нашли лишь два смертных медальона, только один смогли прочитать. Ещё один день ушёл на то, чтобы останки разложить. Недавно мы приехали на «вызов» тело солдата оказалось распаханным трактором.
 - Что самое сложное в вашем деле?
- Найти. Поднять просто это уже технология. Снять слой, зафиксировать положение тела. Это поможет определить причины смерти. Солдат мог бежать с гранатой в руке, так и упал мы предполагаем, что это атака или контратака. Если рядом котелок, то скорее всего он ел кашу, а его задело осколком. Оружие, каска, обувь, ремешки, пуговицы всё это помогает понять, какой армии принадлежал боец. В крайнем случае определяем по стоматологии: если солдат с испорченными зубами, то однозначно наш. У немцев поголовно вставные зубы, коронки, пломбы. Главный вопрос найти захоронение. Можно напрасно перекопать километры земли, потратить много сил и времени, средства на поиск. Далеко не каждый наш выезд оказывается успешным. Ищем мы несколькими путями. Документы Министерства обороны РФ подсказывают, где были места сражений. Наш картограф накладывает друг на друга карты довоенных времён, военные и современные. Есть карты захоронений и воспоминания очевидцев. К сожалению, из десяти историй «выстреливают» одна-две.
 - Чаще приходится хоронить неизвестного солдата?
- Большая часть солдат, найденных нами в Молдове, в момент смерти были на боевых позициях. Это значит, что их никто не хоронил и как учтены не известно. В таких случаях лучшие подсказки личные вещи. Смертный медальон, номерная награда, ложка с нацарапанными инициалами, котелок, перочинный

нож или портсигар с гравировкой – любая метка может стать ключом к поиску имени. Иначе остается неизвестным...

- Как часто вам удаётся определить имена солдат?
- Сейчас вот мы нашли пулемётчика Скоблина. Он лежал отдельно от остальных с автоматом, медаль рядом принадлежит ему. Это понятно. А недалеко от него ещё два солдата. Они остались безымянными.
 - Родственников Скоблина нашли?
- Племянницу нашли в Томской области. Вчера, 7 мая, мы провели церемонию прощания с рядовым Скоблиным. И в спешном режиме отправляем до 9 мая останки на родину.
- Родственники рады, что спустя столько лет становится ясна судьба члена их семьи?
- Было немало историй, когда люди много лет искали и не могли найти павшего или пропавшего без вести дорогого человека. Несколько лет назад в Кишинёв приезжала семья из Казахстана с папкой документов. Их дядя погиб в Молдавии в сражении у села Плоп-Штюбей Каушанского района. Сначала мать его искала; когда матери не стало, искал брат, после это святое дело продолжили племянники. Нашли только дети племянников спустя более семи десятилетий. Документов собрали целый архив. Оказалось, что казахскую фамилию русский писарь написал на слух, потом второй сделал ошибку и так дальше пошла искажённая фамилия. А мы нашли: подбирали все варианты фамилии, как могли исказить. Оказалось, что солдат этот похоронен в сельском мемориале.
- Из-за таких случаев вы продолжаете работу? Думаешь, кому-то это надо спустя 74 года после Победы?
- Как говорил великий полководец Суворов: «Война не окончена, пока не похоронен последний солдат». Если так, то Великая Отечественная никогда не закончится. Ежегодно мы получаем около 70 запросов с просьбой определить место гибели родственника. И очень часто местом захоронения в документах значится река Днестр. Солдат утонул ничего не осталось, кроме имени и фамилии, которые через 75 лет после Ясско-Кишинёвской операции мы можем увековечить.

Мы живём там, где погибли они. Их энергетика осталась. Солдаты остались в поле, на котором растёт пшеница. Она прорастает через кости. Мы хлеб едим с полей, где лежат солдаты. Мы пьём воду из Днестра, где утонули тысячи воинов. Мы дышим воздухом, которым они стали.

- Что лично для тебя есть поисковая работа?
- Моя работа этот тот самый долг перед живыми ветеранами и погибшими страшной смертью солдатами, совершившими подвиг, равного которому в мире нет. Именно поэтому мы тратим свои силы и время на то, чтобы отыскать солдат, восстановить их добрую память.

23 июня 2019

«НЕИЗВЕСТНОМУ РУССКОМУ ГЕРОЮ»

В обновлённой экспозиции музея поисковых организаций «Ратная слава» сегодня нет одного очень ценного, поистине уникального экспоната. При переезде в новое здание, по просьбе церковного совета кишинёвского храма Святого

Владимира, на протяжении многих лет сотрудничавшего с молдавскими поисковиками, его решено было оставить при церкви.

Весной 2014 года у города Атаки Окницкого района на берегу Днестра в ходе земляных работ был обнаружен каменный крест и останки советского солдата. Надгробный крест – типично румынского образца. Такие кресты использовало румынское командование в годы войны, устанавливая их при захоронении своих погибших солдат и офицеров. Но как могло такое надгробие оказаться на могиле советского солдата? Ответ дала сохранившаяся на кресте надпись на румынском языке: «Un erou rus necunoscut» – «Неизвестный русский герой». История знает немало случаев, когда враг преклонялся перед мужеством и стойкостью наших солдат, защищавших Родину. Имя погибшего солдата, к сожалению, установить не удалось. Пять лет назад, в канун Дня Победы, его останки были торжественно перезахоронены в центре города Атаки. Спустя год на могиле героя установили гранитный монумент.

С помощью нашего товарища Виталия Мындру, на тот момент действующего сотрудника полиции в Окницком районе, мы перевезли крест в Кишинёв. После незначительной реставрации он занял своё место во внутреннем дворе храма Святого Владимира. По установившейся традиции после окончания воскресной службы здесь служат литию по погибшим в годы войны солдатам.

ИМЯ ТВОЁ НЕИЗВЕСТНО, ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН.

* * *

25 июня 2019

ДОРОГА ДОМОЙ ДЛИНОЮ В 75 ЛЕТ

24 июня в селе Тегульдет Томской области состоялась церемония захоронения останков рядового 1145-го стрелкового полка 353-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта Михаила Ефремовича Скоблина. В январе этого года в ходе поискового выезда отряда «Август» и Русского историко-патриотического клуба на пахотном поле у села Раскаец района Штефан Водэ были обнаружены останки солдата Красной Армии. Среди предметов вооружения и амуниции при бойце была найдена медаль «За отвагу». В архиве Министерства обороны Российской Федерации, удалось установить, что награда принадлежит Михаилу Скоблину, уроженцу Тегульдетского района Томской области. Солдат значился пропавшим без вести с августа 1944-го года. Томское отделение Поискового движения России после трёх месяцев поисков помогло отыскать племянницу погибшего героя - Татьяну Семёновну Жорник, проживающую в городе Королёв Московской области. Она выразила желание похоронить солдата на Родине, в России. Благодаря поддержке администрации президента Республики Молдова Игоря Додона и Посольства Российской Федерации в РМ, останки красноармейца Скоблина, после церемонии воздания всех воинских и православных почестей, были отправлены в Россию в канун Дня Победы.

24 июня 2019-го года на улицы Тегульдета вышло всё село. Люди провожали в последний путь односельчанина, вернувшегося с войны через... 75 лет. Алое знамя Победы рядом с флагом молдавских поисковых организаций, почётный

караул и оркестр, последняя молитва в память о воине Михаиле. На мемориальной церемонии присутствовали представители исполнительной власти области и города, члены ветеранских организаций, поисковых и патриотических объединений. Из Подмосковья прибыла племянница погибшего героя, а из Молдовы — поисковик отряда «Август» Александр Соколов, обнаруживший останки воина на Раскаецком плацдарме. Рядового Михаила Скоблина похоронили на центральном мемориале села, у памятника не вернувшимся с фронта односельчанам.

Вечная память тебе, рядовой Скоблин! Ты отдал жизнь за нашу свободу и мир на земле, ты погиб за нашу Молдавию. Ты исполнил свой долг перед Родиной.

* * *

2 июля 2019

В СТРОЙ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА» ВСТАЛ ЕЩЁ ОДИН СОЛДАТ

Ушёл из жизни ветеран Великой Отечественной, гвардии полковник медицинской службы, кавалер двух боевых орденов Красной Звезды, медалей «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта» и «За победу над Германией», высшей награды страны — Ордена Республики Михаил Степанович Суетнов.

Он прошёл Великую Отечественную войну в составе 133-го кавалерийского полка 30-й кавалерийской Новобугской ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии в должности старшего санитарного врача полка.

Полгода назад Михаил Степанович отмечал 100-летний юбилей, принимал в гостях президента страны, «обмывал» полученный орден. Мне повезло сохранить для истории его интервью – рассказ о буднях войны. Спокойный взгляд много повидавшего на своём веку (в буквальном смысле слова – веку) человека, внимательный, вежливый и обходительный, сохранивший в свои годы военную выправку. Но главным своим богатством Михаил Степанович считал семью. Среди нескольких сотен опрошенных мною участников войны я могу по пальцам пересчитать людей, встретивших старость в кругу любящих близких, в здравии и достатке. Михаил Степанович был окружён любовью своих дочерей, зятьёв, внуков и внучек. Он прожил достойную и счастливую жизнь. ВЕЧНАЯ СЛАВА СОЛДАТУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Продолжение поиска следует. «Пока не похоронен последний солдат»!

Подборку подготовила Василиса ТРОФИМОВА,

публицист

P.S.

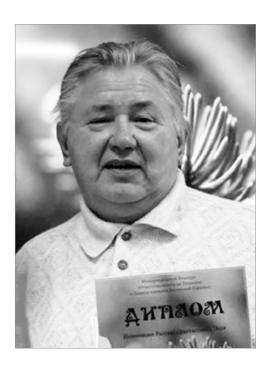
За вклад в сохранение военно-исторического наследия, заслуги в воспитании подрастающего поколения в духе патриотизма и активную общественную деятельность государственных наград Республики Молдова удостоены 10 человек — членов поисковых общественных организаций «Август» и Русский историко-патриотический клуб. 25 июля президент Молдовы Игорь Додон в торжественной обстановке вручил награды неутомимым поисковикам. Поздравляем!

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 69

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ЛЕВИЦКИЙ

ВАРЕНЬЕ НОМЕР ТРИ

Сохранившиеся на ветках шелковицы листья слабо прикрывают меня от нежаркого ноябрьского солнца. Собственно, от солнца я не прячусь, даже наоборот, хотел бы больше его тепла. Но здесь мой рабочий уголок. Тут я делаю тушёнку, чищу рыбу, пилю и колю дрова, да много чего делаю. Когда-то дерево состояло из четырёх толстых стволов, но два из них бензопила ровненько срезала на уровне пояса, третий ствол высох и лишь четвёртый выпустил длинные прямые ветки. Позже они будут срезаны, очищены от коры, притянуты проволокой к бетонным столбам и оставлены для выпрямления. К весне подсохнут прекрасные тычки под помидоры. Я люблю, чтобы кусты были высокими, метра под два.

Из высохшего ствола параллельно земле торчит длинный толстый сук. Пока он был жив, я древним скобелем снял с него кору и был он похож тогда на бивень лимонного цвета. Теперь посерел, но если пройтись наждаком, снова проявится желтизна. Ветви дерева на живом стволе растут в противоположную сторону,

чтобы огонь их не запалил. Старая цепь с крючками брутально свешивается с бивня, потому что находящаяся под ней уличная печь иногда становится коптильней. Но не сейчас.

Я сижу с ножом в руке на деревянной скамеечке под холодным солнцем и неусыпным наблюдением зелёных кошачьих глаз. Чёрно-белая Изюминка, помуркивая и поглядывая, чтобы меня никто не обидел, расположилась на печи. Моя работа не представляет для неё интереса. Вот если бы я чистил кефаль ... Не подмигивай мне, киса, имей терпенье. Она видела, как я положил в холодильник творожок с изюмом и теперь сманивает меня в дом. Но я не пойду, хотя уважаю её желание. Весь помёт, в котором она много лет назад родилась, рычал и бился за рыбку или за мясо, и лишь она приходила в неистовство от творога с изюмом. Потому и Изюминка. Иди, мышу поймай! Ой, не надо! И она, и все её предки, каких я помню, носили по малолетству мышей мне прямо в постель. Особенно приятно им было, когда там находилась незнакомая женщина. Представьте. Просыпаетесь вы утром от заигрывания солнечного луча - кровать так поставлена – и обнаруживаете на подушке выложенных в рядочек трёх-четырёх мышек. Я знаю, что будет. Не раз спасал трусих. А для женщины второго дня присутствия имеется замочек на кошкиной двери, который закрывается по желанию хозяина. Говорят, что традицию «мышу в кровать» завёл далёкий предок живущей с нами кошачьей семьи. Звали его Митрофан и он носил мышей в мою детскую кроватку. Признал за своего и воспитывал, как умел.

Слева от меня в двух вёдрах мокнет айва. Я беру очередной плод, тщательно протираю полотенцем и режу пополам. Удаляю сердцевину, но не выкидываю. И семена, и семенной мешочек, очень полезны в моём возрасте, потом я приготовлю из них несколько снадобий. Оставшиеся половинки разрезаю на тонкие дольки. Они падают в таз, там их уже много. Запах природного афродизиака стимулирует работу. Можно было бы устроиться в доме, но я не готов спать в помещении, пропахшем айвой. Я уже не Парис, сведший с ума красивейших богинь Греции, и не праматерь наша Ева, любовный бред не для меня. А вот сварить для любимой женщины варенье — это я могу.

Я помню своё первое варенье. У неё были маленькие твёрдые груди, из которых иногда проявлялись вишенки сосков. Надо было очень постараться, чтобы они появились. Приходилось оставить в стороне всё моё юношеское нетерпение, извлечь из души неистраченную ещё нежность и ласку, и тогда случалось чудо. Я сварил для неё варенье из вишни-дичка, и нам оно пришлось по вкусу. Потом раздались звуки «труб Иерихона», позвавшие мою любовь на древнюю родину, и моя «вишенка» уехала.

Я и раньше знал, но тогда впервые понял, что у людей бывает национальность. В босоногом детстве такого понятия не было.

Общественная жизнь нашего двора проходила под росшей в самом центре могучей абрикосой. Там, под навесом, стояли лавочки, стол и уличная печь. Когда мы были маленькими, на травку выкидывали ковры, подушки и нас, детей, голеньких и не очень. Моя бабушка, единственная старушка во дворе, брала в руки вичку, гибкий и прочный прут сирени, освобождала от оков немецкую овчарку Найду и садилась на стилец, маленькую табуреточку, чтобы руководить

миграцией малышей по ковру. Там, куда она не доставала вичкой, мы утыкались в жаркое дыхание собаки и её влажный нос. Иногда к нам приносили Пагу или Ваську Муроя. Вот ведь беда, я так и не узнал имени Пагосяна – Пага и Пага. Такой же тайной остаётся этническая принадлежность Муроев. Помню только, что дом их был под горой и было их много. Иногда к нам присоединялись Найдины щенки и тогда бывало особенно весело. К обеду появлялась Маруся, старшая дочка тёти Иры и помогала бабушке нас кормить. Была попытка определить меня в детсад, но я покинул его через забор и вернулся под абрикосу.

По вечерам на лавочках усаживались наши мамы. Отцы толклись под другим навесом, где стоял тёти Ирин «Москвич-400» с брезентовой крышей и запаской на багажнике, уже тогда очень старый. Тётя Ира работала таксистом и приобрела это чудо по остаточной стоимости. Машина ездила!

Периодически из глубин оврага, идущего от Комсомольского озера в сторону Телецентра, на краю которого мы жили, поднималась тётя Вера Мурой. Её появление означало: что-то созрело и пора варить варенье. Наш склон оврага зарос дичком абрикос, дикой вишней и сливой. В самом низу находился предмет детского вожделения — восемь старых черешен. На другом склоне рос виноград.

Тогда, в ближайший выходной дедушка Лазарь Караман выносил огромный медный котёл. Мужчины и наша мелкая банда отправлялись с вёдрами на сбор урожая. Наши мамы оставались мыть банки. Теперешних жестяных крышек ещё не было. Гениальный конструктор пистолетов Николай Макаров ещё не вышел на пенсию и не создал под давлением жены тот закаточный станок, которым мы сейчас пользуемся. Крышки были стеклянными и крепились при помощи скоб. Я помню ещё коричневую банку с проволочной оплёткой горлышка, на которой «ятями и ижицами» проступала надпись «Товарищество Стандарт», и она работала.

Мы с отцами натаскивали созревших плодов, мыли и чистили, засыпали сахаром, отгоняли пчёл. Потом наши мамы ставили на печку котлы, а мы ждали пенку. Она была такая вкусная, что мы облизывали блюдца. Я помню измазанные вареньем лица Наташи Захаровой и Эммы Штеллер. Я не знал, что одна из них русская, а другая немка. Господи, неужели для того, чтобы жить дружно, надо быть бедными!?

Чистка айвы закончена. Пора резать.

Дольки режу тоненько, но длинно, так они быстрее отдадут воду и пропитаются мёдом. А вот яблоки надо резать коротко и толстенько, как в салат «Оливье».

Почти тридцать лет прошло с тех пор, как я варил яблочное варенье. Она была похожа на яблочко «голден», белая кожа в веснушках. Летом веснушки сливались и ей это не нравилось. Наверное, я любил именно веснушки. Но варенье я сделал из маленьких твёрдых кислых яблочек. «Голден» на варенье не идёт. Она воспользовалась правом моего сына на польское гражданство. Я сам вывез её подальше от горящего здания МВД, через Измаил в Одессу и больше не видел.

Заливаю дольки холодной водой и ставлю на плиту. Засовываю в печку несколько сухих стеблей кукурузы, прямо с листьями, кошка настойчиво сидит на месте. Беру спички, наклоняюсь ... и вот она уже у меня на загривке. Запалил. Кукурузянка пышет аппетитным духом. Наступает ответственный момент. Надо,

чтобы дольки айвы размягчились, но не сварились. Большой деревянной ложкой, с кошкой на плечах, помешиваю варево в котле, периодически подкидывая стебли в топку. Вот уже айва набухла, легко проткнуть ножом. Немедленно сливаю сиропчик в отдельную кастрюльку. Насыщенные водой дольки скидываю на сито.

В доме у радиатора греется трёхлитровая банка мёда. Прямо в стоящий на огне медный таз сливаю мёд, сколько получится. Потом в банку доливаю горячего сиропа и трясу. Опять сливаю, опять доливаю и так до тех пор, пока банка не станет чистой. Ложкой перемешиваю мёд с сиропом и жду пока вскипит. Бабушка-покойница, царствия ей Небесного, говорила, что айва любит, чтобы мёда было в два раза больше, но у меня сколько есть, столько и есть. Прямо во вспенившийся сироп закидываю айву. Всё. Теперь нужен маленький огонь, да перемешивать, пока дольки не станут прозрачными.

За всю мою жизнь, лишь три раза я варил варенье для женщин, обычно они обходились без него. Надеюсь, на этот раз варенье получится. Моя женщина тверда, как цельный плод айвы, её душа от прожитых лет прикрылась твёрдой оболочкой, как сердцевина плода. Но я знаю, что там, за твёрдостью, есть то, самое мягкое и нежное, до чего нужно добраться.

Сердцевина айвы отдаст своё богатство лишь чистому спирту, но это уже не варенье, а долгий процесс настаивания.

Стоп! Дольки начали краснеть, это значит, начался процесс карамелизации. Нам этого не надо. Снимаю котёл.

А вот и калитка хлопнула, идёт моя любимая.

Александр ЛЕВИЦКИЙ родился в 1956 году в Кишинёве. Образование – высшее, окончил Школу-студию имени Немировича-Данченко при МХАТе СССР имени Максима Горького.

Лауреат премий Республики Дагестан и Северного флота — за циклы авторских телевизионных передач с молодыми поэтами. Литературным творчеством увлекался с детства, но в различных изданиях выступал исключительно в качестве журналиста. Публиковался в журнале «Русское поле». Автор романа «Катехон».

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 73

НАТАЛЬЯ СТОЛЫПИНА-ВОЛЬСДОРФЕР

«ВСЁ ВЕРНЁТСЯ...»

По просьбе читателей «Русского поля» публикуем второй отрывок из романа нашей землячки, которая в настоящее время живёт и работает в Германии.

Валери ещё спала, когда Чарли взял телефонную трубку, потирая лоб. Дождавшись ответа, он тихо поприветствовал:

- Xай, Poy3!
- А... Чарлз... ответила трубка, как дела?
- Переведи, пожалуйста, на мой счёт сто тысяч фунтов, у меня будут расходы.
 В трубке послышался тихий смех.
- Почему ты смеёшься?
- Я не смеюсь, я радуюсь... Я тебе уже перевела.
- Спасибо.
- И прекрати меня благодарить за свои же деньги! Ах да, Чарзл, почему бы тебе не принять предложение твоего отца?
 - − Poy3!
 - Я сама не ожидала, что скажу тебе когда-нибудь такое...
 - Я не хочу... не знаю, зачем он это делает.
 - Твой отец стареет, голос Роуз стал тёплым, мне его иногда даже жаль...
 Чарли молчал.
 - Чарлз?
 - Да...
 - Ты вернёшься в Ворслимэнор?
 - Роуз, я хочу, чтоб ты меня об этом не спрашивала!
 - А я хочу, чтоб ты мне не говорил «я хочу»!
 - Извини...
 - И ты меня извини, Чарзл.

Чарли положил трубку, теперь он мог тереть лоб обеими руками.

Он старался избавиться от возникшего перед ним Ворслимэнора, а не получалось. Он прикрыл руками глаза и вспомнил один весенний день. Его день рождения.

Чарли знал, что чёрный скакун, на днях прибывший в конюшню, это подарок ему от отца. Он был очень горд тем, что ему только десять, но благодаря своему росту и ловкости он получит настоящую скаковую лошадь. Он ждал того момента, когда отец сам ему об этом скажет, и они вместе совершат прогулку верхом в прилегающем к Ворслимэнору лесу. Правда, было бы лучше, если бы не было стольких приглашённых гостей, но тогда не было бы и отца рядом с ним.

Большим испытанием терпения Чарли стали бесконечные поздравления от надушенных дам, от колючих господ, от этой противной девчонки Робертс, от рыжего Фрэнка и его родителей, от родителей Джека и самого Джека, в общем-то,

неплохого, долговязого парня на пару лет старше Чарли; от тёти Роуз, которая всегда пахла сигаретами и не упускала возможности спросить у Чарли, когда же он у неё погостит. Наконец, всё это осталось позади и ужасно скучный ланч тоже.

Сумасшедшее весеннее солнце, просыпающаяся зелень и густые ресницы чёрного Красавца привели Чарли в несказанный восторг. Жеребец проследил, кому мистер Ворсли отдал поводья, вывернул белки на того, кто гладил его по загривку, и усмирил свою силу, щадя ребёнка. Чарли с ужасом вспомнил, что не поблагодарил отца.

- Спасибо! он был готов вскочить в седло, но мистер Ворсли остановил его жестом.
- Я не хотел вчера тебя отвлекать от твоего занятия, но ты мог бы ещё вчера с ним познакомиться, поскакать, привыкнуть... – сказал мистер Ворсли, убедившись, что гости отдалились от них, – представь, что сегодня ты шлёпнешься на глазах у всех...

Чарли не понимал, почему отец ему это говорит. Он хорошо ездил верхом и умел падать, чтобы не повредить себя, и, даже если это случится, ничего страшного он в том не видел. Но тихий, с затаённым гневом тон отца насторожил его.

- Ты был так занят на кухне этим тестом, что я не решился тебя позвать!
- Да...- подтвердил Чарли, я помогал Эльзе.
- Эльза... Я даже не знаю, как зовут нашу кухарку. А тебе время подумать, кто ты есть и место ли тебе на кухне?

Чарли был ошарашен.

 Я не желаю, чтобы мой сын возился на кухне. Ты уже достаточно взрослый, чтобы помнить об этом и вести себя соответствующе! – мистер Ворсли скривил улыбку, – если я тебя ещё раз застану на кухне, в твоём распоряжении будет только служебный вход.

Чарли не находил особой разницы, каким входом пользоваться, однако разгневанное лицо отца погасило замечательное настроение и сковало его руки и ноги.

 Ну, что стоишь, поезжай, он спокоен... – сказал, как распорядился, мистер Ворсли и похлопал Красавца по крупу.

Как деревянная кукла Чарли сидел в седле, поглядывая иногда на гордый профиль отца. Он послушно следовал за ним на полкорпуса позади. Оба ускорили шаг. Дорога завела их в лес. Чарли не мог радоваться танцующей рыси Красавца, долгожданный момент оказался невыносимым. Чарли не думал о поводьях, и послушный конь замедлил ход.

– Ты где?! – крикнул мистер Ворсли, когда расстояние между ними оказалось очень большим.

Чарли не ожидал, что спокойный Красавец так энергично отреагирует на обычное пришпоривание. Инстинкт скакуна – догнать и опередить – взял верх.

Его понесло. Чарли пытался удержаться в седле, но, испугавшись нарастающей скорости, решил отпустить поводья и, растопырив локти и колени, кубарем слетел на землю. Ничего, кроме костюма, не пострадало, даже колено болело меньше обычного. Через пару секунд Чарли сориентировался, куда поскакал Красавец, и ещё через пару секунд услышал топот приближающейся лошади отца. Мистер Ворсли придержал лошадь и оглядел Чарли — он стоял в сместившемся котелке и без плётки, но целый и невредимый.

– Ну что, сэр Ворсли-младший, на кухне вам и место! Полезай! Хорошо, что никто не видел...

Чарли подавил внутреннее желание развернуться и убежать куда-нибудь. Он покорно взобрался на лошадь отца, не в состоянии даже в уме найти слова, чтобы ответить на усмешку. Он выдвинул вперёд нижнюю челюсть, сдерживая слёзы. На чёрного скакуна он так больше никогда не сел.

Под вечер переодевшиеся к дальнейшему празднованию гости сверкали улыбками и диамантами. Чарли избегал общения с кем-либо. Он знал, что Роджер сейчас очень занят всеми распоряжениями, никого другого ему не хотелось сейчас видеть. Уйти к себе и снять бабочку — это всё, чего он хотел.

- Чарлз, подойди, пожалуйста, сюда, окликнул его мистер Ворсли. Столько любви и уважения в голосе он никогда не дарил сыну без присутствия гостей. Два господина, разговаривающие с ним учтиво, заглянули Чарли в лицо.
 - За наше растущее будущее! сказал один из них и поднял свой бокал.
 Чарли улыбнулся, как мог.
 - Я знаю, что ты сегодня прекрасно скакал, взметнул бровями другой.

Ничуть не изменившаяся улыбка мистера Ворсли была ответом на удивлённый взгляд Чарли.

Чарли резко встал. Валери всё ещё спала. Он сел на пол возле кровати. Её лица не было видно. Тёмные волосы и рука выглядывали из вороха подушек и одеял. Он взял её гибкую мускулистую кисть в свои руки и так дождался, когда она проснётся.

Одним вечером Чарли шёл по направлению к консерватории. Было ещё только полвосьмого, но ему хотелось похитить Валери из этих стен. Он знал примерно, в каких классах она могла быть. Чувствовалось приближение экзаменов и прослушиваний. Из каждого освещённого класса вырывался голос какого-то инструмента и присоединялся к рою звуков, летающих вокруг консерватории. Он зашёл и стал открывать дверь за дверью. Чужие лица недружелюбно отвлекались на его «извините». В конце коридора из большого класса доносился громкий разговор. Чарли прислушался. Это была быстрая русская речь, звучал густой мужской голос. Чарли осторожно приоткрыл дверь и в образовавшуюся щель сразу увидел Валери, ярко освещённую, сидящую за роялем. Она полными восторга глазами, приоткрыв рот в улыбке, готовый вот-вот перерасти в смех, смотрела на говорившего. Чарли расширил щель и увидел, как черноволосый, слишком кудрявый парень, активно жестикулируя и облизывая губы, что-то рассказывал, направляя на Валери всё своё старание.

Чарли почувствовал, что у него во рту стало горячо и сухо. Кудрявый, выпучив губу, по-актёрски произнёс какую-то фразу, и раздался смех. По этому смеху стало ясно, что в помещении находился ещё кто-то. Он полностью открыл дверь и посмотрел на двух студенток, устроившихся на столе. Одну из них он уже видел – это была певица, с которой Валери давала концерты, другую он не знал. Теперь его увидели все. Все, кроме Валери. Во-первых, она была близорука, во-вторых, ослеплена лампой, под которой сидела. Смех оборвался. Валери напряжённо сощурилась.

- Хэлло, сказал Чарли и не узнал собственного голоса.
- Чарли! воскликнула Валери. Она сорвалась с места и потащила его к своим собеседникам.
- Это Борис, многообещающий бас, Валери показала на кудрявого, он только три дня назад приехал с Ольгой, она показала на новенькую, а это Анжела, ты её уже слышал.

Чарли отвесил всем маленькие поклоны и протянул руку замешкавшимся русским. Чарли почувствовал себя причиной наступившей натянутости. Борис что-то спросил по-русски у Валери, на что она пожала плечами. Почему-то три дня назад приехавший бас взял на себя ответственность за положение и, поскольку он не говорил ни на каком другом языке, кроме русского, он просто достал бутылку водки из-за спины Ольги, налил в пластмассовый стаканчик до половины и протянул его Чарли. Валери сжалась и узкими глазами посмотрела на Чарли. Он выпил всё сразу без промедления. Одобрительные возгласы не заставили себя ждать. Непринуждённость, ради которой Чарли разыграл из себя того, кого они хотели видеть, восстановилась. Как-то быстро начался разговор. Поскольку в классе было только два стула, сели прямо на пол. Борис обязательно хотел говорить с Чарли, для этого он просил Анжелу переводить, потому что «она уже давно в Париже и знает французский в совершенстве». Она действительно говорила лучше, чем Валери. Первое время Анжела охотно переводила, затем переводы становились всё более «невозможными» и, наконец, прекратились вовсе. Чарли даже обрадовался, что ему больше не надо выслушивать про весь жизненный путь многообещающего баса. Он подпёр голову руками и слушал звучание русской речи. Он впервые слышал, как Валери легко и быстро, не подбирая слов, говорит длинные фразы, совсем не размахивая руками. «Даже голос другой», – думал Чарли. Он старался угадать, о чём они могли беседовать. Почему Борис постоянно колотит себя в грудь, почему раздаётся взрыв смеха, если они только что с печальными лицами о чём-то тихо говорили, почему они так много пьют... Чарли больше не пил. Это делала за него Валери, она опустошала его стаканчик, если заболтавшийся Борис не успевал подливать ей. Сначала Чарли хотел её остановить, но потом передумал. Ему захотелось увидеть, чем всё это закончится. Он хотел, чтобы ей было плохо на следующее утро, очень плохо... Если бы Валери хоть раз на него взглянула, то не увидела бы ни намёка на улыбку на его лице; она бы заметила, как грустно он следит за тем, как они, становясь всё громче, погружаются в какую-то лужу, думая при этом, вероятно, что возносятся.

– Откроем новый источник вдохновения, – говорил Борис, откупоривая очередную бутылку, – переведи... – обращался он к Анжеле, и она, напрягая глаза, вкладывала большой смысл в эти слова и зачем-то специально для Чарли говорила громче, как для глухого.

С каждым опорожнённым «источником» в аудитории становилось всё более душно.

- Который час? вдруг спросила Валери.
- Пятнадцать минут десятого.
- Всё! Уходим! скомандовала она, и всё мгновенно выключилось.

Компания зашевелилась. Чарли приготовился насладиться тем, как встанет

Валери, и пообещал себе не помогать ей. По его подсчётам Валери выпила больше всех. Молчаливая Ольга помогла встать Борису, Анжела быстро собрала стаканчики, а Валери, не прицеливаясь, бросила их в мусорное ведро, стоящее у двери, и попала. Пока Чарли, оглянувшись, прикидывал, сколько метров пролетели стаканчики, он пропустил то, чего так ждал. Валери уже стояла у рояля и собирала ноты.

По дороге Валери и Чарли не говорили ни слова.

Дома Валери села на вращающийся стул, облокотилась на письменный стол и уткнулась подбородком в ладонь. Чарли принёс из кухни чай и поставил перед ней чашку с белыми облаками пара. Он занял своё место в кресле и надеялся, что она всё же на него посмотрит и хоть что-нибудь скажет. Но ему предстояло поразиться перемене, происшедшей в ней. Её почти белые невидящие глаза были направлены куда-то за его спину. Перед ним было странное лицо. На этот раз неживое и опустошённое.

- О чём вы говорили? - спросил Чарли.

Она ответила не сразу.

– Да-а... о дерьме всяком...

Помолчали.

- Сколько лет ты не была в России?
- О-о... Валери наморщила лоб, одиннадцать.

Чарли помолчал.

- Валери, есть ли у тебя тоска по Родине?
- Нет. Нет у меня никакой тоски... два белёсых глаза уставились на него, тоска, это когда что-то любишь, а я не могу это любить...
 - Так не бывает.
- Да? Не бывает?! А скажи, бывает так, чтоб человек... Вот моя мама всю жизнь учительницей работала, а без денег Томаса ей не прожить на пенсию... А с дедушками что было? Даже не хочу думать об этом... Могу я всё это любить? Так что я очень довольна, что я здесь... она кивнула пару раз сама себе, чтобы ни у кого не осталось сомнений в её честности, очень хорошо, что я здесь...

Чарли грел руки, обхватив чашку чая. Он смотрел на колеблющуюся поверхность ароматного напитка, не поднимая глаз.

Валери не обратила внимания ни на то, что это чашка, ни на её температуру и отхлебнула.

– Что ты мне подсунул?! – она сморщилась, – а ладно, какая разница...

Чарли поднатужился и улыбнулся.

- Ты слишком много выпила... Зачем?

Она тоже улыбнулась замученной улыбкой.

- В водке спрятана истина...
- В вине...
- А-а... в водке тогда её ещё больше...

Утром Валери встала к завтраку.

– Не спится... – объяснила она.

Чарли обрадовался.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он очень сладко.

Она удивлённо на него посмотрела.

- В день концерта я всегда себя чувствую плохо.
- Какого концерта? Настал его черёд удивиться.
- Сегодня у нас частный концерт за большие деньги. Если хочешь, пошли с нами. Будет еда в «Le Grand Cafe». Анжела тоже кого-то приведёт.
 - Я не пойду.
 - Ну и не надо, Валери налила себе чаю, горячий... Scheiße!
 - У тебя не болит голова? спросил Чарли осторожно.
 - Нет. Не приставай.

Она вышла из кухни.

Чарли должен был узнать ещё одну Валери. Валери в день концерта. Неприветливую и даже грубую.

- Чарли, где моё платье? - спросил резкий голос, - почему ты всё от меня прячешь? Ах, вот оно! Опять в шкафу. Зачем? Оно же не мнётся!

Он видел, как Валери начала собираться.

- Валери, чай...
- Отстань от меня со своим чаем!

Самым правильным было сейчас – не замечать её, что Чарли и сделал. Он подошёл к окну. Серые облака без единого солнечного проблеска. Как будто бы художник забыл развести краску и выдавил прямо из тюбика однородную массу одинакового серого цвета. А про солнце вообще забыл.

 У тебя не найдётся франков шестьдесят на такси? – спросила Валери, – на случай, если заплатят не сразу...

Чарли протянул деньги.

- Я пошла, - она стояла перед ним в джинсах, в свитере и кроссовках. Концертная «форма» была в сумке и ждала своего часа. Макияжа тоже не было, - я иду раньше, мне надо ещё кое-что выучить наизусть.

Чарли ядовито улыбнулся и склонил голову набок.

- Я очень волнуюсь. Анжела не принесла мне вчера ноты, мне придётся читать с листа. Это Scheiße...
 - М-м...
- Ну что ты так смотришь?! Молчание Чарли выводило её из себя. Ты что думаешь, мне нравится играть этим баловням судьбы, которые становятся сзади и отрыгивают шампанским, пока я играю?!
 - Я ничего не думаю...
 - Вот именно!

Валери хотелось ещё покричать и поругаться, но спокойствие Чарли обезоруживало её.

– Дерьмовая профессия... – сказала она, задыхаясь, – почему я не парикмахерша?.. Всё, пошла ... не жди, у меня есть ключ.

Чарли вздохнул облегчённо, когда за ней закрылась дверь. Он хвалил себя мысленно за то, что ему хватило сил сдержаться и не ответить на её раздражительность.

Как-то так получилось, что он очутился перед зеркалом в прихожей.

Баловень судьбы! – сказал он своему отражению.

Чарли стучал по клавиатуре компьютера. Часто останавливался и тёр лоб. Убирал только что написанное, и снова пальцы нащупывали кнопки. Он перечитывал и делал исправления. «...Это те закономерные процессы, на которые можно положиться...», «...это те процессы, на которые можно было бы положиться...», «...можно было бы...», «ни на один закономерный процесс нельзя положиться...».

– Какой бред! – сказал он вслух и снял очки.

Чарли посмотрел на часы на телевизоре. Девять. «Наверно, Валери сейчас играет. Пусть», – подумал он и взял телефонную трубку.

- Мам
- Чарлз! радостный голос миссис Ворсли приветствовал Чарли, я не могу дождаться, чтобы тебя увидеть!
 - Да-а... Мам, я не приеду в Лондон к Рождеству.
 - Как? Ты не приедешь к тёте Роуз?
 - Нет...
 - Роуз очень огорчится.
 - Я ей позвоню.
- Чарлз! Тебя может ждать сейчас много формальностей... Чарлз, миссис Ворсли насторожилась, что ты решил?
 - Ничего не решил.
- Что тут решать! миссис Ворсли переборола своё возмущение и сказала совсем другим тоном, это выглядит очень странно, но я могу тебя понять...

Они долго молчали.

- Мы не виделись больше, чем полгода... миссис Ворсли начала говорить очень осторожно, когда же ты приедешь?
 - Я не знаю...
 - Чарлз, ты здоров?
 - Да.
- Понимаю, что я не лучшая мать на свете, но я переживаю. Чарлз, у тебя всё в порядке?

Чарли усмехнулся.

- У меня всё в порядке и ты лучшая мама на свете. Мы скоро увидимся.
- Чарлз, ты не хочешь с ним поговорить?
- Зачем?
- Я не знаю...

Миссис Ворсли ещё долго задумчиво смотрела на телефон после того, как положила трубку. Первый раз за столько лет Чарли не приедет на Рождество к её сестре. С другой стороны, её успокаивала мысль, что он не отказывается наотрез от Ворслимэнора. Есть надежда, что исполнится её мечта. Пару лет назад он ни за что бы не согласился даже говорить об этом, а теперь, значит, повзрослел. Миссис Ворсли старалась быть довольной.

Чарли написал две поздравительные открытки — одну для тёти Роуз, другую для миссис Ворсли. Подумал пару секунд и вложил внутрь открытки для мамы фотографию, сделанную месье Доре в саду. Фотография получилась очень удачной с художественной точки зрения. Свет косых лучей солнца выгодно освещал

лица, костёр, часть которого была видна в правом углу фотографии, смягчал тени. Если бы какой-нибудь фотограф специально захотел добиться такого эффекта, ему пришлось бы перевести кадров триста. Валери, правда, была недовольна. «Хоть бы кто-нибудь поправил мне волосы! — сказала она, когда увидела себя, — кошмар какой!». Чарли запечатал конверт, заложил руки за голову, откинулся на стуле и потянулся.

Поиграть свою программу и заработать при этом – так делали многие студенты и были этому рады. Три-четыре дня подряд повторялось одно и то же. Валери и Анжела сопровождали своим искусством весёлые празднества. А после концерта, разделив деньги пополам, шли ночными улицами (если, конечно, очередной приятель Анжелы не развозил их по домам) и громко говорили. Напряжение, сопутствующее любому выступлению, было позади. Было просто необходимо посмеяться над тем, как не там была перевернута страница, как Валери пришлось сыграть два раза один и тот же такт, пока страница вернулась назад, а Анжела задыхалась на длинной ноте, ожидая нужного аккорда. Как Валери должна была в два раза быстрее доиграть пассаж, потому что Анжела сократила, непонятно почему, фразу. Они удивлялись, почему там, где они и не думали, было столько аплодисментов, а там, где было действительно хорошо, им недоставало доказательств признания. Анжела всегда сортировала новые знакомства. К этому у неё был особый талант. «Этот будет нужен, этот не нужен, этот тоже не нужен, но для души можно его оставить...». Затем, обняв Анжелу, Валери говорила ей, что она – лучшее в мире сопрано, а Анжела соответственно убеждала, что Валери – лучший в мире концертмейстер. И они расставались.

- Ах, да... после какого-то концерта сказала Анжела, я нашла халтуру для Бориса, поиграешь ему?
 - О-о... Не знаю...
 - Не сейчас, в январе.
 - Ну ладно.

Когда Валери приходила, Чарли уже спал или делал вид, что спит. Утром его могло не быть дома, что совсем не беспокоило Валери. Она приводила себя в порядок для вечера и, если он и был дома, то она его не замечала.

Ощущается пагубное влияние этих дурацких концертов на качестве твоей игры!

Ренард был очень недоволен. Валери сидела за роялем и выслушивала прохаживающегося из угла в угол профессора. Она не переживала так, как он.

- Посмотри, у тебя пропала артикуляция в этих местах, он подошёл к ней с нотами и указал пальцем, – так оставлять нельзя... О чём ты думаешь? Экзамен через месяц!
 - Я знаю, я сделаю...
- Это я уже слышал. Ты не накапливаешь мастерство, а тратишь! Скажи, пожалуйста, ты гаммы играешь?

Валери подняла брови.

 Да-да, в медленном темпе, гаммы и арпеджио! – Ренард подкреплял свои слова ритмичным движением руки.

- Нет, так только Анна может...
- Да, она знает, что делает. И добъётся успеха. И мне будет очень обидно, что не ты. Да, кстати, Ренард полистал ноты. Вот! Это играет Анна!
- Да, Ренард говорил уже спокойно, хочу спросить, как бы ты здесь считала эту синкопу: на два или на три?

Валери ненадолго углубилась в ноты.

- А зачем здесь считать? Здесь играть надо, а не считать...
- Вот, профессор одобрительно закачал головой, Валери, мне не всё равно, что с тобой будет, сказал он мягко и тут же громко спросил, когда ты будешь заниматься?
 - Завтра последняя халтура, и я начинаю...

Ренард втянул в себя воздух и с грозным лицом вернул ей ноты, тем самым давая понять, что урок закончен.

Валери невозмутимо улыбнулась и попрощалась. Она знала, что Ренард её очень ценит, а Ренард знал, что за день до экзамена всё будет в порядке.

Запах пирога окутал Валери, когда она вошла на кухню к Чарли. Морозный день, неудачное занятие у профессора, три прошедших дня с вечерними концертами вдруг слились в одну большую усталось. Она опустилась на стул.

Возле плиты, опершись на рабочий стол, стоял Чарли, скрестив ноги, сунув руки в карманы, совсем не улыбаясь, он спокойно смотрел на Валери.

- Ты умеешь печь?.. тихо спросила она.
- Для редкого гостя...

Она почувствовала упрёк. Ей было так хорошо на этой кухне: тепло, чисто, прибрано. От Чарли веяло уютом и надёжностью. «Неужели я сейчас уйду? – подумала она. – Что я делаю?». – Валери сама удивилась, что направляется к двери. Чарли быстро и легко преградил ей дорогу.

- Ты никуда не уйдёшь...– он сжал её в объятьях.
- Я и не думаю...
- ... Fo-o-ollie, fo-o-ollie!.. прекрасно спела Анжела, и её удавшиеся колоратуры отзвенели в воздухе. Шквал аплодисментов смыл последние обертоны и не дал Валери доиграть аккорды. Это был уже третий «бис». Краснощёкая публика в салоне одного гостеприимного и очень преуспевающего предпринимателя не отпускала двух молодых музыкантш.
- Ну что делаем?.. тихо спросила Валери у Анжелы. Распрямившись из поклона, сияющая Анжела показала жестом – поём дальше.

Валери села к роялю и сыграла первые ноты «Сна» Рахманинова. Печаль этого романса, заплетённая в музыку, всегда однозначно действовала на публику. Первые выстрелы аплодисментов влекли за собой целую канонаду.

Ни подвыпившие гости, ни исполнительницы после таких оваций не могли бы расстаться.

– Bononcini...– сказала Валери Анжеле, надеясь пасторальными красками старинных итальянских арий приблизить вечер к концу.

Чарли, сидя в своём кресле, обложился книгами и читал с карандашом в руках. Увеличенные глаза за очками исправно проглаживали строчки слева направо. Иногда маленький карандашик нарушал ритмичный ход глаз и рисовал линии и палочки на полях, тогда и руки начинали листать страницы назад, тогда и глаза поверх очков быстро взлетали к зелёным молчаливым цифрам.

Наконец, Чарли заметил, что читает пять раз одно и то же предложение. Около двенадцати он перебрался к столу и позвонил Роуз. Тётя совсем не удивилась и не расстроилась, что Чарли не приедет к Рождеству, затем они говорили о банках, о страховых компаниях, о том, что было бы целесообразно предпринять в следующем году.

 Чарзл, сейчас я очень хорошо могу представить тебя в Ворслимэноре, – неожиданно сказала Роуз.

Чарли шумно вздохнул.

 Не хочу тебя уговаривать, – продолжила Роуз, – просто представила это себе.

И, немного помолчав, язвительно спросила:

- A что ты будешь делать, если мне вдруг не захочется выплачивать тебе гонорары?
- Ничего... Одна талантливая пианистка обеспечит моё существование, так же язвительно ответил Чарли.

Роуз засмеялась.

- Чарзл, ты засиделся в Париже...

После разговора он долго ещё о чём-то думал. Карандашик выполнял роль стрелки. Чарли раскручивал его на гладкой поверхности стола и ждал, пока тот остановится, поворачивал его на следующую грань и опять раскручивал. Наконец бросил его и сунул руки в карманы. Какое-то время он следил за зелёными цифрами, затем отправился на кухню.

Вода зашипела. Чарли включил электрочайник и заметил, что стоит в небольшой луже. Он сел на корточки и увидел, как последние капли торопились упасть на пол с неисправного слива. «Надо сказать Терез», – подумал он и подставил под сток ведро.

– Фантастично! Превосходно! – пританцовывающий устроитель вечера прощался в фойе своего дома с Валери и Анжелой, – но почему вы не остаётесь? Вы украсили бы наш вечер! Может, передумаете?!

Он вручил Анжеле конверт с материальным выражением восторга.

– Я немного добавил...

Сидя в такси, Анжела распотрошила конверт.

– А-а-а... Ничего себе «немного добавил»! – запищала она. – Валери! Ёлки зелёные! Дура я, что не осталась! На, считай!

Она отдала Валери конверт с деньгами, а сама стала что-то искать в сумке.

- Где же его телефон?.. Ёлки зелёные! Вот! Слава Богу! она поднесла к свету визитку.
 - Десять тысяч франков! С ума сойти! ликовала Валери.
 - Завтра я ему позвоню!

- Зачем он тебе нужен? Ты говорила, у него руки трясутся...
- Ну, не ноги же...
- Чарли, что ты там делаешь? в замечательном настроении Валери показалась у входа в кухню.
- Здесь мокро, не заходи... Чарли только что вытер лужу, бросил тряпку и принялся мыть руки, слив протекает...
 - Угадай, сколько нам сегодня заплатили!
 - Не хочу, он приблизился к ней.
 - Пожалуйста...
 - Не хочу... Чарли обнял её и стал стягивать немнущееся платье.
- Отстань, я так не могу... отстань... ну, подожди... дай хоть перестроиться, ненормальный Чарли...
- Я получила твоё поздравление, миссис Ворсли разбудила Чарли своим звонком, хотя было уже довольно поздно. Она сидела в кресле, нога на ногу, в руках у неё была фотография. Она покачивала носком туфли и продолжала, столько счастья на лице я никогда не видела...
 - В жизни она лучше...
 - Чарлз, я говорю о тебе...

Пауза.

- Чарлз, ты здесь?
- Да.
- Ты ещё ничего не подписал?..
- Нет.
- Да, я хочу тебе кое-что сказать, миссис Ворсли говорила, улыбаясь «чарлиной» улыбкой, ты не думаешь, что тебе надо всё-таки приехать? Он просто не умеет иначе... Чарлз!
 - Я здесь...
 - Не хочу тебе ничего диктовать...

Пауза.

- У него был врач, Чарлз.
- Зачем?
- Он жалуется на печень.
- Надо изменить своё питание.
- Чарлз, я хочу, чтобы ты подумал. Целую, бай.
- Бай...

Чарли сделал по комнате два-три круга и сел на пол, опершись спиной о кровать.

Валери... – тихо позвал он.

Ответа не было.

- Валери... сказал он громче.
- Не буди меня... пожалуйста... жалобный голос пробился из-под одеяла.

Рука вылезла на поверхность, обеспечивая окошечко для воздуха. Чарли пристроил этот волшебный инструмент у себя на колене и обратился к отдыхающим пальцам.

- Ну, что скажете?..

Ворслимэнор представился ему не как воспоминание, плавающее в облаках, а как существующая реальность, называемая недвижимостью, имеющая стоимость. Множество бумаг доказывали это. Он, Чарлз Ричард Ворсли, может называться владельцем. На него будет что-то возлагаться, он будет обязан... в чём распишется в присутствии...

Быть чему-то обязанным казалось ему не так страшно, как он себе это представлял раньше. Он вспоминал отца, когда тот, нахмурив брови, объяснял ему, как он обязан с ним разговаривать, как обязан поступать, о чём обязан думать. «Никому нельзя доверять, всё надо делать и проверять самому! Ты слышал, что я тебе сейчас объяснял?».

Чарли даже не прислушивался.

Он не мог забыть, как трудно ему было уснуть, если в тот день отец устраивал блокаду молчания, пока сын не сделает правильные выводы. Тогда, в одиннадцать-двенадцать лет, Чарли не задумывался, почему у него гораздо больше обязанностей, чем у его сверстников, почему его желания никогда не должны исполняться; почему, занимаясь любимым рисованием, он не мог избавиться от чувства, будто совершает преступление, и при всём этом он не должен забывать, кто он. Он знал, что это данность, с которой ему надо жить, и всё. «Когда-нибудь он будет благодарен отцу за то, что он делает для него...». Всё шло по этой колее, пока Чарли не узнал через два-три года, что есть и другая жизнь, другие отношения между отцами и детьми. Любой попытке приобщиться к этой жизни препятствовали длинные мучительные разговоры с отцом, полные запретов, угроз и объяснением ситуаций, где он может оказаться, пренебрегая наставлениями, и, наконец, бесконечными напоминаниями о том, кто он есть. Самым тяжёлым временем оказывались каникулы и путешествия, когда, ожидая отдыха и свободы, Чарли наталкивался на подавление любого своего желания.

Однажды он услышал громкий разговор из малой столовой, находящейся на втором этаже. Чарли стоял этажом выше, опершись о холодный мрамор перил симметричной лестницы. Не слышать было невозможно. Дверь столовой была открыта, и пустота лестничных переплетений усиливала звуки с большим акустическим мастерством.

- Я сразу увидел, с ним что-то не то, с детства, говорил мистер Ворсли, почему он никогда ничего не слышал с первого раза, почему постоянно вымазывал лицо чёрной краской, почему всё время смотрел куда-то вверх. До сих пор в облаках витает.
- Самюэл, в пятнадцать лет все витают в облаках, безразличным тоном ответила миссис Ворсли.
- Он разорит всё, когда меня не станет, уничтожит всё, что я с таким трудом восстановил. Я поднял Ворслимэнор из руин, для этого чем-то пожертвовал. Зачем? Ради чего?! Чтобы какой-то мечтатель, который сегодня рисует, завтра стихи пишет, пустил всё по миру. Здесь нужен хозяин, настоящий хозяин. Мой сын ничего не умеет и не хочет уметь. Абсурд! Я ничего своего не вижу в нём! Как он мог угробить лодку? Налететь на камни, где на колометры нет ни одного препятствия! И он находит одно-единственное! Хорошо хоть доплыл... Хотя... Я давно хочу спросить тебя, как могло случиться, что он остался единственным?

Мрамор намок под пальцами Чарли. Он смотрел на полоску света, падающую на ступени, и переодически мелькающую тень отца.

– Как только это могло случиться?

После долгой паузы миссис Ворсли сказала холодным голосом:

– Ты сам себе уже ответил. Ты чем-то пожертвовал... Но мне всё-таки не ясно, чем же ты пожертвовал... Неужели ты любил кого-то другого? Я бы обрадовалась, если б узнала, что ты мог вообще кого-то любить! Ничего, кроме спасения серых булыжников, тебе не дорого... Скажи, могла я захотеть предоставить тебе лучший вариант твоего преемника?! Ты что, не понимаешь, что Чарлз налетел на эти камни специально?..

Тишина загудела в ушах Чарли. Он смотрел вниз, в колодец, образованный ступенями.

– И этого он не умеет...

Чарли наклонялся вперёд. Всё больше и больше. Он ждал, когда верхняя часть туловища перевесит нижнюю и ничего в его жизни больше не останется, кроме нескольких метров полёта.

- Как только я могла проглядеть в тебе такое чудовище...

Подошвы Чарли оторвались от пола, и влажные руки начали безудержное скольжение. Когда кровь прилила к голове и страх не в силах был уже помочь выжить, чьи-то руки выхватили его из чаши весов, наклонившихся в сторону смерти. Это был Роджер. Он всё это время волей случая находился позади Чарли и точно так же, как Чарли, оцепенел, подслушав этот разговор. Чарли понял, что жизнь будет продолжаться, ватные ноги ощутили пол, и он припал к громко бьющемуся сердцу Рождера.

- Мальчик мой... сказал Роджер, прижимая его к себе что было сил.
- Что ты делаешь с моими пальцами?

Чарли повернул голову и увидел бодрые глаза Валери, неизвестно сколько времени за ним наблюдавшие.

- Скажи лучше, когда 24-ое декабря?
- Сегодня.
- O-о... Значит, сегодня... пойдёшь со мной к мадам Доре?
- M-м... Чарли уткнулся в её ладонь.

Сизые призраки растворялись над головой месье Доре, когда он, вытаскивая сигару изо рта, подпевал мадам Доре. Она пела по-домашнему, аккомпанируя сама себе на гитаре. Месье Доре кивал, если слова, оживлённые мелодией, были списаны с его души.

Они были в той части комнаты, в которой стояли кресла вокруг маленького столика, где спорили месье Доре и Чарли в первый вечер своего знакомства. Мадам Доре расположилась напротив месье Доре, Чарли сидел так, что видел их сбоку, а напротив него стояло пустое кресло, куда сядет Валери, когда закончит собирать тарелки со стола.

– Валери, бросьте эти глупости! – сказала ей мадам Доре, едва допев последнюю ноту, и, обращаясь к Чарли, добавила, – непослушная... И как вы только с ней справляетесь?

- Я учился этому. Последовательность и терпение приводят к успеху.
- И получается?
- Нет.

Мадам Доре засмеялась и провела рукой по струнам. Новую песню она начала низким голосом. Редкими аккордами сопровождала неторопливые фразы. Валери подошла к ним и села на подлокотник к месье Доре. Он похлопал по колену свою «детку».

- Занимаешься? - тихо спросил месье Доре, хитро прищурившись.

Валери кивнула.

– Врёшь?

Валери кивнула.

Он опять выпустил облако сизых призраков.

Звучание голоса мадам Доре было похоже на выцветшую фреску: яркость и сила красок угасли, но форма и выражение говорили — здесь шедевр. Чарли видел лицо мадам Доре, повёрнутое к нему в три четверти оборота, её брови, сложившиеся под смысл слов, и взгляд, как меч, воткнутый в пол. Месье Доре что-то тихо говорил Валери. Она слушала его, пригнувшись, и смотрела на жестикулирующую руку старого пианиста.

В дыму ли, в звуках ли витала фея, которая потихоньку проникала во всё существо Чарли и пропитывала миллиметр за миллиметром своим эликсиром. Она нашла в его душе много лет сидевшую занозу и потихоньку расшатывала её, причиняя последнюю боль перед избавлением.

- Только когда сам перестал играть, я начал по-настоящему слышать музыку. И понимать всё, что она творит. Именно в музыке грех перестаёт быть грехом, слышались тихие реплики месье Доре, который, стараясь не мешать мадам Доре петь, не отказывал себе в удовольствии пофилософствовать, мы все состочим из греха. Но грех, выраженный словами, остаётся грехом, а музыкой становится божеством...
- Хорошо, что тебя никто не слушает, старый грешник... отвлеклась от пения мадам Доре и рассмеялась.
- Прощение... месье Доре продолжал, не смутившись, в музыке скрыто прощение...

«Надо всё-таки к нему поехать, – почему-то вдруг подумал Чарли, – поговорить, попытаться хотя бы».

- Ты совсем не пьёшь сегодня? - заметил месье Доре Чарли.

Очень поздно вечером начались долгие прощания. Валери ещё что-то договаривала мадам Доре, помогая себе рукой (мадам Доре не говорила по-английски, а по-французски Валери не могла говорить без участия рук).

- Я всё равно считаю Вагнера сумасшедшим... Как можно восемь часов подряд мучить людей своей музыкой! Но за последние пять минут счастья прощаю ему всё... жарко доказывала Валери.
- Валери, вы ещё ребёнок, он не мучил вас восемь часов, а подводил к этим последним пяти минутам... Чтобы вы их поняли...
- Да что там понимать?.. И так всё ясно, как только это тремоло в басах начинается...

- Ах, Валери, ну идите же...
- Я вас обожаю, мадам Доре, Валери повисла у неё на шее.

Чарли терпеливо ждал.

- Я вас тоже, моя Валери, идите же...
- Мадам Доре...
- Я желаю вам счастья. Идите же, Валери...

Все обнимались и желали друг другу столько счастья, что воплотись это в жизнь, не было бы ни одного печального дня больше.

Оставшись одни на обочине улицы, Валери и Чарли ожидали такси.

- Знаешь, месье Доре даёт нам машину послезавтра. Поехали к морю!
- К морю? Зимой?
- Море летом это банально и дорого... Ну, пожалуйста...

Капризный ребенок требовал своего.

– Знаешь, – начал Чарли, – мы можем придумать что-нибудь поинтереснее, к примеру... Валери, я хочу тебе кое-что сказать...

Чарли развернул её к себе лицом. Он задержал дыхание, обдумывая, как начать.

– Ты, собственно говоря, миллионер и хочешь увезти меня на Карибику, где моря потеплее сейчас! – воспользовалась паузой Валери, сама сочинила речь и посмеялась, – ну ладно, что ты хотел мне сказать?

Чарли выдохнул.

- Твой французский так же плох, как и был... Хорошо. К морю. Не в Сибирь всё-таки...
- Я здесь однажды на органе играла... Они проходили мимо католического собора.
 - Ты и на органе играешь?
 - В общем-то нет, но за большие деньги...

Чарли усмехнулся.

- Зайдём! сказал он.
- Зачем?
- Валери, Рождество...

Он повёл её по ступеням вверх.

Валери искоса посмотрела, как Чарли перекрестился, разбросав капельки святой воды, и как-то уж очень смиренно вошёл под самые купола.

- Эй, прошептала ему Валери, ты что это делаешь?..
- Тш-ш... нехристь...

Валери подавила усмешку. В соборе было много людей, сесть было негде. Они встали с правой стороны у колонны.

Пастор завершал службу, поблёскивая очками. Валери принялась изучать витражи. Она следила за тем, как быстро менялся жёлтый цвет, когда солнечный свет ослабевает, а красный – нет.

Она хотела что-то сказать Чарли, но сдержалась. Он стоял с закрытыми глазами, чуть опустив голову.

«Неужели молится?» – подумала Валери.

Вразрез со службой он был погружён в собственную молитву.

— Мы приступаем к обряду бракосочетания одной молодой пары, которая именно сегодняшний день избрала для одного из самых важных моментов своей жизни... — пастор выполнял свою работу дальше.

Валери вытянула голову и увидела, как жених и невеста вышли вперёд.

Круглолицая пышка выглядывала из белых кружев.

– Опять толстая...– нечаянно вслух проговорила Валери.

Она хотела увидеть, как выглядит жених, но он постоянно отвлекался, давал какие-то распоряжения и всё время вертел головой. Наконец он сел, и Валери могла видеть только его спину.

- Пошли?.. спросил спустившийся с небес Чарли.
- Подожди, давай посмотрим...

Чарли безразлично уставился на свадьбу.

- Вступление в брак...- нудно говорил пастор.
- Валери... позвал Чарли, не глядя на неё.
- M-M?
- Выходи за меня замуж...
- Хорошо... ответила она так же просто, как он предложил.
- Когда?
- Сейчас.

Он повернулся к ней.

- Я серьёзно.
- Серьёзно я уже была замужем, теперь хочу по-настоящему.

Валери увлекла его за колонну, где их никто не мог видеть.

Вот смотри, мы сейчас поженимся...

Чарли вздохнул.

- Теперь слушай...
- Если есть обстоятельства, продолжал пастор, которые препятствуют бракосочетанию, прошу...
 - Это тоже не по-настоящему, возразил Чарли.
- Это там не по-настоящему, а здесь по-настоящему... Тш-ш... вот он уже спрашивает...

Чарли наклонил голову набок и смотрел на Валери, как смотрят взрослые на детей, когда те кого-то из себя изображают.

- В таком случае прошу жениха ответить...
- Имена не те... не унимался Чарли.
- А вопрос тот...
- ...взять в жены, то прошу ответить «да» разнёсся в тишине голос пастора.
 Валери напряжённо ждала.
- Да, я хочу... ответил Чарли, только чтоб Валери отстала.
- А теперь я спрашиваю невесту...
- Да, ответила Валери без всякой игры.

Пока пастор предлагал молодожёнам обменяться кольцами, Чарли смотрел в детские глаза своей «жены» и постепенно понимал, что более настоящей свадь-

бы у них быть не может. Воздух за спиной у Валери окрасился в жёлтый цвет, мозаичные стёклышки исправно отреагировали на усилившийся вдруг солнечный свет. Сверкающее золото окутало их, как чьё-то благословление. И поцелуй был настоящий, который случайно пришёлся как раз после разрешения пастора на первый супружеский поцелуй. Правда, слишком долгий...

Когда Чарли проснулся, Валери уже не было рядом. На полу лежала огромная записка: «Собирайся, послезавтра — это сегодня». Он усмехнулся и подошёл к телефону. Позвонил миссис Ворсли и сказал, что пару дней будет отсутствовать, заодно пожелал счастливого Нового года. Он уже попрощался и перед тем, как положить трубку спросил: «Как он?».

- Ему неважно, Чарлз, он болен...
- Он когда-нибудь говорит обо мне?
- Нет, Чарлз...
- Ну и ладно. Бай. А, мам... я, наверное, приеду скоро, после Нового года... В Ворслимэнор...

Чарли положил трубку и мягко упал на руки начиная свои шестьдесят отжиманий

- О-го как прилично ты тоже можешь выглядеть... так приветствовала Валери Чарли, когда он бросил дорожную сумку в багажник белого «Ситроэна», припаркованного ею к самому подъезду серого дома. Чарли был в длинном пальто хорошего качества.
- Там, я думаю, будет очень холодно, объяснил он и поискал карманы в пальто, чтобы туда можно было засунуть руки.
- Ну, что стоишь? Поехали! энергичная и подвижная, с волосами, собранными на затылке, с очками на носу Валери протянула ему ключи.

Чарли поднял плечи, не вытаскивая из карманов руки.

- У меня нет водительских прав...
- О-о... Валери не ожидала такого, а водить ты умеешь?
- Не пробовал...
- O-о... ну ладно, у меня хотя бы права есть... Поехали...

Довольно радостно она вернулась на место водителя и подождала, пока Чарли пристегнётся. Она старательно, много раз поправляя себя, развернула машину и выехала на улицу.

- Что это у тебя? спросила она его, заметив краем глаза, что Чарли что-то вытащил из внутреннего кармана пальто.
 - Карта.
 - Это хорошо. Ах да, мы не решили, куда едем?
- В одно местечко недалеко от Сан-Тропе, Чарли вытащил лист, на котором был расписан путь.
 - Я слышала об этом много, там должно быть хорошо...
 - А как ехать туда, знаешь?
 - Нет... я думала, ты знаешь...

Чарли покачал головой и надел очки.

– Первое направление – Дижон, – сообщил он.

Валери быстро перестроилась налево, и тут же сзади раздались звук тормозов и резкий сигнал. Чарли оглянулся, чтобы удостовериться – ничего не случилось.

- Может, поедем поездом? спокойно спросил он её.
- Нет, зачем?..
- Ну ладно, Чарли вздохнул, пристегнись, пожалуйста.
- Совсем не холодно, сказала Валери, тесно прижимаясь к Чарли.

Начинало темнеть. Уже не так хорошо было видно, как целая армия маленьких камешков торопилась за волной в глубину. Слышалось, как волны гулко ударялись о берег и откатывались с шипением назад.

Они сидели на серых валунах и следили за отливом. В Чарли пряталась радость. На это было много оснований: он был у моря. Он любил видеть край огромного великана и ощущал его величие, особенно зимой, когда между холодными волнами и тобой непроизвольно вырастала дистанция, нарушить которую решится не каждый. Он был очень рад, что они всё-таки благополучно доехали, правда, один раз ему пришлось поймать свои очки, когда Валери резко затормозила, в самый последний момент передумав сделать обгон, только из-за того, что ей на колени упал бутерброд. Как пронёсся слева жёлтый «Феррари», она даже не заметила. Чарли понадобился час, чтобы понять: за её манерой езды лучше не следить. Он старался думать о чём-то другом, и на ум не пришло ничего более подходящего, чем безрезультатная погоня за крысой, которую затеяли студенты в одной столовой – хитрющая тварь всех обдурила и сбежала. Итак, Чарли убедился, что от катастроф Валери спасали случайности. Она редко смотрела налево и назад, её цель была впереди, вот туда она и ехала. Чарли даже удивился – они прибыли раньше, чем он предполагал. И, наконец, самая большая радость – кроме неё, его и этих волн на всём свете теперь не существовало ничего. Он был благодарен пронизывающему ветру, который подталкивал Валери так близко к нему, что при очередном порыве её волосы скользили по его лицу. Она вся, полностью, принадлежала только ему. Неприятный осадок дней, когда Валери была занята своими «концертиками», смыли шипящие волны.

- Знаешь, я помню, как мама первый раз окунула меня в море, начала рассказывать Валери, она держала меня на руках и стояла в воде, было по колено. Она хотела опустить меня вниз, а я так испугалась! И крикнула на весь пляж: «Мама, ты утопишь меня!». Ага, все люди оглянулись посмотреть на эту маму.
 - Ты потом боялась заходить в воду?
- Не-е-ет... Она умела меня рассмешить, когда мне было страшно. В тот же день я уже не хотела выходить из воды и научилась плавать. Валери немного помолчала и продолжила.
- Знаешь, у меня очень хорошая мама. Я не сомневалась, что мне повезло больше, чем всем моим подружкам. Они должны были съедать всё, что было на тарелке, а я нет! Всех заставляли заниматься, а меня нет! Вот я и сидела за фортепиано весь день. Она мне говорила: «Прекрати свою трескотню, иди гулять!». Я выходила на часок, а потом опять возвращалась. Она мне столько рассказывала... Почти все истории она придумывала сама. Про вредного кота, который жил один

на своём острове, и про птиц, которые всё время его дразнили... А однажды вечером мы не успели купить хлеб. Магазин закрылся, а другого не было. Знаешь, что она сделала? Она посчитала все копеечки и сказала: «Лерка, пошли в кино! Хватает!». Мы так смеялись в тот вечер, это была комедия. Голодные, представляешь?! Ага... у меня было хорошее детство. Я иногда думаю, у меня нет ничего, кроме детства... Боюсь, я никогда не вырасту...

- Не вырастай, пожалуйста...

На берег опустилась темнота. Океан слушался луну. Он бился и злился, и всё равно подчинялся молчаливому лику. Где-то далеко за их спинами проснулись фонари. Валери задумалась. Случилось то, чего она совсем не хотела: сила, притягивавшая её к нему, стала непобедимой. Валери подставила себя под теплоту его взгляда. Всё исчезло, кроме этих темнеющих вместе с наступающим вечером глаз.

«Боже мой, – подумала Валери, – если его не будет рядом со мной, я погибла...».

- Чарли, я совсем не знаю тебя. Расскажи что-нибудь о своём детстве...
- Охотно...

Она ждала, а он молчал. Долго. Очень долго. Он слушал шум волн и вдруг рассмеялся.

- Не получается...
- Ты постоянно чего-то не договариваешь, Валери никогда не была такой серьёзной.
- У меня нет гарантий, что если я стану всё договаривать, то ничего не изменится
 - Гарантии?
- Я знаю, это неподходящее слово. Чарли усмехнулся, просто так говорят, когда есть что терять. Мне есть что терять, и я не хочу, чтобы со словами что-то исчезло...
- Ой, Чарли, молчи лучше! перебила его Валери, я тоже не хочу, чтобы что-то изменилось...

Наталья СТОЛЫПИНА-ВОЛЬСДОРФЕР родилась в 1966 году в Ярославле. Музыкой начала заниматься с шести лет в городе Бельцы. В 1976 году она – лауреат Молдавского республиканского конкурса юных композиторов. Окончила музыкальную школу имени Евгения Коки и Академию музыки имени Гавриила Музическу в Кишинёве по классу фортепиано. Одновременно с учёбой работала концертмейстером в Академии музыки, из них – три года в классе профессора и певицы Тамары Алёшиной. В 1994 году переехала на постоянное место жительства в Германию. Преподаёт в музыкальной школе. Наталья ставит детские театрализованные представления, для которых сама пишет сценарии и музыку. Как пианистка даёт сольные концерты, выступает в составе камерных ансамблей.

92 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

«БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ»

«И ЖИЗНЬ, И СЛЁЗЫ, И ЛЮБОВЬ» ПОЭТИЧЕСКОГО «МЭРЦИШОРА»

В самом начале весны в Приднестровье в четвёртый раз состоялся Международный поэтический фестиваль «АВТОРСКИЕ МОСТЫ «МЭРЦИШОРА». Организовали его Молодёжное творческое объединение «Студия «Автор», Ассоциация русских писателей Республики Молдова и Союз Писателей Приднестровья.

И это в самом деле экстраординарное событие в регионе! По многим причинам. Ещё лет семь назад литераторы правого и левого берегов Днестра не общались между собой. У приднестровцев после событий 1992-го года, кажется, любое упоминание о Кишинёве вызывало отторжение. Что происходит на литературном русском поле Молдовы — да и не только на литературном, в непризнанной ПМР не знали и вряд ли знать хотели. Кишинёв для них стал чужим враждебным городом. Тирасполь же для кишинёвцев — просто терра инкогнита. Сталкерское пространство. Но... Живём мы на одной земле, пьём воду одной реки! В АРП РМ постоянными давними членами были два настоящих русских поэта-друга, связывающих наши берега — ушедшие Валентин Ткачёв из Рыбницы и — совсем недавно — Сергей Чернолев из Резины, книги которых в разные годы, в самое гиблое время выходили по рекомендации АРП РМ именно в Кишинёве, в издательстве

«Мы возводим мосты, заверениям всем вопреки...»

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 93

«Инесса» Конгресса русских общин Молдовы. Творческие контакты между литераторами право- и левобережья стали всерьёз налаживаться уже после смерти Валентина Сергеевича. Случалось, мы встречались друг с другом на передвижных выставках «Товарищества русских художников «М-АРТ», а однажды осенью представители Ассоциации русских писателей по приглашению тираспольчан приехали на городской поэтический праздник в Тирасполь, несказанно удивив слушателей и пишущих коллег гражданским звучанием стихов и неожиданно чёткой позицией по защите русского языка от дискриминации и шельмования, а Молдовы – от угрозы уничтожения. И – стена отчуждения рухнула!

То «десант» из Бендер во главе с писателем и уникальным геральдистом Игорем Сметанниковым (тоже, увы, немыслимо внезапно ушедшим), с телекорреспондентами, с камерой и микрофоном - радостным сюрпризом «высадился» на творческом вечере председателя АРП РМ, проходящем в Российском центре науки и культуры и записал замечательный видеосюжет. То мы проводим совместные Ткачёвские чтения в Рыбнице, а затем в Кишинёве. То в селе Строенцы участвуем в поэтическом «Золотом ЛиСт»е, то устраиваем совместный Конкурс пародии 1 апреля в Кишинёве, – сближаясь, узнавая, понимая друг друга с полуслова, искренне радуясь новым произведениям, книгам, литературным журналам и просто друг другу. А однажды приднестровские авторы, бросив все неотложности, с кличем «Русские своих не бросают!» - в тяжелейших метеоусловиях метели и мороза, когда стоял весь транспорт, на своей машине нагрянули в Кишинёв на подведение итогов республиканского конкурса Святочного рассказа, жанр которого пропагандирует и возрождает в Молдове Ассоциация русских писателей РМ. Удивительно, как живо откликнулись именно на левом берегу на первый же конкурс четыре года назад! А мы стараемся на единственный наш Международный фестиваль русской литературы в Молдове «Пушкинскую горку» дорогих российских и зарубежных именитых гостей-писателей обязательно привезти в Приднестровье – поделиться встречами, опытом, творчеством, обсудить общие проблемы литературного сообщества.

И вот – логическая вершина! В Приднестровье, наконец, сложился **свой** литературный фестиваль, который, не догадываясь о нашей выстраданной «долгой дороге в дюнах», придумал несколько лет назад удивительный человек – инженер по образованию, поэт, энтузиаст, знаток множества стихов русской советской поэзии второй половины XX века и замечательный чтец Павел Сушко.

Впервые видя его, вам будет нелегко избавиться от невольного чувства глухого раздражения: «Что это за здоровяк, огромный и громкий, играющий в поэзию?», будет неуютно от нарочито бодрого голоса, искреннего раскатистого смеха этого богатыря. Вы, привыкшие к «китайским церемониям» и неискренности почти европейского общества, дистанцируетесь от этой «фирменной» русской души — ну, не бывает нынче таких бескорыстных и целеустремлённых, чистых людей! А вот бывают! Павел Сушко — истинный Илья Муромец русской поэзии!

Павел вежливо, но настойчиво формировал действенный состав фестиваля, год от года привлекая к участию новых авторов, и вот, даже не заметив, когда же это произошло, – актив Ассоциации русских писателей Молдовы влился в команду организаторов фестиваля, и радостный эмоциональный накал «Мостов» просто зашкаливал!

94 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Из Одессы приехали Сергей Главацкий, председатель Южнорусского Союза писателей, и Людмила Шарга – прекрасные поэты, выпускающие известный литературный журнал «Южное Сияние», вдыхающие в духовную жизнь современной Одессы смысл. Литературная гостиная «Дилижанс», «Зелёная лампа», всевозможные поэтические встречи и вечера, фестиваль «Провинция у моря», к сожалению, после семи лет насыщенной плодотворной жизни исчезнувший – вот очень короткий список великолепных литературных действ наших соседей!

Из Ильичёвска (Черноморска) примчалась замечательный автор и исполнитель Светлана Полинина, устроительница фестиваля бардовской песни «Поющая гавань», из Киева приехал всемирно известный издатель, учёный, поэт Дмитрий Бураго. Все эти люди — неутомимые проводники света и добра. Модное нынче слово «культуртрегер» не вмещает всех их добровольных солнценосных обязанностей, не отражает глубины служения русскому слову.

Издали завидев друзей в просторном холле Центральной тираспольской библиотеки им. А.С. Пушкина, мы неслись друг к другу с распростёртыми объятьями – так радостны, драгоценны и необыкновенны наши встречи в этом раздёрганном, отравленном политическими катаклизмами последних десятилетий пространстве.

С чего же начинались «МОСТЫ»? Так кратко, между собой называют молодые участники, поэты этот особый фестиваль, держащийся на энтузиазме человека, его придумавшего, на твёрдой вере Паши Сушко в Добро и вселенскую значимость поэзии.

Шесть лет назад Павла, участника Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор», волею судеб забросило на левый берег Днестра в Приднестровье, где он работал инженером-строителем по линии АНО «Евразийская Интеграция». Там он познакомился с творческой молодёжью и взрослыми авторами из Союза писателей Приднестровья, а чуть позднее со своими новыми друзьями, при поддержке команды МТО «Студия «Автор» из России и непосредственно председателя объединения Владимира Валентиновича Никулина создал Приднестровское отделение вышеназванного Творческого объединения, в которое вошли молодые люди из Тирасполя, Бендер и Днестровска, пишущие стихи и прозу.

Представители приднестровского отделения «Студии «Автор» начинают принимать активное участие в мероприятиях не только Приднестровья, но и России, Молдовы, знакомятся с представителями молодёжной секции Ассоциации русских писателей РМ и приглашают их принять участие в совместном литературном вечере в Приднестровье. Вот этот сентябрьский вечер в 2015 году и стал началом плодотворного сотрудничества МТО «Студия «Автор», АРП РМ и Союза писателей Приднестровья.

Уже весной следующего года при участии новых друзей – Южнорусского союза писателей (Украина) громко «прозвучал» очередной международный вечер поэзии, оказавшийся, по общему решению его участников, Первым Международным музыкально-литературным фестивалем «Авторские мосты «Мэрцишора».

Позже совместно было разработано положение о фестивале, собран организационный комитет, в который вошли Ассоциация русских писателей Молдовы, Южнорусский Союз писателей и Союз писателей Приднестровья. ПредседатеРУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 95

лем оргкомитета стало сплотившее всех Молодёжное творческое объединение «Студия «Автор». И началась работа.

Выросший из маленького творческого вечера, из искренней дружбы и желания творить чудеса — объединять людей и пространства, «Авторские мосты «Мэрцишора» сегодня — полноценный фестиваль, проходящий два дня в двух городах Приднестровской Молдавской Республики и этой весной собравший у себя участников из 11 городов четырёх государств!

Фестиваль намеренно приурочен к началу весны. В эти дни на молдавской земле люди дарят друг другу на счастье и в знак симпатии маленькие сувениры—бутоньерки в виде цветочков или фигурок и символов из ниток белого и красного цветов, которые называют мэрцишорами. Их носят на груди, слева, у сердца, весь март. В Молдове и Приднестровье в первую декаду весны проводится и грандиозный музыкальный фестиваль «Мэрцишор». Проводится уже более полувека. В первые годы независимости некий самодовольный временщик «министр культуры» заявил, что «Мэрцишора», взявшего свой разбег в «проклятые» советские времена, больше не будет, так как «дружба народов ныне не актуальна, не в тренде!». Музыканты и деятели искусств отстояли своё право на встречу, на праздник, на общение, на музыку без границ и таможен, на — радость!

И вот на двух берегах Днестра пророс Поэтический «Мэрцишор»! И в библиотеках, ставших площадками фестиваля, яблоку было негде упасть – от зрителей и желающих выступить.

Людмила Шарга пишет: «Нынешний фестиваль знаменателен ещё и тем, что именно им открылся год 220-летия Александра Пушкина; год, обещающий множество ярких и незабываемых событий и встреч. Фестиваль проходил в Тирасполе и Рыбнице, и в каждом городе нас встречали тепло и радушно организаторы и, конечно же, благодарные зрители.

Мне посчастливилось побывать на фестивале два года назад, когда он только ещё зарождался, становился на крыло, и теперь я вижу, что поэтический Мэрцишор набрал высоту, окреп, у него появились друзья, традиции и новые планы, идеи, мечты...

Не могу не восхититься Павлом Сушко, его организаторскими способностями, его неиссякаемой энергией, светом, мастерством поэта и чтеца.

Поэзия и песни Галича и Когана, Визбора и Аграновича, Окуджавы и Дольского, Сергеева в исполнении Павла, сопровождали нас все два дня.

Для меня нынешний фестиваль, это ещё и встреча с дорогими мне людьми — Олесей Рудягиной, Натальей Новохатней, Дмитрием Бураго, Валерием Кожушняном, Петром Жековым, Натальей Родиной, Мариной Сычёвой, Светланой Полининой, Сергеем Главацким.

Это открытие новых имён, молодых и сильных поэтических голосов: Елизаветы Ковач, Татьяны Орловой-Волошиной, Павла Полищука, Виктора Грабко, Юрия Копейкина, Алексея Захарчука. Это знакомство с поэтом, певицей, режиссёром Натальей Барабанщиковой, талантом которой я покорена и восхищена. Это сборник поэзии Сергея Чернолева, увы... посмертный, любезно подаренный мне Валерием Кожушняном.

Это выступления барда Ивана Коваля и старейшего поэта Приднестровья Леонида Литвиненко. Это обилие солнца на чистеньких улицах городов и сёл,

96 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Стихи читает Лиза Ковач

через которые мы проезжали и в которых останавливались».

Фестиваль фестивалю рознь. Удивительно искренний патриотический пафос «Мостам»-2019 придало острое выступление Елизаветы Ковач, молодой поэтессы из Тирасполя, стремительно набирающей высоту и уже известной за пределами Приднестровья победами в Международных литературных конкурсах. И – вместо посвящённой весне и любви лирики, соответствующей поводу, настрой на которую был дан в задорных «мэрцишорских» стихах руководительницы молдавского отделения СП Приднестровья Галины Гурски, прозвучали горючие строки о войне, о трагедии 2 мая в Одессе. Переполненный оглушённый зал взорвался аплодисментами, поэты подхватили тему, изменив кардинально свои выподхватили тему, изменив кардинально свои вы

ступления, продуманные загодя.

И вышел – вне программы – Валерий Овчарук, руководитель тираспольского ЛИТО «Светоч», и попросил почтить память Вадима Негатурова, погибшего в одесском Доме профсоюзов. Валерий Константинович лично был знаком с поэтом, они несколько раз встречались, уже была договорённость о визите тираспольских поэтов в Одессу. Теперь образ Вадима Негатурова навсегда запечатлён в стихотворениях его товарища из города на Днестре.

И зазвучали стихи об утраченной одной-единственной общей Родине, о разорванных родственных узах, словно отпустили на волю долго сдерживаемую и замалчиваемую боль. И захлестнула всех жажда единения и Мира, и озаряли лица «и жизнь, и слёзы, и любовь»!

Но и всепобеждающему чувству юмора нашлось на фестивале в Тирасполе место в выступлениях Ларисы Ладыки, Татьяны Зубковой – интеллигентных поэтесс и мастеров пародии, обладающих острым умом и талантом сатирического высказывания. Тираспольский бард Вадим Барышников подхватил настроение юмористическими песнями на стихи Ларисы Ладыки и Владимира Голубенко.

Отрадно, что фестиваль представил творчество авторов разных поколений – звучали стихи молодых ребят, только начинающих в поэзии свой путь, таких разных, талантливых и прекрасных: Виктора Грабко, Павла Полищука, Алексея Захарчука, Александры Жирковой, Юрия Копейкина.

Жизнь идёт, и Фестиваль развивается. В планах у организаторов новые города, новые проекты». Но какие бы изменения ни ждали «Авторские мосты «Мэрцишора», одно останется неизменным — это творческая дружба, взаимная поддержка и тепло общения его участников.

Девизом же фестиваля и людей, «виновных» в его становлении и продвижении, можно считать строки Сергея Чернолева:

«Жизнь полна пустоты, не желая мириться с пустотами, Мы возводим мосты, заверениям всем вопреки».

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФЕСТИВАЛЮ

НАД МИРОМ СЛОВО ПУСТЬ ПАРИТ...

День второй, Рыбница.

Марина Сычёва, руководитель Рыбницкого отделения Союза писателей Приднестровья приняла в родном городе поэтический фестиваль, впервые шагнувший за пределы Тирасполя. Она рассказывает.

Рыбницкая центральная детская библиотека имени С.Я. Маршака распахнула свои двери фестивалю «Авторские мосты «Мэрцишора». Красно-белые мэрцишорчики нежным символом украсили одежды всех участников и напомнили, как тесно переплетается в нашей жизни реальность и сказка. Разве не чудо, не волшебство была эта встреча? Разве не таинство душевного единения происходило во время чтений?

Мы совместно с литературным объединением «Родник» с большой радостью встречали гостей. Возможность знакомства и прямого общения с авторами из Украины, Молдовы и Приднестровья дорогого стоит. Сегодня такие встречи особенно важны, зачастую они переносят уже состоявшуюся интернет-дружбу в онлайн-пространство. И это здорово! Как быстро и просто находили мы общий язык — не только потому, что нас, живущих далеко друг от друга, за границами и таможнями, волнуют одинаковые проблемы и вопросы. Мы дышали одним воздухом! Добро и зло, любовь и ненависть, отвага и страх, предчувствие и ожидание счастья — темы многих стихотворений и песен, прозвучавших на фестивале. Когда мы глядим в глаза другу, духовные связи крепнут. Так произошло и у встретившихся в Рыбнице двух авторов, пишущих для детей — Марины Новицкой (Рыбница) и Татьяны Орловой-Волошиной (Кишинёв). Каждая подарила

Второй фестивальный день. Две азбуки в дар библиотеке

98 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

библиотеке по своей Азбуке. Великолепно оформленные книжки – яркая, весёлая у Татьяны и нежная с карандашными рисунками у Марины.

Если у меня спросят, что отличает наш фестиваль «Авторские мосты «Мэрцишора», не задумываясь отвечу: чувство дружбы и единения. Мы слушали стихи на молдавском, русском и украинском языках. Рыбницкий автор, член Союза писателей Приднестровья Тамара Базилевская подарила слушателям строки украинской речи, певучей, наполненной внутренней музыкой. А потом зажигательные ритмы сырбы – как же обойтись без народной музыки на молдавской земле?! - в исполнении Анатолия Каймакана из Дубоссар заполонили зал. Порадовала делегация авторов из приднестровского города Дубоссары и его окрестностей, с энтузиазмом представивших своё творчество и удививших великолепным исполнением произведений любимого всеми поэта Владимира Высоцкого: Елена Степанова – член Союза писателей и Союза журналистов Приднестровья, соучредитель творческого объединения «Акколада», инициатор и организатор с 1998 года международных открытых фестивалей памяти Высоцкого. Василий Апостол – лауреат Российского конкурса памяти Владимира Семёновича в 2016 году; Виктор Кожухарь – член литературного объединения «Гармония», лауреат Второго международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Крым г. Саки); Алексей Бодян – исполнитель песен Владимира Высоцкого, лауреат международного конкурса «Лишь один мотив», участник первого летнего фестиваля памяти Высоцкого в Дубоссарах, где получил ценный приз от Россотрудничества в Молдове. Анатолий Каймакан – самодеятельный автор-исполнитель песен, посвящённых родным Дубоссарам, сёлам района и Владимиру Высоцкому.

Фестиваль в Рыбнице продемонстрировал единение культур, искреннее братство литераторов, наше взаимное стремление к общению и любовь к поэзии. Как чисто и высоко парило Слово! Слово искреннее, нежное, душевное. Именно Слово объединило нас в тот незабываемый день. Мудрая Людмила Шарга, потрясающая Наталья Барабанщикова, вдохновенная Олеся Рудягина, нежная Наталья Родина, деликатный Сергей Главацкий, вдумчивый Дмитрий Бураго, трепетная Светлана Полинина и неподражаемый вдохновитель фестиваля Павел Сушко поразили своими работами и влюбили в себя рыбничан. А ещё — зародили в сердцах надежду: настало время наводить мосты!

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 99

РАДУГА СУДЬБЫ АНАТОЛИЯ ДРОЖЖИНА

К 25-летию гибели одного из талантливейших поэтов России

Анатолий Сергеевич Дрожжин родился в 1937 году в селе Козинки Брянской области. Окончил Пермское техническое училище, работал токарем, забойщиком в шахте. После службы в армии сменил множество профессий, исколесил страну вдоль и поперёк. В 1975 году переехал в Молдавию. Долгие годы жил в Тирасполе, где его знали, ценили и очень уважали. Несколько лет работал на заводе литейных машин.

В начале 90-х был избран в секретариат Союза писателей России. Одновременно возглавил правление Союза писателей Приднестровья.

Погиб в автокатастрофе осенью 1994-го. Похоронен на малой родине, в Брянске. В Тирасполе на доме №5 по улице Комсомольской, где поэт жил в последние годы, в память о нём установлена мемориальная доска.

В литературный путь напутствие своё ему дал Александр Твардовский, едва ли не первым разглядев в Дрожжине тонкого лирика и патриота. У него была совсем своя, собственная манера письма, свой взгляд на историю Родины. Жизнь он, внешне похожий на Высоцкого, воспринимал обострённо, как истинный поэт. Был вспыльчив, но отходчив, а вот предательства и подлости не прощал.

«Дрожжин, – по словам известного журналиста Валентина Булгакова, – в поэзии был мыслителем, даже отчасти философом, провидцем, пророком».

Чтобы убедиться в том, достаточно полистать сборники стихов поэта, которые выходили, к слову, в центральных российских издательствах. Первый из них «Белые берега» увидел свет в Туле в 1972 году. Высокую оценку книге дал советский классик, публицист Егор Исаев: «Талант Анатолия Дрожжина уже не брезжащий и робкий, а довольно ярко обозначенный. Слово его зримо и объёмно и, что главное, свежо по мысли...».

Через несколько лет родилась вторая книга — «Березняк» — это лирические размышления поэта о современниках. Она впечатляет яркими картинами трудовой жизни. Раздумья о любви и дружбе гармонично сочетаются с пейзажными зарисовками. Автор умело поэтизирует серые будни. Сборник, вышедший в Кишинёве, носил символическое название «Воскресный зов». Каждая страница его — это небольшой литературный портрет, рассказывающий нам о силе характера и ранимой душе человека. Боль, грусть, печаль и гнев проливают на читателя стихи Анатолия Дрожжина о войне, которая опалила его сердце в детстве. Добрые слова находит автор для будущего, трудового и светлого дня Отчизны. Стихотворения книги включают в себя всю цветовую палитру. Автор использует все преимущества антитезы белого и чёрного, светлого и тёмного, яркого и пастельных оттенков цветов.

Поэтическая книга «Линия жизни» вышла в свет в 1987-м. В ней нет ничего суетного и случайного, искрятся оттенки эмоций и переживаний поэта в молодые годы. Звучит гимн любви наперекор годам и разлукам, волнуют читателя искренние патриотические строки. В том же году судьба посылает ему счастливые моменты, и в Москве в свет выходит сборник «Светлая полоса». Стихотворения из него — словно сами по себе солнечные лучи. В книгу Анатолия Дрожжина «Белый день» начала 90-х вошли стихи четырёх циклов: «Равновесие», «Доля», «Свечи», «Волны». Автор приглашает читателя осмыслить происходящее вокруг, найти самое ценное, научиться различать истину и фальшь, добро и зло, счастье и горе.

Творчество поэта тесно связано с малой родиной. Неслучайно через год снова в столице России выходит его последняя книга под пронзительным названием «Родичи». Эпиграфом к ней автор взял строку: «Взгляни в своё далёкое». Тематика стихотворений – жизнь и судьба бывалого человека, страдающего, думающего глубоко и с тревогой о времени, России, о себе.

Его статьи, стихи публиковались в журналах и газетах Приднестровья. Автор принимает близко к сердцу всё происходящее в этом крае. Он щедро делится с читателем своими мыслями и чувствами.

... Через два года его не станет. Друг, журналист Тамара Лужецкая в очерке «Линия судьбы Анатолия Дрожжина» напишет: «Он любил Брянщину, нежно и преданно, как и свою мать, старость которой решил скрасить, вернувшись на родину. Ехал писать стихи. Строил планы, которых было «громадьё», но не суждено». Сам был за рулём, мчался туда, «где у крылечка седенькая мама, как старенькая яблонька в цвету»...

День 12 ноября 1994 года стал его последним днём последней осени.

Поэт ушёл навсегда, но оставил читателям свои книги, хорошие дела и добрую память о себе. Основал в Тирасполе литературное объединение «Взаимность». Поэт Валентин Булгаков, вспоминая заседания «взаимновцев» в редакции газеты «Днестровская правда», подчёркивал: «Главное — ЛИТО было островком человечности, которой так не хватает в жизни многим. Надеюсь, такой «Взаимность» и останется». Думаю, что так оно и есть.

Сам о себе он говорил: «Моя судьба, как радуга над бором, одним концом на поле уперлась, другим — лежит за заводским забором...». Эта радуга судьбы соединила прошлое и настоящее, стала символом богатой событиями, эмоциями и людьми жизни поэта. Его фразеологические словосочетания *«светлая полоса»*, *«над светлым смыслом»*, *«высветляя семью, как рассвет»*, *«белый свет»* — помогают понять чистый настрой души автора, хотя сами светлые полосы, к сожалению, были недолгими в его жизни. Используя приём контраста, автор всё же редко употребляет антонимы белому цвету: *«в подземную тьму»*, *«погаснуть, а не угасать»*, *«в чёрном платье»*. Белый — синтез всех цветов радуги. Какая же она в стихах Дрожжина?

Объятый тополиною пургой, стою, вдыхаю хладный дух колодца. Под радугою жаворонок бъётся, как будто колокольчик под дугой.

Что означают цвета этой прекрасной дуги в лирике Анатолия Дрожжина, удивительного поэта и человека?

Синонимичный ряд для красного цвета: «розовый день», «красный снегирь», «солнышко утром алело», «в дурманящем малиннике»; «у Вечного огня, словно кровью на повязке, поярче погори». У красного цвета два основных значения и оба связаны с кровью. Это любовь к природе и человеку, опасность и война. Если подумать, это две стороны одной медали. Этот цвет для сильных людей. Оранжевый – комбинация красного и жёлтого. Символизирует энергию и мудрость. Он очень тёплый и динамичный. Например, в стихотворении «Троллейбус» читаем:

Парень крутит башкой своей рыжей, а баранку не крутит почти. Синонимичный ряд для жёлтого цвета: *«полянки жёлто-белый цвет»*, *«запах жёлтых цветов»*, *«колос золотой»*, *«золотое руно»*. Жёлтый означает что-то яркое и счастливое и ассоциируется с радостью. В стихотворении «Возрасты» читаем.

Каждый день — настоящее золото и на взгляд, и на зуб, и на вес!

Зелёный – символ плодородия, весны, молодости и удачи. Это цвет гармонии, баланса, роста и хорошего здоровья. Синонимичный ряд у поэта для зелёного цвета: «зелёные глаза», «весна раскидывает зелень», «позеленев от ледяной купели», «лазурный свет».

Зубами не удержишься за воздух! Промыв росой зелёные глаза, Карабкается, курс держа на звёзды, По проволочной лесенке лоза.

Голубой – цвет воздуха и лёгкой воды, ручьёв и рек. Он – цвет небесных ангелов. Говорят, использование этого цвета в быту приводит к миру и пониманию, к лёгкости в общении.

Синонимичный ряд для голубого цвета: *«ночи голубой»*, *«протяжно-голубая мечта»*, *«Молдова вся поголубела»*.

Как будто живой водой оросили и горькую радость, и светлую боль. Бессменно стою перед ликом России и розовым днём, и в ночи голубой.

Синий иногда называют цветом индиго. Он означает бесконечность. Символизирует мудрость, интуицию и самообладание. Этот цвет — как мост между конечным и бесконечным. Синонимичный ряд для синего цвета: «в синем мареве», «сжигал синеву», «в синие губы целуя», «загребает синеву».

И верит снова в радостное кто-то, когда, обдав прохладою траву, стремительная лопасть вертолёта азартно загребает синеву.

Седьмой по счёту в радуге — фиолетовый. Означает духовность, преобразования, просветление. Синонимичный ряд поэта для фиолетового: *«светятся васильки»*, *«сирени леса»*.

Над полем проносятся птицы, плывут облака, высоки. Увижу, как рожь колосится, как светятся в ней васильки.

Жизнь Анатолия Дрожжина — его поэзия. Он предстаёт в своих многочисленных стихотворениях предельно открытым, откровенным и надёжным человеком, во всей трепетно-ранимой гамме чувств, переживаний и настроений.

Людмила КАБАНЮК,

102 \ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

АНАТОЛИЙ ДРОЖЖИН

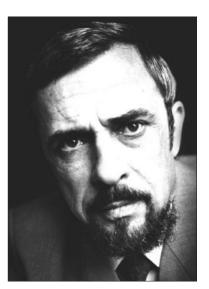
«БЕССМЕННО СТОЮ ПЕРЕД ЛИКОМ РОССИИ...»

АВТОПОРТРЕТ

Судьба царапала баграми, в рубцах да вмятинах душа. На пальцах выдавались грани Зубила и карандаша.

Суров: имею дело с твердью, Поджар: жую кусок ржаной. Сутуловат: пришибло жердью Моста, сожжённого за мной.

Но неизбывно к людям рвенье, И – хоть замок повесь на рот – в любой беседе откровенье, как будто горлом кровь – идёт.

ПИДЖАКИ

Егору Исаеву

На поле брани пали мужики. От мужиков остались пиджаки. Их вдовы И на хлеб не променяли, Хозяев новых К ним не примеряли.

У сельских вдов Устойчивая память, А мужняя одежда всех теплей. Ходили в них с граблями и цепами Дорогами прожорливых полей.

Награды и взысканья получали В тех пиджаках, свисающих с плеча. Полою утирали след печали, Детишек укрывали по ночам...

Давно детьми подарены обновы, Какие и не снились старикам. А в пиджаках поныне ходят вдовы, И нет износа этим пиджакам!

НАШИ МАТЕРИ

Кто взять Берлин, кто голову сложить мужья ушли на фронт за ротой рота. У вас была одна задача: жить во что бы то ни стало, чтоб работать,

осилить беды, одолеть поля, фронты и накормить, и обеспечить. Тяжёлая ребристая земля сползла с китов и вам легла на плечи. Мужья войну прогнали со двора – к победе путь пришлось крестами вышить. Владела вами новая пора: работать и работать, чтобы выжить. Вы думали о Родине, о нас, и судьбы наши стёрлись, как подошвы. В земном поклоне заклинаем вас: живите, ненаглядные, подольше!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Земля глядела скорбно с огорода, корявая, без листьев и ветвей. Любое потрясение народа доходит непременно до детей. Старались люди. На себе пахали, отдав казне последнее взаймы, а дети, умирая, опухали и тоже были жертвами войны. И даже дуб столетний спину горбил, скрипел сухой листвой:

не упасли, когда очередной квадратный гробик по одинокой улице несли. С селом сближало кладбища соседство, особенно оно росло весной. Не приведись вовек отныне детству родиться перед самою войной!

ИЗ ЦИКЛА «МАМА»

Родное царство заоконное, Где ветры – словно соловьи. Все проходящие – знакомые, Все приходящие – свои.

Родные люди — И с улыбками, И с явной болью на лице. Я жму им руки за калиткою И обнимаю на крыльце.

Родная мама Ходит, радуясь: Сынок приехал – торжество. И что ни улица – Как радиус Идёт от дома моего.

ГРУЗЧИКИ

Под Мурманском, под Брянском, под Казанью, в Сибири, отдуваясь от мошки, по доброй воле, а не в наказанье, мы подставляли спины под мешки. Я молодой, спина моя упруга, и руки, ноги – силой налиты. Мешок несу, как раненого друга, по трапу до спасительной черты. Трап под ногой прогнулся, как трясина, стекает пот с нахмуренных бровей. Качай меня. включай меня, Россия, в высокий клан надёжных сыновей! Нам твой любой наказ – не наказанье, Мы труженики мира, мужики, Сперва на спинах, после под глазами несём по жизни тяжкие мешки.

ЛЮБОВЬ

Давно нарадоваться надо, А ей всё радостнее жить. И пуговицу, как награду, К рубашке счастлива пришить. И озаряется улыбкой, И от улыбки – в доме рай. И перекусывает нитку, Рубашку чмокнув невзначай.

ТВОРЧЕСТВО

Пером простроченные ночи. Гримасы жёсткого лица. Нет в этом мире одиночей осатанелого творца.

Ни полюбовницы, ни друга. То взлёт кромешный, то обрыв. - висеоП работа духа, не исключающая взрыв.

* * *

У весенней природы родное наречье и речная краса – как девичья коса. В синем мареве даль, а по взгорью над речкой одуванчиков море, сирени леса. Разнотравье лугов с каждым часом чудесней, поднимаются яблони выше стропил. Наполняются силой и славою песни, и берёзовый свет набирается сил. Пусть любовь от тебя мчит по новому руслу, друг метнулся в кусты, сплетня бьёт по зубам, на родимой земле, в откровении русском никогда не была безнадёжной судьба! Вот берёзовый сок, вот вода из колодца, вот кувшин с молоком у раскрытых ворот... Пьёт душа моя, пьёт и никак не напьётся освежающих разум родимых щедрот.

женщине

Меня тобой всевышний наградил!
Он отдал нас друг другу в услажденье.
Ты на полшага
шествуй впереди —
не поводырь, но повод для движенья.
Чтоб я ловил дыхания дымок
в пути большом —
порожистом и льдинном,
чтоб я не оборачиваясь мог
взять на руки, когда необходимо.
Пускай дано согнуться, полысеть,
возьму на плечи всё,
что нам положат.
Иди, резвясь, по светлой полосе,
я — следом, как навьюченная лошадь.

Чтоб вызревала в мире тишина, чтоб наше счастье ног не замочило, идти по жизни женщина должна всегда немного впереди мужчины.

* * *

Походка лета чудо как легка: прошла по лугу, глядь — по пояс в просе! Весёлый день на куст рубаху бросил и разгоняет в речке облака. Пускай ничто не замутит воды, чтоб в ней России облик отразился, и этот стебель, что едва родился, и кряжистые старые сады. В высокие плечистые леса за новой песней птины полетели.

И свежий ветер, словно полотенцем, протёр селу померкшие глаза.
Устали мы от пыли и погонь, но всё неймётся, мечемся, несёмся.
Вон самолётик — держит курс на солнце, как бабочка ночная на огонь.
Одумайся, родимый, — обожжёт!..
Нет удержу, на то она и воля.
Гудит большак, и дозревает поле, где человек у краешка живёт.

ГАГАУЗСКАЯ МОЗАИКА

ЕЛЕНА СИРКЕЛИ-ХОРОЗОВА

ДОРОГА ДОМОЙ

Степь Буджакская, ты моя манкая!

Зовёшь меня, просторная. Взбила кудри трав ветрами тёплыми. Стоишь причёсанная. Неувядающими цветами сиреневыми заколола холмы свои кокетливо. Клубами цикория голубоглазого прихорошилась. То хохочешь, жеманница, птичьими трелями из зарослей облепихи, то неожиданно затрещишь встревоженно сорокой деловитою. Что ж ты горечь свою в серой полыни взращиваешь? Скучала, небось?..

Да и я истомилась. Клич твой в одиноком ржании лошади длинноногой угадала. В порыве ветра стон твой услыхала.

Ну не горюй, родная! Распахни полуденные объятья свои. Не боюсь я зноя пыльного. Лечу к тебе, как в детстве радужном. Бессмертников нарву на память о встрече и буду долго любоваться тобой, зачарованная, а затем унесу тебя в своём сердце, спокойствием наполненном...

ВАРЕНЬЕ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

После обильного снега вся степь напоена талой водой. Оттого и молодая сочная травка пошла так буйно. В огромных лужах плавают домашние птицы, выпущенные пастись на луг. Издалека эхо доносит блеянье овец и лай собак, но эти звуки утопают в чириканье скворцов и воробьёв.

Дети впервые гуляли по лугам, которые были в мои детские годы главной игровой площадкой. Как я счастлива, что им здесь понравилось! На берегу небольшой речушки мы устроили пикник, а на природе даже самая простая еда становится божественно вкусной.

Когда возвращались домой, я вспоминала, как мы с одноклассниками собирали цветки ромашки, чтобы сдать их в аптеку, и одуванчики для варенья. Мама моей подруги варила самое вкусное на свете варенье из одуванчиков.

Вот так – пошла со своими детками прогуляться, а на самом деле вернулась в детство. Счастье!

АПРЕЛЬСКИЕ ТРЕЛИ

За что вы любите весну? Может, за ароматы сирени и яблоневого цвета, что кружат голову? Может, за капризы природы, которые любого бывалого способны удивить?

А, может, за птичьи трели, жужжание пчёл и прочие мелодии, от которых успело отвыкнуть за зиму человеческое ухо?

Я люблю весну за ощущение настоящего момента. О! Какое это счастье – быть здесь и сейчас! Понимать без лишних сожалений: как было – уже не будет, без ложных надежд смотреть в туманное будущее. Я – в настоящем! Я дышу сиренью. Я впитываю долгожданный эликсир солнца. Я слушаю музыку природы. Спасибо тебе, весна, за это!

ВОЛШЕБНОЕ ЗЁРНЫШКО

Огород прокопан и тщательно выровнен граблями. Чернозём готов к посеву. Взяла в пригоршню горошек, семена свёклы, редьки, лука. Маленькие сокровищницы, в которых живёт растение. Если не относиться к посеву как к труду, а как к таинству зарождения жизни, в этом действии просматривается великий смысл. Сухое семечко возвращается земле, чтобы оно дало росток и насытило человека. Я бросала семена в ровные лунки, вычерченные отцом, и думала о страшном времени голода. В засушливом послевоенном 1947-м каждое такое семя отдавалось земле дрожащими руками. Эти горошины можно было съесть и утолить неутихающий голод, но нужно думать о завтрашнем дне, о будущем урожае. Потому шепча высохшими губами спасительные молитвы, люди зарывали в землю зёрна с надеждой, что они обязательно прорастут и прокормят их в следующем году. Бережно вкладываю в лунку лучок. Через пятнадцать сантиметров ещё лучок. В конце ряда провожу ладонью по тёплой земле, согретой весенним солнцем. Пусть магия случится! Теперь остаётся только молиться о благодатном, пробуждающем жизнь дожде...

ПАСХАЛЬНЫЕ БАШМАЧКИ

Ещё в пижамке, то и дело убирая с лица длинные локоны спутанных после ночи волос, дочка сидела на полу и старательно пыталась застегнуть пряжки новеньких башмачков. Мой папа в кресле напротив, задумчиво улыбаясь, следил за процессом. Когда розовые лаковые туфельки, наконец, поддались неловким пальчикам, довольная маленькая модница вскочила на ножки и заплясала по комнате. Мы засмеялись, любуясь ангелочком с волосами цвета спелой пшеницы.

И тут папа, приложив свою могучую руку к гладко выбритой щеке, вдруг заговорил о собственном детстве.

Раньше весна приходила внезапно. Разом начинала шуметь, звенеть и искриться. Всюду бежали ручьи, разливались лужи на всю улицу, а грязь кругом

стояла такая, что не только галоши, но и колесо от телеги можно было потерять по дороге. И только к Пасхе земля принималась стягиваться, и у самых заборов появлялись тропинки. Тропки были совсем мягкие, как поднявшееся на дрожжах тесто, но нога в них уже не утопала, а значит, ботинки не так пачкались. Вот тогда-то родители и достали для меня из сундука обновку – новенькие туфли. Чаще всего обувь и одежда переходили в наследство от старших братьев к младшим, пока совсем не изнашивались, получить в дар что-то своё, новое – было крайне волнительно. И к этой вещи относились с большим трепетом, пытались сохранить получше, чтобы не вызывать у младших недовольство неряшливой ноской.

В новых туфлях даже праздник становился веселей. Почему-то именно пасхальные подарки были самыми значительными и долгожданными.

Так на всю жизнь и осталось волнующее ожидание Пасхи. Детство ведь никуда не уходит, пусть ты будешь хоть дважды пенсионер.

Взгляд у отца был такой, точно он ясно видел описываемую им картину. В этот момент он опять был мальчишкой в новых туфлях и бежал вприпрыжку по тропинкам, проложенным у самого забора...

ОТЦОВСКИЙ ПОРТРЕТ

Выцветшая картина, которая пылится сейчас в дальнем углу, всё моё детство висела на почётном месте в гостиной нашего большого и светлого дома.

Портрет моего папы написал его родной брат. Сходство потрясающее! Из восьми детей в их семье младший неожиданно оказался наделённым талантом художника. Правда, это не принесло ему счастья. Мой дядя, как и многие творческие люди, пострадал от переоценки значимости собственной личности, но это уже другая история.

Отец совсем иной. Он – человек земли. Как герой в романе «Гроздья гнева». Он всерьёз считает, что трудиться надо каждый день, даже если тебе за это не платят. Труд не позволяет человеку деградировать, опускаться на дно.

В моём воображении папа – символ мудрости, проповедник совести и чести. И имя у него христианское, русское, богатырское – Илья! Илья Иванович Сиркели.

Его ладони, большие и шершавые, кажется, пахнут свежей пашней. Каждый палец на натруженных руках – толщиной с молодой саженец ореха, и кожа на них натянута, словно на барабане.

Я ни у кого больше не видела таких «звеняще» голубых глаз, с таким тёплым свечением... Седины, кстати, у него практически нет. Мама шутит, что это её заслуга. Уж больно хорошо за ним ухаживала все их 40 лет брака.

Конечно, я идеализирую своего папу. У него есть свои причуды, как у всех. Особенно они проявляются сейчас, когда он достиг пенсионного возраста.

К слову, папа единственный из знакомых мне пожилых людей гордится званием пенсионера и считает свою пенсию приятным бонусом за радость почти полвека непрерывно трудиться во благо родины. Стоит ли говорить, что он — патриот до мозга костей? Впрочем, я отношу патриотизм к особенностям гагаузского национального менталитета наравне с щедростью и гостеприимством.

Отец всю жизнь работал на родной земле, и сам с пшеницей и виноградной лозой врос душой в этот чернозём. И даже вода в других краях для него не пригодна. Он отовсюду спешит домой.

Его пример – мой компас по жизни.

БАБУШКА ИВАНКА

...Хочу ощутить тёплый луч солнца на своём лице, как в тот день. Бабушкин двор. Она у меня единственная, хоть и не родная по крови. Родители моих мамы и папы покинули этот мир, когда я была ещё ребёнком. Я их еле помню. А бабушка моего мужа их мне заменила.

Так спокойно у неё... Во дворе – целая оранжерея, цветущий рай. Даже когда сезон цветов проходит, и последняя морозостойкая хризантема чернеет от стужи, бабушка развешивает на арке во дворе искусственные цветы, чтобы её двор всегда выглядел нарядно.

На аккуратной кровати — пирамида из перьевых подушек в накрахмаленных кружевах. Все поверхности в доме — от стола до табуреток — накрыты вышитыми салфеточками. На столе всегда вкусные угощения. Особенно мне нравится её пилич манджасы — гагаузское блюдо из цыплёнка.

Надо чаще приводить к ней детей. Не каждому посчастливилось знать свою прабабушку. Но ещё большая удача застать тот замечательный день, когда прабабушка, нарядившись в свой лучший фартучек и косынку, поёт со сцены. А как на смеётся!

Бабушка Иванка – украшение села Кирсово! Она активистка, каких свет не видывал ещё со времён Советов. И поёт, и танцует, и готовит отменно, а наряжается так, что глаз не оторвать.

Выход в свет для бабушки Иванки — это подбор косынки, фартучка, кофты, бус и прочих атрибутов стильной бабули. Красота не знает возраста. Мне бы такую скрупулёзность в подборе гардероба и её женственность! Кружевной воротничок, накрахмаленная юбка и веточка цветущей герани за ухом — как это может быть красиво!

А лицо у неё – словно печёное яблочко. Морщинки, как поцелуи судьбы, лишь добавляют её образу света и теплоты.

моё село

Где на закате дети доят малиновые кусты, упиваясь сладким соком?

Где чертополохи стоят непроходимой стеной у изгороди? Где фонарные столбы выше домов? Где каждый час ослиный крик облетает округу?

Где после дождя растерянные лягушата блуждают по двору, а в огороде янтарным соком наливаются виноградные гроздья?

Где любое колесо, прокатившись по дороге, поднимает облако пыли, а на улице не видно ни души до вечерней прохлады?

Край петушиных распевов, чихания и кряхтения тракторов.

Край, где рассветы пахнут чистыми росами, что рассыпаются жемчужинами по всему селу. На этой земле жизнь течёт меж степных трав, как тихая река. Здесь я заземляюсь...

МЕЛОДИЯ УТРА

Из последних сил молодой петушок выдавил приветственную песню. Солнце уже встало, и мокрая трава захвастала своими недолговечными бриллиантами.

В курятнике солиста заменила несушка, затянув свой долгий куплет о том, что тёплое яичко уже лежит в гнезде на примятом сене.

От земли поднимается влага. Кожей это ощущается, как лёгкая прохлада. Ствол молодого ореха, который встречает каждого входящего в огород, из светлосерого стал почти чёрным от сырости.

В эту тень солнце ещё не может попасть своими лучами-дротиками. Но посреди виноградника уже сейчас чувствуется, что в полдень будет жара. И лай далёкой собаки, и топот запряжённой лошади, и шелест плодовых деревьев – всё это мелодия сельского утра. Вся природа в унисон желает мне хорошего дня. Пора его начинать...

ГРУШЕВЫЙ ЦВЕТ

Чувствуйте себя, как дома! А что это значит?

У нас во дворе росла яблоня, и её ветви стучали в окна. Каждую весну она безудержно цвела. Белые душистые лепестки покрывали дорожку ровным слоем, словно нетающим снегом. Пчёл было, как на пасеке! А потом появлялись яблочки, которых мы жевали столько, что они коричневую каёмочку на губах оставляли.

И вот эту яблоню родители срубили: старое дерево, ствол стал сгнивать. Им виднее, конечно, но мне грустно. Как же мой дом без яблони? Она же часть дома! Часть моего детства и меня!

Рядом с яблоневым пенёчком папа посадил грушу. Тонкую палочку с корнями. Я думала, когда ещё из неё дерево вырастет? И на тебе! Весь двор теперь благоухает грушевым цветом! Словно в сказке.

Вот так я встречаю в штыки каждую перемену в родительском доме. Тревожно мне. Вдруг случится так, что я перестану ощущать это заветное «как дома», но становится только лучше, удобнее, красивее.

Сколько мне ещё нужно примеров, чтобы понять: дом – это не стены, а пространство, в котором отдыхает душа. Дом – там, где семья и любимые люди.

УРОЖАЙ

Чем тешит себя человек земли? Конечно, дарами, что преподнесла природа. И самое удивительное в том, что настоящий огородник никогда не присвоит все почести себе. Папа на комплименты соседей о богатом урожае всегда отвечает одинаково: «Год хороший вышел».

колядки

Стукнула щеколда калитки, и во дворе послышались перешёптывания и тихие шаги. Детки, переминаясь с ноги на ногу, стояли у порога.

Неслышный сигнал и группка из трёх мальчишек и трёх девочек затянули неразборчивые слова колядки. В руках детей пакетики для сладостей, а к запястью самой маленькой девчушки привязан медный колокольчик. Тонкие голосочки! Вот и в наш дом пришли колядующие, а с ними благодать, Божья милость и благословение.

Мы с благодарностью провожаем ребят, щедро одарив.

Колька тоже пошёл колядовать. Счастливый ребёнок, полон впечатлений. Как и я была когда-то в детстве...

Я – СНОВА РЕБЁНОК!

Человек меняется, возвращаясь к своему источнику.

Кирсово – село, в котором я родилась, выросла, в котором полюбила своего будущего мужа. Здесь живут мои родители, мой свёкор, бабушка. Здесь остались школа, широкий луг, где мы играли. И бескрайние поля, на которых мы трудились.

Жаль, что в моих воспоминаниях всё больше, ярче, новее. Теперь ниже стали дома и соседи старше. Какие-то заборы покосились, дворы поросли травой. Село живое. Как в организме старые клетки отмирают и зарождаются новые, так в селе строятся уютные подворья и пустеют те, которые прежде были процветающими.

Только люди остаются прежними. Всё так же щедро льётся красное гагаузское вино, всё так же задорно звучит тост: «Саалык Алла версин!» («Дай Бог здоровья!»). И, как всегда, не умолкают разговоры об урожае.

Дышится легко. Забываются все проблемы. Я – снова ребёнок. Мама с папой рядом. Что может быть лучше? Вот оно – возвращение домой!

Елена СИРКЕЛИ-ХОРОЗОВА родилась в 1988 году в АТО Гагаузия. Окончила Славянский университет Молдовы, факультет журналистики. Работала в муниципальном издании «Столица Комрат», параллельно печатаясь в республиканской студенческой газете «СТУД-М». Прошла путь от внештатного корреспондента до литературного редактора в глянцевом издании «FORMULA krasoti». Ведёт личный блог в социальных сетях.

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 113

ОЛЬГА ГАРУСОВА

«СКИТАЛСЯ ТОТ, КТО ВСЕХ СВЕТЛЕЙ...»

В 1920 году к 100-летию приезда Александра Сергеевича Пушкина в Бессарабию Леонид Добронравов (Донич) публикует эссе «Великий изгнанник», полное горьких размышлений о «кишинёвской неволе». Эмоциональное переживание пушкинской ссылки как собственной судьбы в полной мере раскрывало ностальгическое чувство, близкое многим покинувшим Россию после революции 1917 года. Напоминая о высшей ценности русской культуры, автор предугадал, каким именем эмиграция будет, по слову русского поэта Серебряного века Владислава Ходасевича, «аукаться». Пройдёт несколько лет, и рассеянных по всему миру российских беженцев объединит День русской культуры, приуроченный ко дню рождения Пушкина.

В той же статье Добронравов упрекал кишинёвцев в беспамятстве, отсутствии «благоговейной традиции почитания» великого поэта. Суждение пристрастное и не вполне справедливое. Память о Пушкине в межвоенной Бессарабии не угасала.

Для тех, кто хоть немного жил или бывал в эту пору в Кишинёве, город ассоциировался с пребыванием в нём поэта, «в буйной зелени своих садов, хранящим и поныне святые воспоминания о Пушкине», по заверению писателя Петра Пильского. «Благое имя» казалось растворённым в природе, в «вышнем» воздухе, как подмечено в известном стихотворении «Кишинёвская весна», написанном Игорем Северяниным ещё до знакомства с главнейшими, по его мнению, достопримечательностями — «памятником Пушкину и домиком, в котором он жил в свой бессарабский период».

Дом, в котором жил А.С.Пушкин в Кишинёве. Фото 1937 года

Для поэтов, чьё детство или юность прошли в Кишинёве, город воспринимался через образ и творчество великого поэта. «Давними проклятьями» пропитан живописный городской пейзаж, отличительными приметами которого служат пушкинские места, в стихотворении Эмилии Чегринцевой. В «Кишинёвских похоронах» поэта Довида Кнута траурная процессия огибает Инзовскую горку, «где жил когда-то Пушкин». Силуэт «влюблённого поэта» легко мог почудиться, например, за калиткой палисадника, в саду с цветущими петуньями и левкоями («Кишинёвское» Ольги Мими-Вноровской).

Здесь были свои, «бессарабские» знаменательные пушкинские даты, о которых обычно напоминала пресса. Весной 1923 года ритуал был нарушен сообщением газеты «Бессарабия» о том, что к столетию окончания ссылки поэта, Леонид Добронравов написал пьесу «А. Пушкин в Кишинёве». Автор использовал новые «ценные» воспоминания Константина Негруцци о «таинственной истории с красавицей-гречанкой Калипсо», включил в текст пушкинские стихи бессарабского периода. Среди действующих лиц назывались Пушкин, Негруцци, Донич, Катакази, генерал Инзов, Калипсо, цыганка Заира, подполковник Старов, Алексеев... Премьера предполагалась на пасхальной неделе в Пушкинской аудитории. Перед спектаклем планировались «речи на русском и румынском языках о Пушкине». Однако информации о юбилейной постановке в дальнейшем не последовало...

Пушкинский вечер был устроен в апреле 1923 года артисткой Антониной Николаевной Собольщиковой-Самариной. Программа состояла из инсценировок поэм «Цыганы» и «Бахчисарайский фонтан», чтения стихов на русском и на румынском языках.

Популярностью у кишинёвцев пользовались лекции известного общественного деятеля, профессора Анатолия Дмитриевича Коцовского, бывшего главного врача Костюженской лечебницы. Так, с большим успехом прошло его выступление «Пушкин – общечеловеческий поэт» на платном вечере, организованном попечительским советом библиотеки Общества приказчиков. Рассказывая о творчестве гениального поэта и его влиянии на мировую культуру, лектор обильно цитировал произведения, «в которых отображается жизнь русского и европейского общества пушкинской эпохи», особо подчеркнув, что «Пушкин – основоположник прекрасного языка, признанного общечеловеческим, потому что на нём говорит шестая часть мира».

В местной прессе на русском и румынском языках регулярно печатались материалы о жизни и творчестве Пушкина. Значительный вклад в бессарабское пушкиноведение внёс историк Георгий Гаврилович Безвиконный, опубликовавший множество статей, посвящённых поэту и его кишинёвскому окружению в периодической печати, преимущественно — на страницах издававшегося им с 1933 по 1939 годы журнала «Din trecutul nostru».

Яркой кометой прочертил в 1934 году литературный небосклон Бессарабии журнал с эмблематичным названием «Золотой петушок», воспринятый рецензентом «Viaţa Basarabiei» как продолжение «литературной и художественной традиции, порождённой и сохраняемой славянским гением». «Трели» этой сказочной птицы, — писал он, — звучат в мире, где не существует духовной тюрьмы».

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ОЛЬГА ГАРУСОВА / 115

Пушкин для русских на чужбине стал символом высшей духовной свободы, символом национальной культуры и России. Символичен был отмечавшийся в зарубежье с 1925 года День русской культуры, задуманный как день, «когда любой, независимо от национальности, сможет ощутить свою причастность к поистине великой русской культуре». Сведений о его проведении в Кишинёве мы не нашли; местная пресса лишь информировала о праздновании Дня русской культуры в других странах. Подобные публичные общеэмигрантские мероприятия румынской администрацией в Бессарабии пресекались. Но воспрепятствовать участию бессарабцев в самом значительном пушкинском торжестве русского зарубежья в 1937 году не удалось.

Столетие со дня трагической гибели Пушкина отмечалось «во всех пяти частях света, а всего в 42 государствах и 231 городе». К этому событию в Кишинёве готовились заранее. «Энергичную деятельность проявляет общество женщин: намечены доклады, приглашены лекторы. Драматическая секция общества «Belle-Arte» организует постановку драматических произведений Пушкина, — писал в ноябре 1936 года еженедельник «Молва», призывая объединить разрозненные усилия и создать комитет по организации дней памяти поэта.

Как и повсюду, праздничные мероприятия в Кишинёве длились несколько дней и включали богослужения, торжественные заседания, спектакли, литературно-музыкальные вечера. Столетие со дня кончины поэта пришлось на 11 февраля по новому стилю — канун церковного праздника трёх святителей святого Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова и его перенесли. Особенно торжественной была панихида 10 февраля в Старом соборе, где бывал Пушкин. «Народу было очень много, не могли поместиться. Все, особенно дамы, нарядно одеты», — свидетельствует кишинёвский старожил. По инициативе Союза бессарабских журналистов 14 февраля состоялось богослужение в церкви Александро-Невского братства, а 17 февраля в — Успенской единоверческой церкви.

Вечер памяти Пушкина 11 февраля в консерватории «Unirea», собравший около пятисот участников, начался в 20 часов, а завершился после полуночи, оставив, по свидетельству его участника, сильное и незабываемое впечатление. Было прочитано несколько докладов. Адвокат Цезарь Стойка указывал, что отмечаемая во всём мире дата смерти самого великого поэта России, двойной праздник для Кишинёва, где он отбывал ссылку. Большой успех у публики имело сообщение юриста, общественного деятеля Николая Николаевича Толмачевского «Пушкин в русской музыке». Запомнилось зрителям последнее публичное выступление Анатолия Коцовского, истолкованное как дань русской культуре человека, воспитанного на её традициях и ценностях.

Газетное объявление о панихиде по Александру Пушкину

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

«С необычайным волнением и страстностью говорил он о том великом и неколебимом, что дала миру эта культура». Завершился вечер грандиозным концертом с участием «лучших сил музыкального Кишинёва».

Пушкинский вечер в Польском клубе прошёл 28 февраля в камерной обстановке. С докладами выступили уже упоминаемый Цезарь Стойка и журналист Владимир Недзельский. Концертная программа была составлена из отрывков из опер «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и романсов на пушкинские стихи.

Пушкину был посвящён специальный выпуск газеты «Молва»; большая часть сдвоенного (первого и второго) номера журнала «Viaţa Basarabiei» и «Din trecutul nostru» 1937 года. Бессарабская пушкиниана пополнилась «Календарём дней Пушкина» Евстафия Неговского, врача из села Денжаны. В предисловии автор выражал надежду на то, что «каждый читатель, приобретая и распространяя книгу, внесёт таким образом и свою лепту в осуществление идеи прославления Пушкина». Издание, представлявшее собой шесть выпусков со сквозной нумерацией страниц, имело большой успех. «Кажется просто невероятным, что Кишинёв отметит столь ценным трудом сто лет со дня кончины Пушкина». Отзвук юбилейного настроя — обожествление поэта, благоговение перед его творчеством — отразился в стихотворении Аллы Разу, напечатанном в одном из выпусков «Календаря»:

Века пронесутся... Изменится много... Другие придут поколенья... Над песней поэта, избранника Бога, Не властны ни смерть, ни забвенье.

В заметке о памятных мероприятиях Георгий Безвиконный обмолвился о «неблагоприятных условиях», в которых они проходили. Имелось в виду уничтожение на памятнике А.С. Пушкину в кишинёвском парке золотой надписи из стихотворения «К Овидию» по указанию генерала Н. Чуперкэ. Попытка поместить на обложке «Din trecutul nostru» за январь 1938 года протест против осквернения памятника привела к запрещению готового номера и обложку пришлось поменять. Омрачили празднование и иные шовинистические выпады. «К сожалению, писал в своих воспоминаниях Николай Толмачевский, — юбилей Пушкина в Бессарабии нашёл себе противника в лице профессора С.Н. Чебана, бывшего во время Первой мировой войны русификатором Буковины, но спустя 20 лет проявившего себя крайним шовинистом. Его выступления против чествования памяти Пушкина послужили поводом к прекрасным карикатурам К. Мичу-Николаевича», помещённым в газете «Молва». Этот ироничный, в духе пушкинских эпиграмм, жест художника получил широкий резонанс и надолго запомнился современникам*.

^{*} В 60-е годы в частном письме Безвиконный так комментировал ситуацию: «Мне пришлось в газете «Viaţa Basarabiei» отпечатать своего рода интервью с Ст. Чебаном, как бы защищая Пушкина, потому что мерзавец Чуперка, изгадивший надпись на памятнике Пушкину, был в состоянии запретить вообще чествование Пушкина». Приведено описание карикатуры Мичу-Николаевича за подписью «Прежде и теперь», изображавшей «Чебана-собачку на задних лапках, а в 1937 году – на трёх ножках отливает на памятник Пушкину». (Цитата по источнику: Фомин С.В. «Пером и мечом сотруждаяся...» Кишинев. 1990, с. 87).

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ОЛЬГА ГАРУСОВА / 117

Важные исторические свидетельства почитания поэта в прошлом исчезли в 1924 году, когда сгорела Пушкинская аудитория, а улица Пушкина была переименована в улицу имени румынского короля Кароля I; именем поэта был назван Инзовский переулок.** В 1936 году комиссия муниципального совета, озаботившись целью «придать городу национальный характер», предложила переименовать уже «нынешнюю Пушкинскую улицу»...

В тягостной, душной атмосфере тех лет пушкинский юбилей 1937 года явился символическим «ответом» бессарабской интеллигенции на притеснение русской культуры в крае. Возможность открыто выразить любовь к Пушкину, поделиться своими мыслями и чувствами, ощутить соборное единение с соотечественниками в разных концах света осознавалась русской общественностью живительным и, как это скоро обнаружилось, последним «глотком свежего воздуха»...

ЛЕОНИД ДОБРОНРАВОВ

ВЕЛИКИЙ ИЗГНАННИК

(К 100-летию приезда А.С. Пушкина в Кишинев)

Но если, обо мне потомок поздний мой Узнав, придет искать в стране сей отдаленной Близ праха славного мой след уединенный — Брегов забвения оставя хладну сень, К нему слетит моя признательная тень, И будет мило мне его воспоминанье.

А. Пушкин. «К Овидию».

Люблю я бродить в городском саду в те пустынные часы, когда здесь почти никого нет, в этом уголке, у памятника Пушкину. Неуклюжая фантазия посредственного скульптора превратила его в надгробный монумент с печально опущенными завитками колонны, каких много расставлено на старых кладбищах Александро-Невского братства. Особенно ужасны невысокие гранитные столбики, окружающие монумент, соединённые толстой чугунной цепью. Чем-то безнадежным веет от них. Быть может, автор памятника хотел символически изобразить годы кишиневской неволи? Сознаюсь, предположение мое шатко и ни на чем не основано. Да, конечно, так.

Но все же мил мне этот памятник с его золотой надписью: «Здесь лирой северной пустыню оглашая, скитался я...». Мне мил этот памятник теми чувствами, теми думами, которые вызывает он, грустно-радостными, чем-то успокаивающими, с чем-то примиряющими... Здесь некогда жил он, бродил, быть может,

^{**}В прессе переименование оценивалось негативно. К примеру, Ф. Инкулец в газете «Наша речь» в 1933 году так характеризовал инициаторов тотального изменения городской топонимики: «Восседавшие во временной городской комиссии, с таким легким сердцем вычеркнувшие улицу Пушкина, понятия не имели, кто таков был Пушкин, а о том, что этот мировой гений (слушай, бре, а что такое – гений?), жил и творил в нашем городе, любил молдован и вдохновлялся из местного фольклора – и подавно». А кишинёвцы называли улицу по-прежнему – Пушкинской.

там, где я сижу теперь, бродил, тоскуя и вспоминая... «Минуты хладной скуки...». Здесь, в заточении жил он, бог нашей поэзии, наш великий предок и учитель.

В смутные тягостные дни, когда так тягостно на душе, люблю я посидеть одиноко возле этого памятника, одиноко погрустить и помечтать, вспоминая «иную жизнь и берег дальний». И чудится мне порой, что среди ветвей витает его приветливая тень, навевая грустное успокоение и горестную отраду. \...\ Сто лет прошло с тех пор. Но то время так живо в моем воображении, как будто был я свидетелем его.

Неблагодарное тупое кишиневское потомство не сохранило память о нем. Где пушкинский музей? Где реликвии пребывания его в этом городе, ничтожеству которого он даровал вечную жизнь, соединив его со своим именем? Где воспоминания о нем кишиневских современников? Их нет. Нет благоговейной традиции почитания поэта. Оттого так мало сохранилось данных о пребывании Пушкина

в Кишиневе и эта полоса его жизни — наиболее скудная страница его биографии. Впрочем, поэт сам хорошо ценил Кишинев. Через пять месяцев, покинув этот город, он пишет Ф.Ф. Вигелю «Проклятый город Кишинев...».

Кишинев всегда жил только в свою утробу, интересы ея ценил выше всего и потому он так духовно беден, неинтеллигентен и бессодержателен. Это один из самых унылых городов. Любопытная черта. В письмах Пушкин почти не касался Кишинева.

Кишиневский период имеет огромное значение в творчестве Пушкина. \...\ По контрасту со смиренным, тихим, сонным, солнечным югом пред ним оживают картины севера и только тот, кто сам испытал, сам пережил это, может понять всю мучительную радость, горькое наслаждение и отчаянье таких воспоминаний. Они неизгладимы, они неистребимы.

Кишинёвский памятник поэту. Снимок межвоенного периода

\...\ Какой-то невыразимой тоской звучат его поэмы — «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Цыганы», написанные в кишинёвской неволе или навеянные ею. \...\ Какой мольбой звучат его слова, обращённые к Гнедичу: «Пожалейте обо мне: живу между гетов и сарматов; никто не понимает меня; со мною нет просвещённого Аристарха; пишу как-нибудь, не слыша ни оживительных советов, ни похвал, ни порицаний»! Надо самому пережить то же самое, чтобы понять эту ужасную тоску. Какой мучительной болью отдаётся каждое пушкинское слово!

Бессарабия. 1920, 6 августа.

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 / 119

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

КИШИНЁВСКАЯ ВЕСНА

Воображаю, как вишнево
И персиково здесь весной
Под пряным солнцем Кишинева,
Сверкающего белизной!
Ты, Бессарабия, воспета
Ведь солнцем Пушкина, и без
Сиянья русского поэта
Сияние твоих небес —
Пусть очень южных, очень синих Могло ли быть прекрасным столь?
Итак, с голов мы шляпы скинем
И скинем с душ тоску и боль,

Ежеминутно ощущая,
Что в беспредельности степей
С цыганами, в расцвете мая,
Скитался тот, кто всех светлей,
Кто всех родней,
Чье вечно ново,
Все напоенное весной
Благое имя, что вишнево,
Как вышний воздух Кишинева,
Насыщенного белизной!

Кишинев. 1933, март, 13.

ЭМИЛИЯ ЧЕГРИНЦЕВА

Проклятый город Кишинёв... А.Пушкин

Лошадям и извозчикам снятся хруст овса и прохладный трактир. Небо – мелко кистями акаций разрисованный кашемир.

На базаре под градом наречий помидоров краснеют ряды, и в пыли – потерявшие плечи желтоватые головы дынь.

Духота наступает на город стороной кукурузных полей, вечер рдеет над старым собором, над молчаньем зачахлых аллей.

И поэт покидает свой цоколь; не касаясь земли башмаком, он идет, как всегда, одинокий, горевать в губернаторский дом.

И в змеином, зелёном объятье виноградников и садов от бессильных и давних проклятий залыхается Кишинёв.

Газета «Меч», Прага. 1936, 8 ноября (Цит. «Скит». Прага.1922-1940. Антология, М. 2006).

120 \ PYCCKOE ΠΟΛΕ 1/22/19

Страница из журнала «Золотой петушок», 1934 год, №№2-3.

Ев. Кискевичъ.

АМЕРИКА.

Пестра и просторна, какъ Русь, По же:ткимъ бетопомъ покрыта. За прочностъ твою я боюсь, Америка, міръ динамита!

> Твоя молодая лемля Растить трактора и комбайны, По стануть безилодны поля, Иншенныя Слова и Тайны.

Ты лолотомь руки багриць, И танцами чрево кольшень. Послушай полночную тишь! Но ты ничего не услышишь:

> Такъ шумны ночные порты, Такъ дешево въчное время, И все такъ полезно. Но ты Снесешь ли обманное бремя?

Ты пишень ликовы пожомь, Гримисы по библік корча. По слушай — шебя ужь крыломь Касается русская порча:

> Ты споро полюбить мечтать, Узнаешь тоску и востории... Скорпье же!—Надо кончать Разгуль затянувшихся оргій.

Забрось от подваловь ключи, Бакь нищая, сядь, какь блудница. Смирись и не смъйсн — молчи, Пока не сумпешь молиться!

Бълградъ 1932 г. El. Runslura

О. Мими-Вноровская.

КИШИН<u>ЕВ</u>СКОЕ.

Пьють молча чай вь саду, вь тыни, старушки, И самоварь поеть, сверкая мыдью щегь. На бълой скатерти, въ корзинкь, горкой, сушки, И въ хрусталь варенья алый сокъ.

Звенить въ вътвяхъ густой душистой липы Мухъ-хлопотухъ восторженная рать. Калитки ветхой горестные всклипы Моминіе не смогутъ отогнать.

И и войду смиренной невидимной И стину въ сънь блаженной тишины, А въ синевъ растають легной дымной Суеть и дней навлящиные сны. Прилънуть къ ногамь петуны и левкои, И розанъ поцълуеть мнъ лицо... И кто-то, вдругь, постышною рукою Калитки повернетъ заржавое кольцо.

И видрогнуть молчаливыя старушки, И внучкь принцуть, что пришель сосьдь. И улыбнется внучка:— "днаю, Пушкинь, Влюбленный шалунишка и поэть".

Кишиневъ. 16 Іюня 1934.

Oura Munu Bropolessas

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

ДИАНА ФЕДОРОВИЧ

Ей 16 лет. Живёт в Тирасполе. Член Молодёжного творческого объединения «Студия «Автор». Окончила художественную школу. Лауреат многих литературных конкурсов в Приднестровье. Дебютная публикация стихотворений Дианы — крымский журнал «Доля». Знаковое для неё событие это произошло недавно.

Любимые поэты — Иосиф Бродский, Михаил Лермонтов, Александр Грибоедов, Владимир Маяковский, Роберт Рождественский.

Увлекается написанием прозы. Свой первый сборник рассказов под названи-

ем «Ветер без имени», выложенный в Интернете, оформила сама. В стихи умеет вдохнуть душу, кропотливо подбирает рифмы и шлифует строки. Строга к себе, внимательна к критике и отзывам.

Вдохновляется историей, легендами, природой и людьми.

«И ВСЁ СИЛЬНЕЙ ЖЕЛАНЬЕ ЖИТЬ...»

Я УМЕЮ ЧИТАТЬ ПО ГУБАМ

Я умею читать по губам – Наилучшее в мире искусство. И порою подобны рабам Наши страсти, желания, чувства.

По словам на конце языка Можно много разведать о жизни. Мне легко, когда губы слегка Отражают далёкие мысли.

Мне легко по губам замечать Те слова, что мы копим по штучке. У кого-то – пятьсот двадцать пять, У кого-то – одно на «беззвучке».

«Ненавижу», «Заткнись», «Подожди», «Как мне жаль», «Извини», «Убирайся», «Ты мне скучен», «Меняйся», «Уйди», «Я люблю тебя», «Хватит!», «Останься».

И сказать их, увы, не судьба, И всю жизнь мы должны лицемерить. Я умею читать по губам, Но совсем не умею им верить.

ОН СЕГОДНЯ КО МНЕ ПРИШЁЛ

Он сегодня ко мне пришёл, Он мой дом заключил в объятья, Месяц май в расцветающем платье. Он сказал: «Будет всё хорошо».

Он сегодня прогнал дожди, Он монеты бросал в колодцы, Месяц май, поцелованный солнцем. Он сказал: «Только лучшее жди».

Он сегодня пел о любви, Он кормил голубей на крыше, Месяц май в аромате вишен. Он сказал: «Расцветай и живи».

АКРОСТИХ

А он странный. Он прячет за пазухой солнце, В старой шапке-ушанке – луну. То бураном ворчит, то капелью смеётся, Осквернив, обличив тишину. По утрам из карманов жемчужные звёзды Осыпаются бледным дождём. Почему из салона тот утренний воздух Ускользает, теряется днём? Тихо едем в рассвет. Убаюканный ветром, Чудотворец бормочет в ладонь... И за пазуху спрятал бы я километры, Как попутчик мой – солнца огонь...

не спится

Этой ночью мне что-то не спится, Нет чужбине начала и края. Наши хмурые, ветхие лица Освещает луна дождевая. Перед сном помолюсь я Святому За здоровье любимых. Так нужно. Очень скупо, почти незнакомо, Пахнет камнем — чужим и бездушным. Вы не помните край наш, ребята? Ведь не здесь я родился и вырос. Дом далече... Где воют Карпаты, Где вздымается волнами Тирас. Помню травы, как луч, золотые, Терпкий запах лесов вспоминаю... Лица светлые и молодые Освещает луна дождевая.

КАМНИ НЕ ПЛАЧУТ

Хоть время, хоть пламень, Но камни не плачут. Я верю, ты камень – Никак не иначе. Ты камень, лежащий В пыли под ракитой. Ты камень, уставший И всеми забытый. Где дремлют гадюки, Лежишь молчаливо. Возьму тебя в руки. Под небом дождливым Ты тёмен и мрачен, Царапаешь кожу. Но камни не плачут, А значит, я – тоже.

Затянутся раны, Росою омыты. За мною – туманы И сон ядовитый. За мною – дожди И подлунные зори. А там, впереди, Только небо и море. Сквозь время и пламень, Увы, всё больнее Нести тебя, камень, Но плакать не смею. Ведь камни не плачут. И в почве могильной Не плачут. А значит, И я буду сильной.

МАТАДОРА НЕ ЖАЛЬ

Бычья кровь, раскалённый песок, Громкий говор и алчные взоры. Тело мёртвого зверя у ног Смертно раненого матадора. Зверь, мне жаль. На минуту одну Умерла я с тобою. Но встану, К бездыханному телу прильну, Поцелую кровавую рану. Матадор, не смотри в небеса, Будто солнце — твоя лишь награда. Вспомни бычьи большие глаза, И мольбу в них: «Не надо... Не надо...».

СМЕРТЬ ПАНА

Где-то в роще играл на свирели Бог-сатир, козлоногий бес. А в дубравах баллады старели, И старел вместе с ними лес.

Осыпается, крошится мрамор, Зарастают колонны плющом. Мы вернулись в безлюдные храмы, Пряча лица, тела под плащом. Здесь когда-то звенели кифары, Но теперь тишина, тишина... Помнят храмы грабёж и пожары, Позабыв ароматы вина... И рыдают леса тихой ночью, Словно нет им покоя от ран. Ведь когда-то сказал один кормчий, Будто умер великий Пан. И покрытые пылью руины Умирают не первый год. Шли мы лесом, и в гордые спины Дул нам ветер, толкая вперёд. Мы молчали. Баллады не пели, И молчал вместе с нами весь мир. Этим утром играл на свирели Козлоногий и пьяный сатир.

МОРЕ НАД НАМИ

Друг мой, ты спишь? Нет, всё в порядке – Плотно закрыта дверь. Тихо крадётся сон терпкий, сладкий,

Чайки замолкли, тёмные волны Что-то своё шелестят. Тихо, устало, печально и сонно, Будто они грустят.

Тихо, как дикий зверь.

Блещут в каюте, в заросшем камине Камни в янтарном огне. Тихо и грустно. Ты что, весь синий? Или привиделось мне?.. Камни, ракушки лежат под ногами, Волосы все в песке. Море над нами колышет волнами, Будто оно в тоске.

Плавают рыбы, шурша плавниками, Их чешуя – зеркала. Хочешь, погладь аккуратно руками Хрупкие их тела.

Ночью приносят кусочки коралла Волны к сухим берегам. Но ведь кусочки – это так мало, Мало людским рукам. Дело ли – здесь, под водою солёной Много коралла вокруг! Что же ты тихий, как море, сонный? Что ж ты молчишь, мой друг?

Не отвечаешь. Не дышишь, как люди, Скучно мне в море одной. Море шумит, но никак не разбудит, Тех, кто уснул под водой...

В бухте глубокой нашла себе друга – Взгляд неживой, как металл. Шею верёвка опутала туго, Ты, словно рыба, молчал.

Вижу – ты к камню зачем-то привязан, Вниз головою висишь... Мне ты своею свободой обязан, Что ж постоянно молчишь?!

Эти ракушки, кораллы и злато, Скалы в узорной резьбе, Этот корабль, затонувший когда-то, – Всё подарю я тебе!

Ты не моргаешь, а мелкие рыбки Прячутся в тёмных кудрях. Нет на лице твоём бледном улыбки: Людям тоскливо в морях...

ОСЕНЬ

Я осенью влюбляюсь в листья, В забытый богом дикий сад... Я проживу остаток жизни, Ни разу не свернув назад.

Сидеть на крыше мёрзлым утром, Смотреть, как гаснут фонари. И окна с блеском перламутра Пусть отражают цвет зари...

И в пять часов встречать рассветы, И слушать сонных голубей... Читать стихи, писать портреты Давно забытых мной людей.

А утром холодно и мёрзло, И долго хочется бродить... Я солнца жду, а небо звёздно, И всё сильней желанье жить.

жить одному

Жить одному просто отлично. Вос-хи-ти-тель-но.

Но однажды появился он. Он был упрям. Наверное, я никогда не встречал в своей жизни более упрямого человека, чем этот. Такой длинный, тонкий, тихий человек. Очень упрямый. Я именно таким его и запомнил.

С самого первого дня я его назвал Высоким Человеком – он был просто невероятно велик, пусть и тонок. Я лично видел, как лбом он задевал стекляшки, повисшие под потолком, как при этом глупо охал и потирал лоб.

 Нужно будет купить новую люстру, – говорил он и тут же забывал о своих же словах.

Он вообще был очень странным. Он одевался в тёмные одежды. Заглянешь, например, в карманы пальто и пропадёшь в них — такими глубокими казались карманы, хотя из них всегда пахло чем-то очень вкусным. Кажется, сухарями — я видел, как Высокий Человек на прогулке доставал и грыз твёрдую, как камень, горбушку. Порой он пытался угостить меня, но я не доверял ни Высокому Человеку, ни его тёмным, бездонным карманам. Ни разу я не брал сухарей с тонких бледных рук Высокого Человека.

Он был тихим. Очень тихим. Когда Высокий Человек сидел за своим столом и что-то писал, в комнате было слышно только тиканье старых пыльных часов. Изредка летом в открытое окно залетала муха. Она летала по комнате, садилась на книги, на потрескавшиеся рамы картин, на циферблат часов и жужжала, пела о цветущем за окнами лете. Когда мне это надоедало, я её ловил, и в комнате снова становилось тихо. Только тиканье часов и редкие вздохи Высокого Человека.

Да, Дом его был таким же странным. Я навсегда запомнил тот день, когда Высокий Человек меня, злого и упирающегося, привёл в своё жилище.

- Это мой дом, - улыбнулся он, снимая свое тёмное пальто. - Теперь и ты тут будешь жить...

С самого первого дня я понял, что Дом этот не просто бездушная рухлядь, а что-то живое – такое же живое, как я. Скрипящие половицы, цветущая на подоконниках герань, летающая в воздухе пыль, ворчливые шкафы и эти паршивые, просто отвратительные часы... Весь Дом был живым, и он был таким же, как и Высокий Человек – грустным, тихим, бессмысленным.

Мой Человек очень любил книги. В первый же день я разорвал одну из них, и он долго скулил над ней.

– Это плохо. Ты плохо сделал, – тихо говорил он мне. – Плохо.

Я думал, что Высокий Человек шлёпнет меня газетой по носу. Выгонит меня на улицу. Кинет в меня этой разорванной книгой. Разозлится так же, как другие. Но нет. Высокий Человек был странным. Он даже не накричал на меня. Он дал мне еду, и весь вечер Дом пах клеем. К утру разорванная книга была совсем новой, и Высокий Человек, попытавшись погладить меня, вышел со мной на раннюю прогулку.

Наверное, этот Человек – ходячая загадка. Сколько бы я ни рвал его книги и шляпы, сколько бы ни грыз ножки стола и его башмаки, Высокий Человек ни разу не ударил меня. Он говорил только одно слово: «Плохо».

Я знал много людей, и ни один из них не был настолько упрям, как этот, высокий и тонкий. Меня выгоняли за помеченный угол, порванную перчатку, прокушенную руку, но Высокий Человек терпел всё.

Проигрывать ему в упрямстве я не желал, ведь знал: наступит момент, когда Высокий Человек не выдержит и покажет истинное лицо. Я упрямо пакостил. Я не любил этого Человека.

Он был таким же гадким, как и прежние люди, даже когда он отдавал мне самый вкусный кусочек, даже когда выходил со мной на утренние морозные прогулки и потом долго кашлял в постели.

Однажды Высокий Человек ушёл и не вернулся. Признаюсь, я его ждал, но лишь затем, чтобы он дал мне еду. Весь вечер я слушал, как плачет Дом, стук дождя в окна почти заглушал тиканье противных часов. Я уснул на холодной постели Высокого Человека, точно зная — завтра этот чудак вернётся и продолжит писать.

Но на следующий день Высокий Человек не появился. За ночь Дом будто умер — из него пропала та жизнь, которая совсем недавно пугала меня. Я видел, как умирали собаки, кошки и люди, но как умирали живые дома — никогда. Шкафы перестали ворчать, герань завяла, потемнела. Пылинки не кружили на солнечном свету, за окнами раскинулись серые тучи, вот-вот снова застучит дождь. Не надо дождя... В любой другой день я бы лаял, но тем утром я сидел под столом и глотал горячие слюни от голода. Я просто понял три истины, которые раньше никогда не случались. Во-первых, Дом умер. Во-вторых, ненавистные часы затихли вместе с Домом. В-третьих, из Дома совсем пропал запах Высокого Человека.

Днём пришли чужие люди. Страшные, грубые, они принесли новый запах — тот самый, который я ненавидел всю свою жизнь. Я знал, откуда пришли те люди и зачем они явились в Дом Высокого Человека. Клетки, холод, безвкусная пища, равнодушные лица и много, много собак...

- А ну-ка иди сюда, приятель... Какой уже раз ты возвращаешься в приют? Шестой?

Я не успел попрощаться с затихшим Домом. Не помню, брыкался или нет, но прокусить одному руку я успел. Меня связали и увезли. Я знал, что этим всё и закончится, как и всегда. У меня никогда не было ни дома, ни собственного человека – все люди отказывались от меня.

Теперь моим домом снова была клетка. Снова по ночам было холодно. Бродяжки, такие же, как я, визжали по ночам, и я вдруг понял, что этот шум просто не могу переносить. Не было блаженной тишины. Не было в миске сочных кусочков мяса, а клетки не пахли ни книгами, ни геранью. Интересно, Высокий Человек вернулся в Дом? Оживил его? Напоил цветы, починил часы?.. Я всё равно верил, что жить одному просто отлично. Вос-хи-ти-тель-но. Только чем дольше я сидел в клетке и смотрел на проходящих мимо людей, тем сильнее я хотел впервые взять с рук Высокого Человека твёрдую, как камень, горбушку. Не потому, что хотел есть. Не потому.

День ото дня жить одному становилось всё сложнее и сложнее. Я уже не вставал на лапы, спал круглыми сутками и к полу, наверное, совсем прирос. Никто не пытался меня обучать командам и гладить. Люди, которые искали себе собаку, обходили мою клетку стороной – и в самом деле, зачем им взрослый, страшный, агрессивный пёс, поменявший уже шесть домов!.. Что ж, я добился того, чего так

желал – я один, меня больше никто не предаст, только счастья это почему-то не принесло...

- ...Может, вам все-таки подыскать другую собачку? Этот слишком злой... На всех бросался раньше...
- Нет. Мне нужен именно мой пёс, которого месяц назад забрали. Меня выписали из больницы, понимаете? Я вернулся за своей собакой.

Дверца клетки отворилась. Лёгкая ладонь легла на мою голову. Она была тёплой, пахнущей чернилами и геранью. Лицо Высокого Человека было бледнее и тоньше обычного, но я никогда не видел на нём такой счастливой улыбки. Я не знал, что за чувство переполняет нас с Высоким Человеком, одно на двоих, но единственное, что понял: этим утром в нас обоих что-то изменилось. Я просто понял, что не осталось больше сил жить одному. Мне нужен Высокий Человек. И его живой Дом. И долгие прогулки. И тикающие часы.

Высокий Человек, кажется, понял меня.

– Я скучал. Идём домой.

ПРЯТКИ

Прошло одиннадцать дней с тех пор, как маленькое лохматое существо, именуемое Мальчиком, явилось в мой лес. На двенадцатый день Мальчик появился на Поляне пеньков и сказал мне:

– Сегодня мы будем играть в прятки.

Интересно, что такое «прятки»? Как я понял, это новая игра. В чём она заключается, представить сложно: Мальчик велел мне закрыть глаза и досчитать до десяти. К счастью, он за эти двенадцать дней научил меня цифрам.

Раз. Мальчик куда-то побежал. Я слышал удаляющиеся шаги и хотел пойти следом, но этого вроде как делать было нельзя. Нужно было считать до конца. Два. Шаги лохматого Мальчика стихли. Три. Южный ветерок принёс запах фиалок и хвои. Люблю фиалки. Пять. Кто-то заскрёбся на ветке соседней сосны. С добрым утром, белка. Шесть. Кажется, я пропустил одну цифру, но Мальчика рядом нет, поэтому можно продолжить счёт. Семь. Запахло орехами. Белка завтракала и не делилась... Может, потом попросить её? Восемь. Южный ветерок сказал, что жадная белка уронила орех в траву. Точно знаю, что это он скинул, проказник. Девять. Лес начал просыпаться. Запел в глубине рощи соловей. Десять. Рядом совсем не пахло Мальчиком. Он до сих пор не вернулся.

Я открыл глаза. Да, Мальчика рядом не было. Куда он ушёл? Его снова позвали в странное место «домой», где пахнет дымом, молоком и странными рогатыми животными? А как же тогда наша игра? Он не мог уйти и не попрощаться. Мальчик, как и «домой», пах молоком, а ещё хлебом — мягким и вкусным. Южный ветерок уже унёс эти запахи, но, думаю, если походить по лесу, можно снова его встретить. Как говорит старая волчица, запах — это след.

Но лес пах лесом. Просыпались травы и цветы, небо было ещё тёмным, но кое-где, сквозь лесной полог, проникали лучи восходящего солнца. Игривыми зайчиками они прыгали по камням и пышным папоротникам. Люблю зайцев – и солнечных, и обычных, серых. Серые смешно умываются, но общаться с ними сложно. Лучше со стороны наблюдать.

Над головой ухнула сова, сидящая на дубовой ветке. Я уже хотел спросить её, не видела ли она одно лохматое существо с именем Мальчик, как сова закрыла глаза и отвернулась от меня. Я пожелал ей доброго утра и пошёл к озеру. Теперь пахло не только травами, но и илистой водой. Камыши приветственно зашелестели, когда я показался на берегу, а круглые блестящие глаза лягушек выражали страшную скуку. Они были сонными и угрюмыми, и что-то мне подсказывало, что Мальчика они сегодня не видели.

Где же Мальчик? Вдруг он встретил старую волчицу? Старой волчице не нравятся эти лохматые существа, боюсь, она и Мальчику не обрадуется.

 Лучше прогони его из нашего Леса, Дух, – говорила она накануне, когда я ловил у Озера рыбу, а она грелась рядом на солнышке. – Это существо принесёт только хаос, попомни мои слова.

Что такое «хаос», я не знал, но слово было красивым. Когда я сказал об этом старой волчице, она назвала меня дурнем. Я не обиделся, так она называет каждого. Старая волчица была ворчливой. Я привык к ней, а она, вероятно, привыкла ко мне. Я время от времени играл с её волчатами и вычёсывал из её шерсти колючки, когда она дремала после охоты. В ответ она мне потом рассказывала новые истории.

Южный ветерок пожалел меня и принёс заветный запах молока и хлеба. Он вёл в сторону соснового бора. Надеюсь, Мальчик там. Угас запах ила и фиалок. В сумрачном бору пахло смолой и хвоей. Сосны-великаны молча ловили солнечных зайцев в свои колючие лапы. Великаны любили сумрак, они были гордыми и могучими и на мой вопрос ответа не дали. Исчез запах хлеба, вместо него скользнул сладкий ягодный аромат.

Стало страшно. Где ты, странное лохматое существо, где твоя яркая нелепая одежда, где твой смех? Может, ты заблудился? Может, упасите боги, встретил хромого медведя или одноглазого волка? Я уже хотел бежать за подмогой, как откуда-то снизу донёсся плач.

Это был Мальчик. Он сидел неподалёку, в овраге, и скулил, как волчата старой волчицы. Когда я окликнул его, он поднял на меня взгляд и улыбнулся. Его лицо было измазано земляничным соком, и сам Мальчик пах сладко, не хуже фиалки.

- Почему ты так долго искал меня? - спросил он. - Я ждал тебя, ждал, мне стало скучно, я начал играть... И упал. Вот сюда. Ты меня вытащишь?

Вздохнув, я кивнул. Не впервой уже. Я ухватил его за одежду и потащил наверх. Мальчик долго отряхивался, приговаривая, что его прибьют. Где? Там, где «домой»?

– Ну ты и неосторожный... – сказало только что сидевшее в овраге существо. – Чуть кофту не порвал, прибьют же... Ай, ладно! Я тут такую поляну с земляникой нашёл! Идём быстрее!

Сосны-великаны неодобрительно косились на нас свысока. Лично я знал каждую ягодную поляну в своём лесу, но всё равно пошёл за Мальчиком. Он уже забыл и про овраг, и про «прибьют», лишь вёл меня по знакомой тропинке и болтал о землянике.

Я так и не понял смысл слова «прятки», но поклялся, что больше Мальчик не уговорит меня играть с ним в эту странную игру.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

Где-то в Океане дремлет укутанный Туманом Остров. Он угрюмый, молчаливый и безжизненный. Холодные волны Океана целуют его гордые скалы, северный Ветер склоняет к камням чахлые, голые деревья... В небе смеются чайки, к скалистым берегам никогда не приходят корабли, потому что полуразрушенный Маяк давно позабыл тепло огня.

Но Остров не одинок. На нём живёт человек.

Опираясь на крючковатую трость, брёл Смотритель Маяка. Ноги то и дело цеплялись за камни и сухие корни, и Смотритель спотыкался. Ни единого чертыханья не выпускали плотно сжатые губы. Ровно час и двадцать минут тратилось на обход Острова. Ровно час и двадцать минут — рано утром и поздно вечером — Смотритель шёл, пошатываясь, навещая самые холодные, самые тёмные и самые забытые уголки Острова. Ровно час и двадцать минут Смотритель Маяка вспоминал, куда он идёт и что ищет, пока не возвращался к той точке, из которой начинал свой путь.

Теперь он шёл по тропинке вверх по скале – к полуразрушенному Маяку, и жестокий Ветер играл с полами порванного пальто, принося запах морской воды, ила и рыбы. Когда Ветер начинал трепать седую, помятую бороду, Смотритель прогонял его судорожными взмахами руки. Тогда Ветер улетал к Океану, чтобы подбрасывать к небу холодные волны.

Смотритель был похож на полуразрушенный Маяк — они оба были старыми, молчаливыми и одинокими. Порой Смотрителю казалось, что Маяк разговаривал с ним скрипом дверей и половиц, задавал вопросы, на которые старик не знал ответа. «Почему во мне нет огня?» — спрашивал Маяк, и Смотритель молчал. «Зачем я здесь нужен?» — продолжал допытываться Маяк. И снова не было ответа.

Смотритель переступил порог и закрыл за собой дверь. Отдышался, прислонил трость к стене. Он не стал снимать пальто, лишь плотнее укутался в него. Прошли те времена, когда в камине щедро пылал огонь, теперь Смотрителю было тяжело раздуть и жалкий искристый язычок пламени.

Он наклонился, прощупал поленья, вздохнул – тяжко и устало.

– Сырые, – проскрипел он и чуть вздрогнул, услышав свой голос.

Он всегда вздрагивал – голос давно уже потерял и детскую мелодичность, и юношескую звонкость, и взрослую твёрдость – осталась лишь старческая скрипучесть, незавидный пожилой дар. С тех пор, как девять лет назад его хромого пса завалило камнями, Смотритель Маяка редко говорил. Некого было позвать, окликнуть, попросить принести упавшую удочку. Только иногда перед сном старик перекидывался словечками с Маяком, но на утро он напрочь об этом забывал.

Остров менял Смотрителя: с каждым годом на жёлтом, обветренном лице появлялось всё больше морщин и пятен, с каждым годом всё меньше становилось волос на макушке. С каждым годом старик становился всё тоньше, и Ветер клонил его к камням, как чахлое деревце.

Пойти бы нарубить сухие хорошие дрова... Да где такие сыщешь? Вот уже несколько дней Туман не выпускал Остров из своих объятий, а Ветер не спешил его

прогонять. Туман был коварен и бессердечен, подслеповатые глаза Смотрителя и так видели плохо, как сквозь грязное стекло, а теперь не мудрено было и упасть, повредить ногу. Лучше остаться в Маяке.

Маяк пах деревом, пылью и стариной. Когда-то здесь воняло мышами — но зерна, ткани и книг в Маяке не осталось, как и самих мышей — им, наверное, больше нечем было питаться или замёрзли до единой. Давно это было, и мышами в Маяке давно уже не смердело. Правда, легче от этого Смотрителю не становилось. Ни собаки, ни мышей — только он, Маяк, Остров и Океан. Высморкавшись в рукав и подобрав ржавый топор, старик побрёл к выходу. Нет, нарубить дров надо. Нужно было хоть чем-то себя занять. Маяк снова начал чтото скрипеть, но Ветер за дверью смеялся громче, и разобрать очередной вопрос полуразрушенного Маяка Смотрителю не удалось.

Маяк стоял на самом краю отвесной скалы Острова — самой большой, самой тёмной и гордой из всех. Если бы не Туман, отсюда был бы виден весь крохотный Остров, который Смотритель Маяка дважды в день обходил ровно за час и двадцать минут. В сером угрюмом небе кричали чайки. У горизонта они парили над волнами, надеясь, что Океан расщедрится и выкинет им стайку летучей рыбы. По вечерам чайки осыпали скалы Острова, и Ветер пел им что-то невероятно тоскливое, что понимали только они, чайки.

Жилистые руки Смотрителя дрожали. Сначала со стуком упал на камень топор, потом – крючковатая трость. Что это было там, на горизонте? Почему чайки кричали громче обычного, почему Океан так яростно хлестал волнами скалистый Остров? Что это? Неужели, это тёмное пятно в тумане было кораблём? Неужели сейчас подслеповатые глаза Смотрителя видели то, о чём он даже не мог вообразить?..

Это был корабль... Он был так близко! Но в Тумане он не заметит Острова... Надо зажечь Маяк! Нужен был огонь, сигнал! Смотритель шагнул вперёд, а руки его по-прежнему дрожали.

«Почему во мне нет огня?» – спрашивал Маяк. «Зачем я здесь нужен?» – скрипел он.

Смотритель сделал ещё один шаг. Глазам стало мокро, взор помутился. Смотритель не почувствовал боли в ноге, споткнувшись о камень на краю скалы, а крик застрял в горле, когда Ветер пытался словить его на лету, свистя в ушах. Смотритель слышал, как вслед что-то скрипел Маяк. Он чувствовал молчаливый и скорбный взгляд Острова, холодные объятия древнего Океана, который взорвался миллиардом солёных брызг. Там, над Океаном, кричали чайки...

Где-то в Океане дремлет укутанный Туманом Остров. Он угрюмый, молчаливый и безжизненный. Холодные волны Океана целуют его гордые скалы, северный Ветер склоняет к камням чахлые, голые деревья... В небе смеются чайки, к скалистым берегам никогда не приходят корабли, потому что полуразрушенный Маяк давно позабыл тепло огня.

Остров одинок. На нём уже никто не живёт.

132 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

живопись

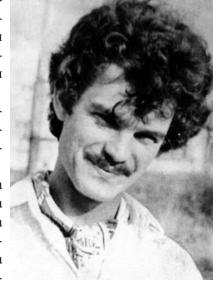
СЛОВО ОБ ОТЦЕ, ИЛИ О ТОМ, КАК НЕ СЛОЖИЛАСЬ ЛЕГЕНДА...

Одно из самых ранних воспоминаний детства – большая картина на стене в маленькой комнате и стойкий запах масляных красок, растворителей, больше присущий творческой мастерской, нежели квартире, где растёт светловолосая

сероглазая девочка. Детское восприятие всплыло много лет спустя, когда на одной из республиканских выставок школьница с косичками вдруг узнала то самое полотно, что так настойчиво привлекало внимание своими огромными размерами и тёмными, тревожными красками.

Как уже стало понятно читателю, сероглазая девочка с косичками — это я, Полина Коломеец, дочь художника и педагога Бориса Владимировича Коломейца.

Взрослеющей мне всегда была удивительна та разница впечатлений от картин отца сначала в доме, потом в долгожданной мастерской и на выставках или в каталогах. Но это уже из области серьёзного восприятия искусства. А пока девочка росла, и невдомёк ей было, что когда-

нибудь придётся устраивать посмертную выставку отца и писать о нём, находя особенно добрые слова, которые при жизни не так уж часто радовали его душу. А отец безоглядно любил искусство, разрываясь между живописью и другим, не менее любимым занятием – обучением студентов.

У папы было трудное детство. Рано оставшийся без матери, дитя войны, он в суровые годы лихолетья потерял руку. Однако это не озлобило его, не изуродовало ему дальнейшую жизнь. Кто знает, откуда взялся талант у мальчишки, ведь в его семье никто не занимался искусством. Но факт остаётся фактом. После окончания школы в Дубоссарах он попадает в Кишинёв, в единственное тогда учебное заведение, обучающее рисунку и живописи — Художественное училище имени Ильи Репина. Ростислав Окушко, Иван Хазов, Иван Ершов, Александр Григораш, Кир Роднин, Ада Зевина — вот неполный перечень тех мастеров, кто тогда там преподавал. А потом был факультет живописи Харьковского художественно-промышленного института. И возвращение в свой город, в стены родного училища,

"Победа!" (1977)

где ему предстояло работать ровно 30 лет, преподавая живопись и рисунок. Среди его учеников много известных художников, которые до сих пор гордятся своим педагогом, не сомневаясь: постижением основ подлинного мастерства они обязаны именно учителю. Он всегда умел разглядеть талант в первых несмелых рисунках своих учеников, вовремя посоветовать заняться тем видом или жанром искусства, в котором их способности проявились бы в лучшем виде. Разные поколения его студентов рассеяны по всему миру. И как

приятно и трогательно до слёз, когда на Фейсбуке вдруг меня отыскивает какойнибудь почтенный профессор или известный художник с другого края земли и пишет: «Здравствуйте. А я учился у Вашего отца». Это дорогого стоит. Такая человеческая память ничуть не меньше сохраняет воспоминания о мастере, чем его собственные произведения.

Борис Коломеец всю жизнь удачно совмещал творческую и педагогическую деятельность. Хотя справедливости ради следует сказать, что педагогика в чёмто всё же оттеснила занятия живописью. Да, было членство в Союзе художников

Молдавии, были традиционные заказы министерства культуры, было участие в грандиозных по тем временам республиканских выставках. Но отец не выносил выскочек, не умел просить, требовать, не пробирался вперёд, расталкивая других...

Сейчас, с высоты нового времени, молодым легко с иронией рассуждать о художниках тех лет, которые отдавали предпочтение исторической или батальной живописи. Их презрительно именуют конъюнктурщиками, приводя в пример тех, кто якобы сумел остаться выше требований к искусству в те времена. А отец,

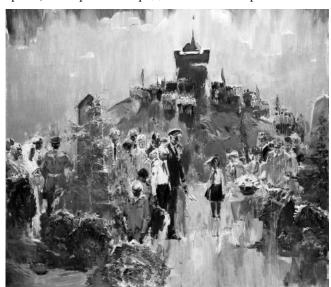

«В гостях» (1978)

как и многие дети войны, или те, кто сам в ней участвовал, кто войну знал не по страницам учебников истории, всю жизнь оставались покалеченными этими горькими воспоминаниями. И ничего удивительного в том, что это так или иначе, отражалось в их творчестве. Да и что греха таить, в искусстве советского периода военная тематика действительно весьма приветствовалась.

Начав в молодые годы с книжных иллюстраций, Борис Коломеец в дальнейшем посвятил своё творчество в основном исторической и жанровой живописи. Обращаясь к той или иной теме из истории Молдовы, Болгарии или России, художник тщательно изучал сюжет, много делал набросков и зарисовок, вдумчиво работал над композицией. Уверена, что при всём предпочтении исторической те-

матики, искусство Бориса Коломейца никак нельзя назвать конъюнктурным. Даже следуя требованиям официальной линии тематических выставок, он старался сохранять объективное восприятие материала. Будучи прекрасным рисовальщиком, в живописи он позволял себе некоторую стилизацию. Пребывая на стажировке в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Репина, в мастерской народного худож-

"По местам воинской славы" (1982)

ника СССР Евсея Моисеенко, художник нашёл в творчестве этого самобытного мастера созвучие своим стилистическим исканиям, своим взглядам на роль истории в изобразительном искусстве. Когда я училась в той же академии, мне довелось видеть отцовские постановочные рисунки обнажённых натур, которые остались там как образец прекрасного владения техникой рисунка. А влияние оригинальной манеры известнейшего ленинградского мастера, действительного члена Академии художеств СССР Евсея Евсеевича Моисеенко на живопись отца не лишили его творческой индивидуальности.

Актуальность исторической живописи советского периода в культуре постсоветской эпохи во многом переоценивается. Однако подлинное мастерство остаётся вне времени и выбранной тематики. Художник серьёзно изучал и понимал историю, стараясь писать так, чтобы его композиции выглядели подлинными зарисовками реальных исторических событий.

Однако то, чем занимался Борис Коломеец в конце 90-х годов, в корне отличается от его живописного наследия прошлых лет. В последние годы жизни художник работал в области лирического пейзажа, как в живописи, так и в графике, предпочитая рисунок. Совершенно неожиданно в нём раскрылся талант мастера малоформатного пейзажа. Он вспоминает о своих прежних увлечениях рисунком

«Бой у Леушен» (Ясско-Кишинёвская операция, 1985)

и, имея хорошую рисовальную подготовку, создаёт великолепные пейзажные этюлы.

Работы последних лет неожиданно трогательны своей мягкостью контуров, гармоничностью цветовой гаммы, искренностью звучания. Отточенность, выверенность его графических работ, смелые эксперименты в области материалов и техники, бесспорно, делают честь живописцу.

Борис Владимирович никогда не любил говорить о своих работах, о своём творче-

стве. Он мог просто показывать рисунки, наброски, этюды акварелью и маслом, пейзажи и натюрморты. И можно было бесконечно долго любоваться мощными деревьями и хрупкими цветами, сказочными формами облаков и причудливыми изгибами реки, тихой гладью озера и морскими волнами, запотевшими бокалами и яркими фруктами. Все его законченные и незаконченные произведения дышат настроением, проникнуты взглядом автора на волшебный окружающий мир, а ведь это так прекрасно, когда можно создавать произведения для души и от всего сердца.

Мастер никогда не стремился к лаврам и наградам, не старался извлечь прибыль из своего творчества, хотя его картины и рисунки присутствуют в музеях и в частных коллекциях в разных странах мира. Безусловно, любая творческая личность, будь то художник или музыкант, ждёт компетентной оценки своего творчества. Но даже если нет официального признания, настоящий мастер всё равно будет творить, создавая произведения на радость людям. Ибо у каждого художника всегда найдётся свой зритель, который поймёт, поддержит и будет счастлив своей причастностью к истинно прекрасному.

Говоря о моей будущей профессии, отец мечтал, что в семье будет «свой» искусствовед, который будет писать о нём и о его друзьях, художниках его поколения. Но не вполне сложилось. Современное искусство меня увлекало мало, тянуло больше в культуру прошедших столетий. Конечно, были какие-то газетные заметки о тех людях, которых знала с детства, кто учил меня и остался в воспоминаниях. Но, видимо, это совсем не то, чего хотел отец. Так что пусть этот монолог о художнике будет своеобразной данью прошлому. А искусство - оно вечно. И хочется верить, что память о педагоге и живописце Борисе Владимировиче Коломейце ещё долго будет жить в его картинах.

136 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вот уж год миновал, как ушла навсегда поэт, журналист, блестящий публицист Александра Юнко. Нам её не хватает. И пушкинская тема, такая важная для всех нас, живёт в её произведениях. И мы впервые без неё перечитываем «Гадание на Пушкине».

НАТАЛЬЯ НОВОХАТНЯЯ

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Когда Александра Юнко писала свои первые эссе для рубрики «Мой Пушкин» в рамках проекта газеты «Русское слово», о будущей книге и речи не шло. Это сейчас, оглядываясь назад, понимаешь: всё было предопределено. Сборник эссе – ироничных, тонких, печальных, разных! – просто не мог не появиться. А пока материалы добавлялись и добавлялись, и так все десять лет, пока в 2011 году при поддержке Посольства Российской федерации в Республике Молдова книга под немного загадочным названием «Гадание на Пушкине» наконец не увидела свет.

Название книги подразумевает, что главным действующим лицом должен быть Александр Сергеевич. Так и будет, но сначала, буквально с первых строк, читателя встречает маленькая девочка Саша, которая, подобно опытному гиду (повзрослев, она им обязательно станет!), ведёт на свою любимую Благовещенскую улицу (по-советски Тельмана). А там и до Пушкина горки недалеко. Но дело тут не в названиях улиц, русских ли, советских, всё намного сложнее: я, читатель, вдруг оказываюсь на временном перекрёстке, пути от которого разбегаются не просто в разные стороны — разные эпохи! Один ведёт в середину прошлого столетия, другой, словно бывалый пловец, вообще заныривает на два века назад. Есть ещё третий путь. Он, пусть и прорисован не так явно, зато хорошо узнаваем — это наша современность, которая нет-нет да и обнаруживает себя.

Все три эпохи в книге «Гадание на Пушкине» существуют не по отдельности, главное связующее звено между ними — великий русский поэт. Ещё Кишинёв. И, конечно, автор, чьей волей под одной обложкой собраны люди, события, факты. Впрочем, Александра Юнко в своей попытке проанализировать прошлое не пытается втиснуть его, прошлое, в искусственно заданные рамки. Хочется процитировать слова Вяземского: «Он не писал бы картин по мерке и объёму рам, заранее изготовленных... для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению». Фраза была сказана про Пушкина-историка, однако вполне уместна и по отношению к автору «Гадания...».

«Мой Пушкин» - так называлась газетная рубрика. Так называется знаменитая книга Марины Цветаевой. Мой. Местоимение очень показательно, оно как клеймо, которым отмечают всё, что страстно, даже ревниво любят. Отношение Александры Юнко, при всём её преклонении пред пушкинским гением, иное. Оно скорее материнское. На протяжении всей книги доброжелательным взглядом следит она за поэтом, радуется первым литературным успехам, оправдывает промахи. А с какой сдержанной гордостью отмечает Александра вехи взросления юного гения!

«Вчерашние дворянские недоросли, пройдя инициацию всенародным бедствием, позором и славой, вдруг сразу повзрослели. А более всех – тот из них, кто так глубоко всё это перечувствовал. Автор смешных эпиграмм и легкомысленных «песенок», потешавшийся недавно над тяжеловесным державинским слогом, преображается до неузнаваемости». И оттуда же:

«Гроза двенадцатого года» заставила мальчика по кличке Француз (даже среди окружающих его франкофонов он отличался лёгкостью и непринуждённостью болтовни) осознать себя русским человеком, наследником русской отечественной истории и залогом будущих вершин родной словесности».

Но где всё-таки проходит граница между юным и зрелым Пушкиным? Автор

книги говорит об этом вполне определённо: «Двадцатилетний и двадцатипятилетний Пушкин - две разные личности. Первый - мальчик, второй - состоявшийся человек. И этот второй уже определился в жизни: он писатель, а не воитель...».

Окончательное взросление поэта приходится как раз на Кишинёв. Много, много передумал, перечувствовал он, будучи в нашем городе. Хотя первоначальное отношение Александра Сергеевича общеизвестно: «проклятый город», «бранить язык устанет». И пусть стихотворение ироничное, но, что греха таить, не выдерживал Кишинёв сравнения с роскошным Петербургом. Вот и ёрничал поэт. Но по-южному гостеприимный город не только не обиделся, но и щедро одарил его всем, чем мог. Одним из таких даров стала молдавская музыка. Встречались ли Пушкин и самый прославлен-

ный из народных музыкантов Василе Барбу, он же Барбу Лэутару? Достоверно об этом ничего неизвестно, но как бы хотелось, чтобы встречались. Как много дала бы эта встреча чувствительному сердцу! Кстати, кинорежиссёр Эмиль Лотяну такой возможности не исключал: в фильме «Лэутары» человек с бакенбардами появляется. Александра Юнко тоже с лёгкостью представляет эту сцену:

«Но хочется верить, что Александр Сергеевич слушал игру и пение не лэутара вообще, а того самого, в котором воплотилось для нас всё лучшее в народном искусстве. Был взволнован, растроган. И, остро нуждаясь в деньгах, всё же дал музыканту монету: «Пей за моё здоровье».

Когда речь заходит о пушкинской поэзии ли, прозе, голос автора «Гадания» меняется, делается строже. Здесь уже нет места снисходительности, оправданиям, лишь страстное желание прочитать подлинного Пушкина «без наслоений, трактовок и комментариев, которыми любая пушкинская строка обросла к нашему времени».

«Гений столь велик, – говорит Александра, – что заслоняет нам самого себя. Он для нас, как писала Марина Цветаева о своём детском восприятии, скорее «Пампуш» – памятник Пушкину. Он – толстый том на полке. Снять книгу, стереть с неё пыль и войти в этот мир с дерзостью первооткрывателя достаточно сложно».

Но если кого и пугают подобные сложности, точно не Александру Юнко. И она яростно набрасывается на литературные штампы. В этом смысле особенно «досталось» стихотворению «Я помню чудное мгновенье», посвящённому Анне Петровне Керн. Мы-то привыкли, что стихотворение любовное, а вот автор книги утверждает другое:

«Разве влюблённый стал бы так тщательно перечислять «негатив»: томленья грусти безнадежной, тревоги шумной суеты, бурь порыв мятежный, мрак заточенья?»

«Влюблённый в каждой строчке воплощал бы ненаглядный образ любимой (и мы знаем у Пушкина такие стихи), а здесь вместо обожаемого лица фигурирует абстрактное «виденье», особенно бесплотное по сравнению с весьма телесной и темпераментной Анной Петровной».

Смело? Ещё как! Но в качестве предположения, почему нет. Книга недаром называется «Гадание на Пушкине». В конце концов, кто знает, что именно хотел сказать поэт...

Но не надо думать, что приоритет в книге за литературным анализом. Про Пушкина автору интересно абсолютно всё, например, рост. По предположениям рост поэта в молодости мог достигать в высоту 169-170 сантиметров. Так что если Александр Сергеевич и страдал наполеоновским комплексом, то лишь отчасти, считая, что «творческое начало значительнее внешних «габаритов». Поэтому и «памятник нерукотворный вознёсся выше Александрийской колонны, установленной в Петербурге, кстати, в честь победы над Наполеоном». (Глава третья. Мы все глядим в Наполеоны).

Рост, размер рук-ног, как одевался, что пил, что ел... Даже знаменитые пушкинские ногти, больше похожие на когти, попали на страницы книги! Спрашивается, к чему все эти физиологические подробности? На мой взгляд, ответ очевиден: Пушкин, конечно, гений, но при всём том живой человек из плоти и крови. Живой, да... В одной из глав из любви к поэту Александра Юнко даже пытается

наделить его долгой жизнью, оборвавшейся в глубокой старости. И тут же сама себя одёргивает: «как далеко может завести фантазия при виде одного из пушкинских автопортретов, где он изобразил себя в почтенном возрасте, с морщинами и плешью...».

А вот о Наталье Николаевне, супруге поэта, в книге совсем мало: да, первая красавица, да, одна из лучших шахматисток Петербурга. В общем, всё. Даже в главе с красноречивым названием «На короткой ноге» о семейной жизни поэта сказано немного, да и то вскользь. Раз уж дело дошло до предположений, я тоже рискну предположить: чужая семейная жизнь — всегда тайна за семью печатями, и Александра Юнко, намеренно обходя эту тему, показывает пример редкой по нынешним временам деликатности. Хотя о роковой дуэли в книге говорится довольно много, имя Натали при этом даже не упоминается. Всё негодование и презрение выливается на одного Дантеса, «иностранца, карьериста и вообще сомнительного типа».

Интересно описание давней, ещё кишинёвской дуэли: Пушкин, уже стоя у барьера, продолжал хладнокровно есть черешню. Это единственный раз, когда Александра не удерживается от колкого замечания в сторону своего любимца: мол, «плевать косточками под дулом пистолета можно только тогда, когда нечего терять. А когда на кону — любовь и счастье, человек гораздо уязвимей и беззащитней». Но под этой колкостью прочитывается вполне понятная горечь: зачем было искушать судьбу...

О «Гадании...» можно говорить долго и много. Например, о мистической теме, что красной нитью проходит через всю книгу: это и магия числа три, и сцена дуэли Онегина и Ленского, в которой поэт предсказал собственную кончину. Но лучше прочесть саму книгу, лёгкую и глубокую одновременно. Совсем как её главный герой! Напоследок ещё одна цитата из Александры Юнко: «...к личности Александра Сергеевича нельзя подходить с заданными мерками: он был во всём неоднозначен. И жизнь его, и гибель и сейчас, спустя столетия, таят для нас неисчислимые загадки и остаются, как «Онегин», колоссальным произведением с открытым – в бесконечность – финалом».

Наталья НОВОХАТНЯЯ – поэт, прозаик, эссеист. Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила Академию музыки имени Гавриила Музическу (ф-т «Академическое пение»). Автор двух поэтических сборников и книги прозы «Побыть в тишине». Член Ассоциации русских писателей РМ. Лауреат германского международного конкурса «Лучшая книга года» в номинации «Малая проза». Лауреат международного конкурса имени де Ришелье в номинации «Проза». Лауреат, дипломант, финалист международных конкурсов поэзии и прозы. Публиковалась в журналах: «Русское поле» (Кишинёв), «Юность» (Москва), «Аврора» (Санкт-Петербург), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Южное сияние» (Одесса), «Радуга» (Киев), «Зарубежные задворки» (Германия), «Артикль» (Тель-Авив), «45 параллель», «Зарубежные записки», «Кольцо «А». Стихи и рассказы печатались в альманах и коллективных сборниках Беларуси, Германии, Молдовы, России, Украины.

ПЁТР ШОРНИКОВ

ДЕЛА НЕ ТАК ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

По большому счёту, правозащитная работа— задача специально формируемых с этой целью организаций, призванных мобилизовать общественное мнение. Однако в конце 80-х—начале 90-х годов таковых ещё не было. Но от успеха или провала правозащитной деятельности зависело морально-политическое состояние общества. Вот почему одним из важных дел Интердвижения Молдавии (Движение за равноправие «Унитате-Единство») изначально было отстаивание интересов конкретных людей.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

В штабе Интердвижения об избиении Дмитрия Матюшина стало известно только 18 мая 1990 года, в день его смерти. На заседании Республиканского Совета мы сошлись во мнении: если промолчим, подобные злодеяния будут продолжаться. Расследование, подсказала прокурорский работник Нина Аверина, нуж-

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ПЁТР ШОРНИКОВ /~141

но начать с получения материалов об убийстве, собранных милицией. Я вызвался срочно направить в МВД запрос, но Нина Васильевна лучше знала бюрократические процедуры и такой путь отвергла: ответят через месяц, да ещё наврут, достать материалы следует неофициально и немедленно. Связи нашлись, и на следующий день ксерокопии показаний сестры Димы — Наташи Матюшиной, её подруги Ирины Лангер, а также врачебного заключения о причинах смерти юноши были в нашем распоряжении.

14 мая в одиннадцатом часу вечера девушки и Дима возвращались домой с концерта. Между Аркой Победы и цветочным базаром их догнал мужчина лет тридцати: «Мы вам сейчас покажем веселье!». Ребята не обратили на него внимания. Он что-то пробормотал на молдавском и направился к памятнику Стефану Великому. Вдруг Дима и девушки увидели, что прямо на них бежит группа молодчиков. Смешавшись с толпой, спасаясь, они помчались в сторону остановки. Через несколько секунд Наташа поняла, что Димы рядом нет. Оглянулась — неподалёку его остервенело били пятеро или шестеро. Матюшин потерял сознание.

«Скорая помощь», вызванная по телефону, так и не приехала. Прохожие остановили частную машину, положили на сиденье Диму, но участники избиения начали раскачивать «Запорожец», не давая ему отъехать. В больнице избитому парню долго не оказывали помощь: врач Бурнусус утверждал, что он пьян.

Агония продолжалась в течение четырёх суток. Согласно заключению, подписанному судебно-медицинским экспертом Л. Роммом, «Смерть наступила от опасных для жизни телесных повреждений. При химическом исследовании крови в момент поступления в стационар этиловый спирт не найден, то есть Дмитрий Матюшин был трезв». А если бы был нетрезв — ему медицинскую помощь оказывать не следовало? В показаниях свидетелей имелась мерзкая подробность, характеризующая публику, собиравшуюся «у Штефана»: с ног умирающего парня стащили кроссовки.

Убийство невинного молодого человека взволновало общество. В Верховный Совет сообщили, что на улице Алёшина учащиеся колледжа бытового обслуживания, где учился Дима, в том числе около 80 молдаван, устроили митинг и собираются выйти с протестом к зданию Верховного Совета. Столкновение вчерашних школьников с матёрыми уголовниками из «группы поддержки» и другими «манифестантами» Народного фронта Молдовы нужно было предотвратить. На беседу в училище наша фракция отправила двоих депутатов-учителей Андрея Сафонова и Вячеслава Литвиненко. Возможное избиение подростков-молдаван грозило «Фронту» конфликтом с молдавским сообществом, и «фронтисты» отрядили также своего представителя — юриста Тудора Панцыру. Выступая перед подростками, он попытался представить убийство «актом хулиганизма», но учащиеся указывали на политический характер преступления, обвиняя в нём «фронтистов». Парламентариям всё же удалось отговорить ребят от участия в демонстрации. По свидетельству Литвиненко, наиболее убедительно выступил самый молодой из депутатов 26-летний Андрей Сафонов.

В день похорон Матюшина митинг протеста у здания оперного театра устроили женщины-матери. «Единство» выпустило специальную листовку, и активистки Движения раздавали её участницам митинга. Несмотря на вмешательство про-

 142 \ ПЁТР ШОРНИКОВ
 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

вокаторов из «группы поддержки НФМ», женщины огласили главное требование – положить конец уличному насилию. Покинув пленарное заседание, перед ними выступили деятели «Единства» Василий Яковлев и Владимир Солонарь. Андрей Сафонов принял участие в похоронах Димы и произнёс на кладбище прощальное слово. В Верховном Совете Сафонов и Солонарь потребовали почтить память убитого студента минутой молчания. Председательствующий Ион Хадыркэ, лидер НФМ, ответил отказом: мол, следствие не закончено, подлинные мотивы происшедшего не установлены. Такой подход к трагедии был омерзителен. Фракция «Советская Молдавия» огласила протест против политики насилия и покинула зал заседаний.

«Фронтисты» знали о наших намерениях. Выход из здания Верховного Совета был заблокирован их «группой поддержки», толпой организованных манифестантов и просто любопытных. Ожидали зрелища журналисты, телеоператоры с камерами. Коридор, созданный милицией в толпе для выхода депутатов, оказался ловушкой. Не без пособничества милиционеров члены «группы поддержки» бросились избивать народных избранников. И 22 депутата были вынуждены возвратиться в здание Верховного Совета. Позднее нас всё-таки эвакуировали под охраной КГБ, но после этих бесчинств большинство наших коллег-приднестровцев и гагаузов прекратили участие в работе Верховного Совета Молдовы.

Телесюжеты о нападении «фронтистов» на женщин-матерей, на депутатов так и не показали по телевидению. Но мы не могли позволить обществу забыть об убийстве Матюшина. Ксерокопии медицинского заключения я передал Павлу Кристову и Алексею Марчкову, редакторам газет «Вечерний Кишинёв» и «Молодёжь Молдавии». Журналисты переговорили с сестрой Димы и опубликовали волнующие материалы. Выяснились подробности преступления: Матюшина избивали ногами шестеро маргиналов. Когда одна из девушек попыталась призвать на помощь прохожих, начали бить и её. И никто не вмешался... И ещё мистическая деталь: немногим ранее Дима снялся в любительском фильме с пророческим названием «Игра в смерть»¹.

Статья об этом преступлении была опубликована в газете «Единство», а я дал интервью московскому журналисту. Результативность нашей акции отметил позднее в мемуарах экс-премьер Мирча Друк: «Пётр Шорников, тонкий стратег антирумынизма, оказался прав, к сожалению. В интервью корреспонденту «Коммерсант» в мае 1990 года он говорил, что «пролитая кровь может оказаться не последней. За гибелью кишинёвского студента Дмитрия Матюшина последуют и другие жертвы»². Почему констатация существующей угрозы представляет собой проявление антирумынизма, Друк не разъяснил. Оговорка по Фрейду?

Убийство 18-летнего юноши довершило разрушение демократических иллюзий кишинёвской интеллигенции и закрепило за НФМ репутацию погромной организации. Во многих учреждениях, в Институте истории Академии наук говорили, что на месте Димы мог оказаться любой из нас, наших детей и близких. Но следствие по делу об убийстве Матюшина было заблокировано пособниками

 $^{^{1}}$ Кодряну Г. Днестровский разлом. Тирасполь. ГИПП «Тирпар». 2002. С. 81.

² Mircea DRUC. III. HOBЫЕ ЛЮДИ, СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ. URL: http://www.druc.ro/content/view/243/87/lang,/

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ПЁТР ШОРНИКОВ /143

«фронтистов» в правоохранительных органах, депутатские запросы, направляемые нами в прокуратуру и МВД, не помогали.

Огласка обстоятельств этого убийства могла предотвратить новые преступления такого рода. Мы организовали выезд в Москву матери Димы в составе группы женщин-участниц «Единства» во главе с членом Республиканского Совета Еленой Дмитриевной Варфоломеевой. Они несколько дней пикетировали здание Верховного Совета СССР, требуя привлечения убийц к ответственности и обеспечения в Молдавии общественной безопасности.

Информация о преступлении, совершённом национал-экстремистами в Кишинёве, появилась в московской прессе и на Западе. Нам передали номер мюнхенской газеты «Зюддойче цайтунг» с фотографией женщины с портретом Димы и надписью: «Мой сын убит за то, что говорил по-русски!». Открытое письмо женщин-матерей о националистическом насилии в Молдавии мы переправили депутатам РСФСР. Юрий Блохин обеспечил его тиражирование и раздачу народным депутатам СССР.

Направили депутатские запросы в Прокуратуру республики и министерство юстиции и добились начала следствия. Правда, оно всё ещё не давало результатов. В конце июля 1990 года меня остановили в парке Пушкина четверо молодых людей, представились любителями восточных единоборств и, обратившись по имени-отчеству, попросили совета, как поступить с убийцами Матюшина, если их удастся найти. Они собирались доставить их на место, где был убит Дима, и расправиться с ними таким же образом. Обращение могло оказаться провокацией, но моё мнение годилось на любой случай.

- А дальше что, ребята? спросил я. Вендетта нам не нужна, преступников надо судить и наказать по закону, чтобы другим неповадно было.
- $-\,\mathrm{B}$ нынешних условиях, резонно возразил старший из спортсменов, убийц русского парня милиция искать не будет, а адвокаты добьются их оправдания.
- Если убийц найдут, судить их заставим! заверил я твёрдо. Нужно только найти в милиции офицера, который даст делу ход. Если убийц освободят, мы с товарищами выступим в парламенте с запросом и добъёмся наказания виновных. Спортсмены пообещали, что такого офицера они найдут, а убийцы сами явятся с повинной.

Некоторое время спустя трое участников смертельного избиения Димы, – Михайлук, Цуркану и Ротарь – были арестованы. Один из них вроде бы сам явился к майору милиции Петру Шошеву, признался в том, что участвовал в нападении на Матюшина, и назвал двоих соучастников. Сознавая, что вступает в конфликт с министром, Шошев задержал всех троих, и они дали признательные показания.

Убийцами оказались маргиналы, намеренные никогда в жизни не работать. Огласив подробности на заседании Республиканского Совета «Единства», Нина Аверина высказала подозрение, что милиция заставила их взять на себя вину за убийство, ими не совершённое. Я попросил проверить эту версию депутата Степана Куртева, подполковника милиции. Через пару дней он подтвердил, что арестованы именно они, убийцы Матюшина. Суть дела понял Василий Никитович Яковлев: «А ведь это ваши любители кун-фу их разыскали и заставили сдаться».

Чтобы прекратить уличные насилия, следовало добиться скорейшего суда, и я выступил с запросом о ходе расследования дела об убийстве Димы.

21 декабря 1990 года дело по обвинению в умышленном убийстве Дмитрия Матюшина всё же было направлено в Верховный суд Молдовы. Всем троим подсудимым были предъявлены также обвинения в кражах и грабежах³. Стремясь оградить бандитов от ответственности, пособники НФМ в Прокуратуре и судебных органах направили их на освидетельствование в психиатрическую больницу. Вряд ли это облегчило участь обвиняемых. По словам врачей-участников «Единства», пациенты в лечебнице, узнав о предъявленных Михайлуку, Цуркану и Ротарю обвинениях, обошлись с ними весьма сурово.

В конце мая 1991 года дело было назначено к рассмотрению. Однако аппарат судебных органов оказался деморализованным, и три заседания суда одно за другим не состоялись. У памятника Стефану Великому появились плакаты с призывом не допустить «расправы над патриотами Молдовы». Зал судебных заседаний заполнили сторонники и, возможно, сообщники обвиняемых.

Мать убитого они подвергли шовинистическим оскорблениям. Под предлогом якобы только сейчас возникшей необходимости психиатрической экспертизы обвиняемых судья вновь отложил слушание по делу об убийстве Матюшина. И тогда я обратился к Генеральному прокурору РМ Думитру Постовану с просьбой довести до логичного конца это дело.

В августе 1994 года по амнистии, объявленной после принятия Конституции Молдовы, убийцы были освобождены. Участники нашей фракции вынуждены были проголосовать за амнистию потому, что она предусматривала также закрытие «уголовных дел», возбуждённых против деятелей Приднестровья.

Арест лиц, обвиняемых в преступлении, совершённом на почве национальной вражды, подорвал веру национально озабоченных хулиганов в свою безнаказанность и предотвратил множество подобных расправ. Имя Димы Матюшина вошло в сознание молдавской общественности как символ национальной трагедии, имя первой из жертв гражданской войны.

Петра Степановича Шошева, «повинного» в раскрытии убийства Димы, Косташ уволил из органов МВД. В 1998 году майор был избран в Парламент Молдовы по списку партии коммунистов.

Любители кун-фу, причастные к розыску убийц, встречая меня на улицах Кишинёва, лукаво улыбались. Весной 1992 года ребята уехали в Приднестровье, а затем в Россию. Увы, познакомиться по-настоящему мне с ними так и не довелось. Арест убийц Димы Матюшина давал повод полагать, что инициаторы уличного насилия будут вынуждены считаться с политическими издержками сей тактики.

³ Кодряну Г. Указ. соч., С.118.

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 ПЁТР ШОРНИКОВ / ₁₄₅

ЭТОТ БЕССТРАШНЫЙ БУРГУДЖИ

Очередной пробой сил в правозащитной работе «Единства» стала борьба за освобождение политического деятеля гагаузского движения, публициста Ивана Бургуджи, дважды взятого полицией Молдовы под стражу, а точнее, похищенного. В первый раз его задержали 28 сентября 1990 года в связи с провозглашением Гагаузской автономии. Бургуджи, по образованию юрист, был известен нам с лета 1989 года, тогда он был редактором газеты «Бастующий Комрат» и сыграл активную роль в организации Республиканской политической забастовки. Впоследствии он участвовал в проведении двух Чрезвычайных съездов гагаузского народа. Защиту товарища мы сочли делом чести. В запросе по поводу его задержания, подписанном 22 участниками «Единства», депутатами Парламента и местных Советов и направленном прокурору республики, было сказано: «При въезде в Комрат 28 сентября группой вооружённых лиц задержан и избит прикладами один из лидеров гагаузского национального движения депутат Комратского горсовета Иван Бургуджи. При освидетельствовании в прокуратуре у него установлено сотрясение мозга». Мы требовали разъяснить, на каком основании без санкции Совета задержан и избит депутат. Выручить Бургуджи удалось быстро, потому что в Кишинёве тогда работала комиссия Верховного Совета СССР, мы с Яковлевым письменно и устно проинформировали её руководителя об этом акте произвола.

Иначе сложилась судьба Ивана Георгиевича месяц спустя. Во время «похода на Юг» он вместе с тремя дружинниками был задержан. Их доставили в Чимишлию, где в полиции раздели донага и жестоко избили дубинками. Бургуджи досталось больше, чем другим. После освидетельствования врачами его были вынуждены поместить в стационар медицинской части МВД в Кишинёве. Пытаясь создать предлог для обвинения в незаконном хранении оружия, полицейские подбросили в багажник его автомашины магазин с патронами для автомата. Задержание Бургуджи и его спутников некоторое время хранилось в тайне. О причинах его исчезновения ходили самые разные слухи. Затем стало известно, что Бургуджи лежит в тюремной больнице и ничего страшного с ним вроде бы не происходит. О его аресте в штабе «Единства» стало известно только в декабре.

Поскольку Иван Бургуджи был юристом, а в 1989 году возглавлял газету, мы попытались организовать коллективное выступление в его защиту столичных журналистов и адвокатов. Но их профессиональные объединения уже были под контролем национал-радикалов, а сотрудники русских газет, устрашённые вторжениями погромщиков в редакции газет «Молодёжь Молдовы» и «Вечерний Кишинёв», заступиться за коллегу, обвинённого в хранении оружия, не посмели. Составив запрос по поводу ареста депутата, а также жестокого обращения с ним, я потребовал от коллег по фракции «Советская Молдавия» подписать его.

Собрав подписи, мы направили запрос в МВД и прокуратуру республики, опубликовали его в газете «Единство». На заседаниях городского и районных Советов Кишинёва депутаты, участники Интердвижения, инициировали принятие резолюций с требованием о немедленном освобождении арестованного депутата Комратского Совета Бургуджи.

В ответе на коллективный запрос депутатов, поступившем на моё имя, министр внутренних дел Ион Косташ признал, что в Чимишлийском районном отделе внутренних дел Бургуджи был избит, но в кишинёвском изоляторе с ним якобы обращались гуманно. Это была ложь. «Меня брали дважды, — вспоминал год спустя Иван Георгиевич, — в первый раз автоматом выбили зубы. Видите, сейчас большинство — вставные. Через месяц было второе задержание. Остановили машину, в которой ехал, пересадили в полицейскую. В Чимишлии в полиции колотили дубинками. Разбили голову. Потом доставили в Кишинёв в МВД, здесь тоже били. Метод такой: следователь выходит — полицейский бьёт, затем допрос возобновляется. В камере просил вызвать врача, не дождался. Но не это самое страшное. Был ещё и карцер. Известь на полу, луч мощной лампы. Испарения не дают дышать. Выдержишь час-полтора».

В результате издевательств полицейских Бургуджи начал слепнуть.

Мы этого не знали, но были полны решимости во что бы то ни стало добиться освобождения товарища. В республиканскую прокуратуру я направил запрос по поводу жестокого обращения с Иваном Бургуджи. В ответе, подписанном заместителем Генерального прокурора РМ Вячеславом Дидыком, было фактически признано, что в помещении районного отдела внутренних дел в Чимишлии Бургуджи был избит резиновыми палками, что жалуется на головные боли. Вопрос об избиениях задержанного в следственном изоляторе в Кишинёве Дидык в своём ответе обошёл. Прокуратура обещала провести служебное расследование с целью установления лиц, причастных к избиениям Бургуджи в Чимишлии. Это была, конечно, отписка. Однако о запросе стало известно в аппарате МВД, и национал-радикалы в погонах прекратили допросы. Подследственного осмотрела комиссия врачей. Что ещё можно было сделать для его освобождения?

Письмом, направленным профессором Николаем Бабилунгой от имени молдавского общества «Мемориал», мы известили о сути дела Бургуджи московских коллег. Реакции не последовало. Тогда мы опубликовали в газете «Единство» статьи под заголовками «Бургуджи всё ещё в заключении» и «Подсудимого избивают». Будучи на одном из форумов в Москве, я рассказал о Бургуджи известному деятелю российского патриотического движения Владимиру Осипову. В апреле 1991 года группа активистов во главе с Владимиром Николаевичем вышла на улицу с транспарантами «Свободу Ивану Бургуджи!» и провела пикетирование постоянного представительства Молдавии в Москве. Фотоснимки, сделанные во время этой акции, мы опубликовали в нашей газете. Следствие по делу Бургуджи было поставлено под общественный контроль.

«Дело», уникальное по своей беспомощности, всё же передали в суд. Но тут инициаторы просчитались. Рассмотрев его в соответствии с законом, заслушав свидетелей, судьи вынесли оправдательный вердикт. Так 9 апреля 1991 года первый в современной истории Молдавии политический процесс закончился триумфом обвиняемого. Прямо в зале суда Иван Бургуджи был освобождён из-под стражи. Такой финал на время отбил у национал-радикалов охоту к судебной травле политических оппонентов.

Москва, 16 апреля 1991 года. Пикет Общенационального Российского комитета на Кузнецком мосту у Представительства Молдавской ССР. Второй слева – публицист Владимир Осипов. Справа – Иван Бургуджи после освобождения.

МОЛДАВСКОЕ ЭХО ГКЧП

Крах СССР развязал унионистам Молдовы руки. Кучка высших должностных лиц возомнила себя хозяевами государства, вольными пренебрегать его законами. Провал «путча ГКЧП» они попытались использовать в целях устранения политической оппозиции. Решением неконституционного органа была запрещена Коммунистическая партия, конфискована и расхищена её собственность, закрыты редакции нескольких газет. Спецслужба МВД Молдовы начала операцию «Невод»: были схвачены руководители Гагаузии Степан Топал, Михаил Кендигелян, а также ряд деятелей Приднестровья, в том числе сопредседатель «Единства» депутат Парламента Гимн Пологов. В Тирасполе опергруппа МВД РМ пыталась схватить другого сопредседателя Интердвижения, Василия Яковлева. Но полицейские перепутали ночью адрес, и, пока они взламывали двери соседней квартиры, профессору удалось скрыться. В Киеве, явно с согласия «демократического» руководства Украины, опергруппой МВД Молдовы был похищен лидер ПМР Игорь Смирнов.

Стремясь деморализовать задержанных, полицейские обращались с ними с провокационной жестокостью. Председателя Верховного Совета Гагаузии Михаила Васильевича Кендигеляна, пожилого человека с негнущейся ногой, схватили ночью и увезли, не позволив даже обуться и одеться. «Пятеро суток в тюрьме в одиночке на нарах без матраса и одеяла, – рассказал он впоследствии, – без понимания, за что взяли. Вначале предъявили обвинение в поддержке путча. Затем – в антиконституционных действиях». У Пологова в СИЗО обострилось хроническое заболевание. Добиваясь врачебной помощи, он был вынужден голодать пять суток. Игоря Николаевича Смирнова от Киева до Днестра везли в наручниках в багажнике автомашины, при переправе через реку грозили утопить, а в Кишинёве заключили в камеру с убийцами. Депутата Григориопольского городского совета Г. Попова при аресте избили прикладом автомата, а затем дубинкой, сломав два ребра и повредив внутренние органы. Две недели не позволяли оказать

 148 \ ПЁТР ШОРНИКОВ
 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

медицинскую помощь, выжил чудом. В 1992 году он ещё успел принять участие в организации обороны Григориополя и в создании пограничных войск ПМР. Но в декабре 1993-го этот прежде здоровый и физически сильный человек внезапно скончался. В газете в сообщении о его смерти отмечалось, что Попов «перенёс арест, избиения кишинёвских национал-фашистов»⁴.

Первый шаг в освобождении арестованных депутатов удалось сделать уже 28 августа, когда я дал интервью турецкому телевидению у Боровицких ворот Кремля. Фрагмент интервью, рассказал кто-то из коллег-гагаузов, находившихся в те дни в Стамбуле, был показан по телевидению в подборке сообщений о событиях в СССР. Но в Кишинёве об этом не знали. Насколько мне известно, не возымело действия и обращение в московский «Мемориал». А вот Александр Проханов своё обещание сдержал. Сообщение телестудии «Останкино» об арестах депутатов в Молдавии почти дословно повторяло текст нашей записки: арест депутатов осуществлён противозаконно, без санкции Парламента и местных Советов; никаких обвинений, кроме публичного выражения собственного мнения по поводу текущих политических событий, инкриминировать арестованным невозможно. Поскольку в Молдавии передачи московского телевидения смотрели все, мы были вправе гордиться своим вкладом в формирование этой позиции Москвы.

В сентябре 1991 года наиболее важным в повестке дня парламента, как мы с Блохиным и предполагали, оказался вопрос о законности арестов депутатов без санкции соответствующих Советов. Перемена политической ситуации в Молдавии и за её пределами уже повлияла на настроения в обществе, и в этом вопросе команда прорумынских национал-радикалов получила оппозицию парламентского большинства, начиная с аграриев. Суд над руководителями, пусть не признанных, но пользующихся поддержкой населения государственных образований, разъясняли мы коллегам, не приведёт к реинтеграции Молдавии. В беседах с «независимыми» и даже с депутатами-фронтистами мы использовали аргументы, более весомые: «Вчера они без согласия парламента арестовали Смирнова, Топала, Пологова. Кого эта хунта арестует завтра? Ты уверен, что не тебя?». С парламентской трибуны должностные лица пытались объяснить допущенный произвол оперативными соображениями спецслужб, и критика этого подхода, для депутатов заведомо неприемлемого, разрядила обстановку. Аресты, произведённые после «путча», не были одобрены парламентом.

Однако с освобождением задержанных медлили, надеясь поднять в Молдове волну шовинизма. Отряд полиции численностью 400 человек 25 сентября вторгся в Дубоссары и спровоцировал столкновения с населением. Эффект операции оказался противоположным тому, на который рассчитывали. Тысячи жителей собрались на площади перед горсоветом и выстроили оборону. На сторону Приднестровья перешли и 48 дубоссарских полицейских⁵. В столице полицейские бесчинства в Дубоссарах осуждали даже участники националистической тусовки у памятника Стефану Великому. Депутаты-фронтисты, вспоминая результат обращения министра внутренних дел Иона Косташа к полицейским в Рыбнице (там

⁴ Трудовой Тирасполь. 1993. 8-15 декабря.

⁵ Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита Приднестровской государственности. 1990—1992 гг. Бендеры. Полиграфист. 2010. С.180.

служащие МВД колебались, но на следующий день после выступления министра, построившись перед зданием горсовета, присягнули ПМР) и действия полиции в Дубоссарах, называли министра пособником сепаратистов. Аграрии выражали недовольство «невмешательством» президента в действия МВД: «Куда смотрит "гарант"? Кто в Молдове хозяин? Генерал из ДОССАФ?».

Мирча Снегур понял, что теряет опору в парламенте. В конце сентября формирования МВД Молдовы были из Дубоссар выведены, а незаконно схваченные деятели Приднестровья и Гагаузии освобождены. Предполагавшееся политическое судилище над ними было предотвращено.

ИЗГНАНИЕ

Вывешенный у памятника Стефану Великому в 1989 году лозунг «Чемодан-вокзал-Россия!» не оставлял сомнений на счёт намерений национал-радикалов выдавить нетитульное население из республики. В Молдавии участились проявления национальной розни в быту и даже случаи расторжения смешанных браков. Широко была известна фраза, сказанная на одном собрании в Кишинёве народным депутатом СССР Леонидой Лари. На вопрос о том, как она собирается решать жилищный вопрос, дама ответила тоже вопросом: «Есть ли среди присутствующих немолдаване?». Несколько человек подняли руку. «Вот ваши квартиры!» — воскликнула поэтесса, обернувшись к вопрошающим.

Первыми в унионистском списке на изгнание значились евреи. Не только в органе НФМ газете «Цара», но и в парламентском издании «Сфатул цэрий» предпринимались попытки политической реабилитации организатора геноцида диктатора Румынии Иона Антонеску, появились перепечатки из румынских газет, выходивших в Кишинёве в годы оккупации, в которых против евреев Бессарабии выдвигались самые дикие обвинения. Газета «Сфатул цэрий» печатала выдержки из изданной в 1942 году брошюры румынских оккупационных властей, в которой евреи обвинялись в организации нападений на румынские войска в июне 1940 года, в гонениях на православную церковь, в соучастии в сталинском терроре. Литературные неонацисты пытались реабилитировать живущего в эмиграции старого фашиста В. Цепордея, в 1941–1944 годах редактора газеты «Басарабия», автора статей, оправдывающих уничтожение евреев⁶.

Эта кампания оказала влияние на несмышлёную молодёжь. Студенты и школьники устроили погромы на еврейских кладбищах Оргеева и Кишинёва. В марте 1990 года участник организации «Единство» в Оргееве врач Гринберг доставил в наш штаб фотографии разбитых могильных надгробий на еврейском кладбище города. Исполнители этих бесчинств — группа подростков — уже были установлены милицией, но следовало указать на их вдохновителей. Мы опубликовали в газете «Единство» снимок с соответствующим комментарием. Увы, подобные безобразия происходили и позже во многих районных центрах и в Кишинёве. Явно не инициативой молодёжи были появившиеся на стенах домов изображения «щита Давида», пробитые стрелой.

⁶ Подробнее см.: Шорников П. Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинев. 2014. С.241,242.

При этом унионисты были не прочь разыграть карту свободы выезда евреев в Израиль. Правительство, заявил Мирча Друк, стоит за то, чтобы «у бессарабского еврея было три безусловно равные возможности: хочешь — уезжай, хочешь — оставайся, хочешь — возвращайся сюда работать уже гражданином Израиля». На деле проводимая в республике кадровая чистка не оставляла выбора 9,5 тысячам евреев-специалистов. Большинство их подлежало увольнению под предлогом незнания государственного языка.

Обретённая вдруг свобода предпринимательства оказалась этнически окрашенной. Предприниматели-евреи, как, впрочем, и русские, были вынуждены нанимать на работу служащих-молдаван, включая и директоров предприятий, чьей главной обязанностью являлось поддержание контактов с административными органами, а их персонал тоже формировался только из «титульных» функционеров.

Хотя Дима Матюшин был русский, после его убийства тревога о собственной безопасности и будущем детей особенно усилилась среди евреев.

«Я не могу больше не спать ночами, поджидая сыновей, – признавалась женщина-еврейка, побоявшаяся подписать своё письмо в газету. – Я не могу больше думать о том, что их могут ни за что ни про что избить, убить на улице – только за то, что они говорят на другом языке». Согласно опросу, проведённому кишинёвским журналистом Михаилом Дрейзлером, летом 1990 года более 77 процентов эмигрирующих из Молдавии евреев заявили, что они сами или их близкие были ущемлены из-за их национальной принадлежности; 87,5 процента эмигрантов указали, что их более всего тревожит рост шовинистических и националистических настроений в республике⁷.

Тревоги эти имели основания. В ноябре 1990 года, когда мы с депутатом Ильёй Тромбицким просматривали списки лиц, избитых в центре города, нам также бросилось в глаза необычайно большое количество евреев среди пострадавших. Хотя евреи составляли всего три процента жителей Кишинёва, каждая четвёртая или третья фамилия в перечне была еврейской. При так и не расследованных обстоятельствах погибли два сына участника инициативной группы Интердвижения кандидата исторических наук Алексея Хействера. Старший был отравлен, а младшего, подростка школьного возраста, вечером так избили на улице, что он скончался. В 1990-м эмиграция евреев приобрела массовый характер, в 1991 году её масштабы ещё более возросли. Молдавия, где проживали, как уже было сказано, три процента еврейского населения СССР, дала в эти годы 12 процентов евреев-эмигрантов из Советского Союза. Из 66,9 тысяч евреев, проживавших в Молдавии в 1989 году, к концу 2002-го только в Израиль эмигрировали 48,8 тысяч человек⁸.

⁷ Наш голос. 1990. 16–31 августа

⁸ URL. http://www.ejwiki.org/wiki/История евреев Молдавии.

Для характеристики политического положения в республике показательна динамика эмиграции евреев. В 1989 г. в Израиль выехали 1470 евреев, в 1990 г. – 11 926, в 1991 г. – 15 452, в 1992 г. – 4305, в 1993 г. – 2173, в 1994 г. – 1907, в 1995 г. – 2407, в 1996 г. – 1953, в 1997 г. – 1396, в 1998 г. – 1194, в 2000 г. – 1774, в 2001 г. – 959, в 2002 г. – 538. В 2000 г. еврейское население Молдавии составляло 5500 чел. По данным переписи 2004 г. – всего 3509 чел. URL.http://www.eleven.co.il/article/12816.

Даже молчанием мы были не вправе поддержать политику изгнания из Молдавии одного из национальных сообществ. Весной 1991 года Президиум Республиканского Совета «Единства» принял обращение к еврейскому населению Молдавии, озаглавленное «Не спешите уезжать!». Мы осудили не только антиеврейские выходки националистов, но и проводимую в Молдове национальную политику, расценивая её как принуждение национальных меньшинств к эмиграции. Важно было подчеркнуть непричастность народов Молдавии к этой политике. «Подавляющее большинство земляков-молдаван и русских, украинцев, граждан других национальностей, — отмечено в Обращении, — относится к вам с искренним уважением». От имени Интердвижения Республиканский Совет выразил признательность евреям за поддержку, оказанную нам во время избирательных кампаний 1989 и 1990 годов и Референдума СССР и призывал не торопиться с эмиграцией9.

Для журналистов я составил справку «Эмиграция в масштабах исхода», в которой привёл статистические данные, а кандидаты исторических наук Алексей Хействер и Владимир Солонарь включили данные о положении евреев Молдовы в свой доклад «Политика руководства Молдовы и положение с соблюдением прав человека в республике», направленный в Москву от имени кишинёвского общества «Мемориал». Сдержать эмиграцию евреев мы не могли. Но принципиальную позицию на этот счёт приняли. Она была выражена чётко, мы свой долг выполнили.

Позднее «адресные» гонения были распространены и на славян. В июне 1992 года в штаб «Единства» обратился житель кишинёвского пригорода Ватра геолог В.С. Балин. Он сообщил, что на почве национальной вражды он, человек пенсионного возраста, был избит на рабочем месте тремя работниками геологической экспедиции, которые требовали, чтобы он уволился с работы и уехал. Жительница Ватры Л.А. Полевая рассказала, что рабочими той же геологической экспедиции избит её муж-инженер, несколько вооружённых «волонтёров» — местных жителей ворвались к ней в дом, и, угрожая расправой, заставили оставить квартиру и покинуть посёлок. В обоих случаях полиция в возбуждении уголовных дел отказала.

Я написал депутатский запрос. Дело было настолько вопиющим, что этого оказалось достаточно, чтобы решение было пересмотрено, а участковый инспектор полиции привлечён к дисциплинарной ответственности. Выяснилось, что националистически настроенные маргиналы, одетые в камуфляж и вооружённые автоматами, угрозами вынудили уволиться и уехать из Ватры девять работников геологической экспедиции — украинцев и русских. Многие люди покинули Молдавию, возвращать их на прежнее место жительства было поздно, но повторение подобных безобразий в Кишинёве и в других городах и посёлках, нам удалось предотвратить.

В 90-е годы, когда сотни тысяч рабочих и специалистов, преимущественно молдаван, не находя себе применения на родине, начали выезжать на работу за рубеж, в Молдове получил распространение захват их жилья. Коррумпированные

⁹ В лабиринтах самоопределения. Том 1. Этническая мобилизация национальных меньшинств. Сост.: Е.М. Губогло. Москва: ЦИМО. 2003. С. 118, 119.

152 \ ПЁТР ШОРНИКОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

представители местных властей покровительствовали захватчикам. В таких случаях депутаты из «Единства» оказывали помощь пострадавшим. Тяжба, по делу о захвате квартиры жителя Калараша Наумова, к примеру, продолжалась, кажется, более двух лет.

Как правило, узнав о внимании парламентариев к тому или иному делу, функционеры шли на попятный.

дело о дохлой кошке

Зарабатывая на пропаганде румынизма, депутаты-члены унионистских фракций Парламента всё же оставались молдаванами, и большинство их во всём, что касается отношений Молдавии с Румынией, видели в участниках «Единства» проводников молдавских интересов. Убедившись в «герметичности» «шефа Интерфронта», некоторые из них уже в 1990 году начали информировать меня о подрывной работе румынских дипломатов и посещающих Кишинёв неблагонадёжных парламентариев, вроде национал-радикала Адриана Пэунеску, а также о законодательных пакостях, готовящихся против русскоязычного населения в аппарате Верховного Совета и министерства образования. Негласные осведомители имелись среди оппонентов также у лидеров фракции «Сельская жизнь», а позднее — у социалистов Валерия Сеника и Дмитрия Зиду. И мы, не называя источников, делились конфиденциальными сведениями. Порою я не исключал возможности провокации, но этого не случилось ни разу: псевдоунионисты помогали нам от души, и получаемая от них информация всегда оказывалась верной.

Моя компетентность о кознях Мошану и намерениях Друка и Маткаша иногда удивляла товарищей из «Единства», но вопросов они, люди умные, не задавали. Считаясь с вероятностью, что в нашей фракции и даже в Республиканском Совете есть информатор Петра Лучинского, с важными сведениями мы обращались достаточно осторожно, никого из наших тайных друзей ни я, ни коллегисоциалисты не засветили.

После парламентских выборов 1994 года наше негласное сотрудничество с оппонентами обрело новое измерение. Началось всё с малого. Ко мне как депутату пришёл на приём интеллигентный мужчина лет сорока. Категорически отказался присесть и рассказал следующее. Вместе с братом и его женой они выехали на автомашине в Румынию с целью продать партию одежды, закупленной в Кишинёве. На трассе близ города Васлуй их обогнал местный лихач, а его пассажир бросил в лицо водителю дохлую кошку. Тот от неожиданности потерял управление, автомобиль оказался в кювете. Брат успел записать номер машины хулигана и на ближайшем посту автополиции предъявил его и упакованную в пакет кошку. Румынские полицейские уже по акценту, даже не глянув на номер машины, распознали молдаванина, обозвали его «пуриче басарабян» и начали бить по лицу кошачьим трупом: «Бессарабская вошь! Как ты смеешь обвинять румына!». Когда жена бросилась защищать мужа, один из полицейских «обнял» женщину, а другой дважды врезал ей «демократизатором» ниже спины. После столь тесного общения с румынской полицией родственники развернули машину и возтесного общения с румынской полицией родственники развернули машину и воз-

вратились домой. Визитёр просил добиться через МИД Молдовы наказания румынских полицейских: «Есть у нас Молдавское государство или его нет?». Я, наконец, сообразил, почему жалобщик не желает присесть. Из солидарности тоже встал и угостил его чаем с малиной. Составил запрос на имя главы правительства, изложил суть дела и задал вопрос: какие меры принимает МИД для ограждения граждан нашей республики от жестокого и оскорбительного обращения в Румынии?

Депутаты-«интеллигенты» и «фронтисты» прознали о реакции «шефа Интерфронта» на «дело о дохлой кошке» и открыли верный способ забрасывать дохлых кошек в румынский огород чужими руками. Ко мне и коллегам по фракции «Социалистическое единство» чередой пошли граждане, пострадавшие во время поездок в Румынию. Каждый второй признавался: он пришёл с жалобой к депутату такому-то из фракции «фронтистов» или «интеллигентов», а тот сказал: «Зайди к домнулу Шорникову, Сенику, Зиду, Чепою, такие дела в их вкусе!». Расчёт, надо признать, оказался точным. Больше других «фронтистов» загружала меня работой Лидия Истрати. Писательница пыталась даже контролировать результаты моего вмешательства, дотошно расспрашивая, чем закончилось то или иное «дело» и, давая советы, как покруче насолить румынам, неизменно призывала: «Фэ дин ей праф!» («Разотри их в пыль!»). Содействие оппонентов мы оценили положительно, и я попросил коллег по фракции не обличать их и помогать пострадавшим.

После серии подобных запросов моих и коллег министр иностранных дел Михаил Попов, полагал я, меня возненавидел. Но этого не случилось. При встрече в кулуарах на вопрос, почему из его ведомства не поступают ответы на наши запросы, министр ответил: «Что мы можем вам прислать? Какую-нибудь банальность? Что принимаем к сведению и будут приняты меры?». И заверил, что молдавская полиция и граждане Молдовы часто обращаются с румынами так же, не вполне корректным образом, у Бухареста тоже есть претензии.

Проблематика жалоб расширялась. Запомнился случай учителя-молдаванина, «беженца» из Дубоссар. В 1992 году он решил «стать румыном», перебрался в Кишинёв, где ему обещали квартиру, и выступал против «сепаратистов» по радио. Его, разумеется, обманули, и он с семьёй уже третий год живёт в гостинице, правда, за счёт государства. Ходатайствовать за таких обиженных я не считал обязанностью членов нашей фракции и попытался сплавить его депутатуфронтисту Михаю Гимпу: он – юрист, многое знает.

«Уже был у него, — ответил учитель, — он сказал, чтобы я отправлялся к домнулу Шорникову, он поможет!».

Властям следовало напомнить о необходимости платить по политическим счетам, и я написал на имя президента Мирчи Снегура соответствующий запрос. Через пару месяцев дубоссарский «беженец» явился ко мне со второй жалобой: квартиру ему выделили, но не в Кишинёве, а в районном центре на самом юге Молдовы, в Тараклии: «Работы там нет, и как я, молдаванин, там буду жить среди болгар, особенно если они узнают?..». Отметив про себя его воскресшее молдавское национальное сознание, я продолжил расспросы. Оказывается, учитель стал «челноком», и возвращаться к педагогической работе не собирался, а рас-

154 \ ПЁТР ШОРНИКОВ РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

продавать турецкие товары легче в Кишинёве. Коммерческие соображения «политического» мигранта вряд ли заслуживали заступничества депутата, и я посоветовал ему продать жильё в Тараклии, вернуться в Дубоссары и потеснить родственника, живущего в его квартире. Заверил, что приднестровские власти никого не преследуют. «Я так и знал, — огорчённо заключил "беженец", — Вы не будете защищать мои интересы!». Но вскоре он напросился ко мне на приём в третий раз — с радостной вестью: двухкомнатную квартиру в Тараклии ему удалось обменять на однокомнатную в Кишинёве; жену с детьми он вернул в Дубоссары, а сам продолжает свой челночный бизнес.

Ещё одним «политическим» жалобщиком оказался бывший доцент Тираспольского педагогического института. Правительство Молдовы, рассказал он, уже который год не предоставляет ему обещанное жильё, а ведь его и других преподавателей уговорили переехать в Кишинёв, где создавался «Тираспольский университет в изгнании». Гражданин принял участие в политической провокации и моего сочувствия не вызывал. «Вы — человек грамотный, неужели не поняли, сказал я ему, — что имеете дело с политическим жульём? И потом, в Тирасполе у Вас квартира есть. Чего Вы ещё хотите?».

Запрос правительству я всё же написал, попросив сообщить, кто из работников Тираспольского университета «в изгнании» получил в столице жильё. Ответ оказался ожидаемым: из 176 преподавателей и сотрудников, перебравшихся в Кишинёв, квартиры получили только восемь: ректор М. Кошкодан и семеро его приближённых. Об этом я рассказал ректору Приднестровского университета профессору С. Берилу. Для него разочарование беглых коллег не стало новостью: по одному и группами они, проклиная власти Кишинёва, возвращались в Тирасполь и просили восстановить их на работе¹⁰.

В конце 1993 года ко мне обратился за советом один из депутатов-участников фракции «Жизнь села». Вдова полицейского Геннадия Яблочкова, рассказал он, проживает в аварийном жилье и просит о содействии в улучшении жилищных условий. Какие тут могут быть сомнения, ответил я, женщине помочь надо обязательно. Проблема, уточнил коллега, заключается в том, что её муж погиб в Дубоссарах 13 декабря 1991 года во время нападения полиции Молдовы на приднестровских гвардейцев. Стоит ли помогать его супруге и дочке?

Полицейский погиб, участвуя в провокации, устроенной его начальством. При чём же жена и ребёнок? Дело, ответил я, не только в гуманизме. Бывшим «волонтёрам» и другим молдавским участникам Днестровской войны следует показать, как с ними обращаются те, кому они служили. Припомнив, что Снегур на похоронах этого полицейского пообещал лично позаботиться о его семье, я порекомендовал коллеге не только написать запрос президенту, но и задействовать СМИ: так будет вернее.

Депутат оказался человеком дела. Сюжет о вдове погибшего полицейского, живущей в аварийном доме, был накануне парламентских выборов 1994 года по-казан по молдавскому телевидению. Но вопрос о квартире для семьи Яблочковых

¹⁰ См.: Берил С.И. Туннельный переход. С. 49.

был решён только через полтора года, накануне президентских выборов. Предоставления ей новой квартиры добился другой депутат-аграрий.

Один коллега спросил меня, стоит ли требовать выделения квартиры майору Захарченко, который 6 июля 1992 года навёл орудие на ступени Горсовета Дубоссар. В результате прицельного выстрела были убиты 8 человек, 17-летней девушке-машинистке оторвало ноги. Я посоветовал послать его к «интеллигентам» или «фронтистам». Спустя некоторое время произошло нечто неожиданное: депутат из фракции ХДНП спросил меня в кулуарах: «Помнишь Захарченко? Да, дубоссарский «снайпер». Этот негодяй приходил ко мне насчёт квартиры. Я его послал... к тебе. Он не заходил?». Ко мне Захарченко на приём не записывался.

Словом, отстаивание «Единством» интересов граждан, ставших жертвами несправедливостей, позволяет определять Движение как организацию не только политическую, но и правозащитную.

Пётр Михайлович ШОРНИКОВ родился в 1949 году в селе Пересечино Оргеевского района Молдавии в семье учителей. Преподавал историю в средней школе и высших учебных заведениях. Депутат Парламента Молдовы XII и XIII созывов (1990-1994 и 1994-1998 годов). Сопредседатель фракции «Социалистическое единство». Член Постоянного бюро Парламента (1994-1998). Председатель Республиканского Совета Движения за равноправие «Унитате-Единство». Член Президиума Всесоюзного движения «Союз», председатель Русской общины российских соотечественников в РМ (1993–1996). Член Совета соотечественников при Государственной думе Российской Федерации (1995).

Кандидат исторических наук. Автор книг: «Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны», «Цена войны», «Покушение на статус», «Молдавская самобытность», «Поля падения», «Бессарабский фронт», «Молдавия в годы Второй мировой войны», «Народное православие в Молдавии», «Соратники». Лауреат Государственной премии ПМР в области гуманитарных наук. За большой вклад в укрепление и развитие дружбы и сотрудничества с Российской Федерацией награждён Орденом Дружбы.

156 \ PУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

Поле зрения

позиция

МИХАИЛ ЛУПАШКО

ПЕРЕХОДИМ В НАСТУПЛЕНИЕ!

В преддверии юбилея Победы многонационального советского народа в Великой Отечественной войне и в канун 75-летия освобождения Молдавии от гитлеровских и союзнических в тот момент Германии войск «румынского фюрера» Антонеску критически остро ощущается дефицит знания истории у молодых людей, у представителей того поколения, что выросло в эпоху после распада Советского Союза. Дефицит понимания масштаба событий и той цены, которую народы СССР заплатили за семь с половиной десятилетий мира, – не важно, живут эти люди в Молдове, России или в других государствах постсоветского пространства.

Что же особенно характерно в отношении к этой грандиозной и в равной мере сколь героической, столь и трагической теме нашего общего военного прошлого для общественного мнения в Молдове нынешней?

Пожалуй, главное — это неоспоримый факт присутствия в политическом и публичном поле страны довольно активной прослойки населения, относящей себя отнюдь не к победителям, а, напротив, к «наследникам побеждённых» во Второй мировой, для нас — Великой Отечественной войне.

И нет дня, чтобы на благие инициативы президента страны Игоря Додона, скажем, о праздновании 75-летия освобождения Молдовы, тогда, в 1944-м – МССР, от гитлеровцев и войск Антонеску, не возникало бы контр-инициатив по «дням и часам скорби» со стороны тех, кто, как сказано выше, прочно утвердил себя потомком побеждённых в той страшной войне.

В такой обстановке доводить исторические истины до широких народных масс, мягко говоря, непросто. Информационная война вокруг темы Победы не стихает и, естественно, будет только нарастать по мере нашего приближения к маю 2020 года.

Можем ли мы, внуки и правнуки победителей, те, кто не мыслит себя вне великого исторического наследия Победы весной 1945 года, сказать себе, что наши действия по отстаиванию исторической правды ведутся наступательно, профессионально и дают ощутимые результаты? Вопрос адресован не только тем, кто 9 Мая этого года в Кишинёве и других городах, сёлах Молдовы вышел на акцию «Бессмертный полк» и почтил память погибших в Великой Отечественной войне солдат Советской Армии. Вопрос мой адресован и ко всем тем, кто в братском

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 MUXAUЛ ЛУПАШКО / 157

ближнем зарубежье понимает значение Победы и готов нести Знамя, завещанное нам ветеранами Великой Отечественной.

Увы, следует признать, что мы держим фронт в «обороне». А любой грамотный в военном деле человек скажет: «Оборона, пусть даже активная, не может быть залогом победы». Да, мы удерживаем рубежи, не даём полностью извратить смысл и значение тех грозовых событий, но не кажется ли вам, что это последние рубежи нашей обороны? И так ли уж многочисленны наши ряды? И что мы можем сказать тем представителям поколения 20-летних любителей пивка и кальяна, которые на наши призывы чтить память солдат- победителей, цинично хихикают: «Дескать, а и не надо было побеждать. Вот проиграли бы фашистам, для всех было бы бесплатно пиво «Бавария». Да, пиво было бы! Эсс-эссовское пиво, «сваренное» из человеческой массы, переработанной гитлеровскими фабриками смерти!

К сожалению, формирование представлений об историческом прошлом, особенно о событиях военных лет с 1941-го по 1945-й, происходит в полном соответствии с законом общественного развития, который гласит: «Бытие определяет сознание!». Разумного, осознанного, существующего как фактор, формирующий отношение к памяти о великой войне явно недостаточно, в ряде бывших советских республик его уже крайне мало или, хуже того, его просто нет. Мне могут возразить: миллионы людей выходят на священную акцию «Бессмертный полк» по всему миру. Да, это так. Но миллионы в странах СНГ открыто, чуть ли не с вызовом, игнорируют эту акцию. Что уж говорить о тех, кто с наглостью сверхчеловека сегодня всё громче и громче заявляет о принадлежности к стану побеждённых? А таковые есть и в Молдове, и на Украине, и в странах Балтии, и, как ни горько признать, в России. Иначе как объяснить все эти странные, мягко говоря, попытки героизировать «POA» – военизированные формирования предателя Власова, повешенного по приговору Военного трибунала? Причём это не в Кишинёве происходит. Это мы видим в активном общественном сегменте либерального толка в Российской Федерации. Да, свобода слова неоспорима. И сегодня никто, никакая власть или влиятельная общественная сила не сможет запретить высказываться в том или ином аспекте по теме «цены Победы в Великой Отечественной войне». Беда в том, что наши «оппоненты» из числа приверженцев лагеря проигравших, куда как более ярко и убедительно формируют эмоциональные, заметьте, оценочно негативные представления о войне вообще, о роли высшего командования, о громадных потерях (а они безмерны – это факт, но факт, объяснимый многими объективными обстоятельствами); о неких упущенных возможностях и моральной ответственности советских маршалов и генералов за жизни миллионов советских солдат. Как горький пример, продолжающаяся кампания некоторых российских публицистов вокруг Ржевско-Вяземской наступательной операции. Живописуя поля, заваленные трупами советской пехоты, рассказывая о «тупости» советских генералов, гнавших войска в лоб «на пулемёты немцев», умалчивают они лукаво: то же самое делали и генералы вермахта. Ржев переходил из рук в руки больше двадцати раз! Да, это была бойня! Но бойня с обеих сторон. И другой очень важный момент, который намеренно опускается, так сказать, «по умолчанию»: ведь без этой операции не случилось бы наступления советских войск под Сталинградом. Трудно, очень трудно, почти невозможно с позиций сегодняшнего дня судить людей, принимавших решения в ситуации смертельной схватки двух сверхдержав; людей, оказавшихся в ситуации судьбоносного исторического испытания. Победа Гитлера сразу же лишила бы будущего сотни миллионов людей, целые народы, определённые им как «низшая раса»!

Человеку обычного горизонта сознания, будь он трижды добродетелен, вообще трудно постичь масштаб глобальных исторических потрясений: мировых войн, великих революций, технологических скачков, меняющих картину мира на глазах одного лишь поколения. Такой скачок произошёл в начале нулевых годов нынешнего века. Технологии стали фактором глобальных перемен, упростили доступ к информации, но при этом существенно обесценили знания - как основу человеческого понимания сути вещей. Технологии обмана и манипуляции обеспечиваются многомиллиардными вложениями, как крупнейших финансовых структур, так и институтами государств, в которых олигархические кланы подчинили себе все ветви власти. Грандиозное противостояние гитлеровской Германии и СССР, завершившееся разгромом и полной капитуляцией вермахта, сегодня подменяется фрагментированными и умело подтасованными фактами и фактиками, призванными создать впечатление о событиях тех лет, как некоей череды нелепостей советского руководства, ошибок военных руководителей. Договорились уже до полного абсурда: мол, если бы не помощь союзников США и Великобритании, не было бы у СССР никакой победы!

Когда запускается вдогонку к этим «изысканиям» отвратительное словечко «победобесие» да ещё и начинает бродить по сетям, отыскивая себе союзничков и коллаборационистов, это означает, что влияние приверженцев стана побеждённых набирает силу.

Масштаб событий Второй мировой, для нас Великой Отечественной войны таков, что вмещает в себя вселенскую трагедию десятков и сотен миллионов людей. И в то же время вобравший в себя и индивидуальное потрясение, и переживание, и запечатлевшееся в семейной памяти поколений горе, и мемориалы погибшим воинам в городах и сёлах на огромных пространствах от Волгограда до Бреста.

Не всем удаётся на уровне обычного напряжения ума и осознанности понять всю громадность коллективного подвига и, безусловно, коллективного бедствия, подобного тому, который пережил в годы войны блокадный Ленинград. И это – при всей громадности масштаба – только один страшный эпизод войны!

Отсутствие в наше время актуальных философских, мировоззренческих изысканий, размышлений о времени войны, о Победе, о послевоенных десятилетиях, приводит неизбежно к обмельчанию всех возможных обращений к теме войны: будь то литература, кино, театр, или песенное творчество...

Отчего сегодня, скажем, не популяризируются произведения о войне, созданные в СССР? Символика рабоче-крестьянской Красной Армии, идеологические установки, образ Главнокомандующего Сталина, заострённость на примерах самоотверженности и самопожертвования делают такие масштабные кинематографические работы, как эпопея «Освобождение» Юрия Озерова, неуместными на

РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19 MUXAUЛ ЛУПАШКО / 159

фоне торжествующих на российских федеральных каналах помоечных ток-шоу типа «Пусть погалдят» или как там его?

Увы, 9 Мая на телевизионных каналах, которые смотрят миллионы на постсоветском пространстве, - всё что угодно, только не серьёзные масштабные героические киноленты прошлых лет. Отсюда и все эти мелкие бесконечные сериальчики «Про СМЕРШ», или некие странные фэнтэзи. Пестрящие спецэффектами и кровавыми сценами поверхностные фильмики, в которых правды войны не сыщешь, но сколько угодно исторических нелепостей, в избытке заградотрядов, а к ним в придачу расстреливающих направо и налево особистов-карателей. Российские фильмы последнего времени о советских партизанах, к великому сожалению, скорее можно принять как некое продолжение геббельсовской пропаганды об «угрюмых недочеловеках – бандитах и мародёрах в тылу славных немецких войск». То и дело издаются и широко распространяются некие изыскания о «правде войны», прочитав которые поймёшь, что всё было плохо – хуже некуда, но совсем не узнаешь, отчего же в конце концов Красное знамя Победы было водружено на крыше поверженного рейхстага. Именно из-за отсутствия масштабных размышлений о войне, из-за фрагментационных трактовок и оценок господствует засилье примитивных суждений. То вам «правда солдата», то - «правда маршала», а есть ещё «правда тыла». При этом упускается главное – правда исторической логики формирования антигитлеровской коалиции с июня 1941 года и фактического её распада после Потсдамской конференции в августе 1945-го.

Сущностно и существенно главное – гитлеровский фашизм и его сателлиты были побеждены. Военная машина Третьего Рейха сокрушена. Поэтому правомерно и законно звучит имя Солдата-Победителя. Это истина всемирно исторического значения. Победитель - советский солдат: русский, украинец, белорус, грузин, узбек, казах, молдаванин, армянин, еврей, эстонец. Все народы бывшего СССР могут гордиться своими героями Великой Отечественной войны. Это истина глубочайшего исторического содержания. Но для того, чтобы её постичь, нужно было или родиться в семье, где из пяти родственников, ушедших на фронт, не вернулся ни один, но память о них свято сберегалась и передавалась из поколения в поколение (так было в роду автора этих строк). Или же воспринять всю непостижимо великую и страшную цену мира, в котором мы живём уже 75 лет, через умные уроки истории, честные и увлекательные книги, правдивые, созданные мастерами кинофильмы, через обращение к немеркнущим песням Великой Отечественной войны. Чтобы идти в бой, а мы в бою, мы ведём бескомпромиссную битву за память о нашей Победе, так вот чтобы идти в бой и побеждать, нужно вдохновляться такими фильмами, как героическая драма «Они сражались за Родину». Но если судить о войне по одному лишь опыту сына создателя той драмы фильму «Сталинград», то однозначно захочется рано или поздно сдаться в плен...

Серьёзное переживание, военный опыт, сверхзадача защиты своей Родины, дома, семьи делают человека способным на подвиг и самопожертвование. Именно эти факторы стали основными двигателями нашей Победы в мае 1945 года. Но глобальное уничтожение народов, запланированное Гитлером и сорванное героическими усилиями всего Союза ССР и его многонациональной Красной Армии,

 160 \ МИХАИЛ ЛУПАШКО
 РУССКОЕ ПОЛЕ 1/22/19

не ушло с повестки дня истории. Увы, нынешняя эпоха породила сверхизощрённых идеологов *«нового мирового порядка»*. Им уже не надо создавать фабрики смерти.

У них есть индустрия массового оболванивания и выведения из осмысленной жизни путём прямой и латентной, электронной и прочей наркомании миллионов людей в странах бывшего СССР, который рассматривается ими лишь как перспективная территория для добычи природных ресурсов и запасов питьевой воды — не более. Для работы на рудниках, нефтепромыслах и в шахтах миллионы рабочих рук не нужны. Хватит небольшого числа не помнящих родства манкуртов или коллаборационистов. Но прежде чем осуществить экспансию по захвату ресурсной базы, нужно лишить людей на постсоветском пространстве чувства собственного достоинства, отнять у них историческую память, обесценить подвиг дедов и прадедов, украсть у них Победу.

Именно в этих целях даже разумных и добродетельных граждан отучают мыслить широко, задумываться о прошлом, соотносить достижения современности с той исторической ценой, которой они оплачены. Да, размышлять о Великой Отечественной войне трудно. Масштаб огромен и сознание обычного человека не может порой вместить всего фактологического и эмоционального материала. Но в то же время размышления о войне значительно расширяют сознание, делают его самостоятельным фактором при принятии решений, не дают увязнуть в лживых трактовках и грубых подтасовках фактов.

Пока мы ещё прочно держим линию обороны. Но не пора ли уже, объединив усилия, осмыслив историческое значение Великой Победы с точки зрения эпохи нынешней, перейти в наступление и победить в идеологическом и духовном споре, дать решительный отпор потомкам тех, кто сначала затеял, а потом позорно проиграл Вторую мировую войну?

Михаил ЛУПАШКО родился в 1963 году в Кишинёве. Окончил Молдавский государственный университет по специальности «Журналистика». В течение нескольких лет был редактором и ведущим новостей на русском языке Общественной телекомпании «Молдова-1». В настоящее время - координатор и автор цикла литературно-исторических программ «Волшебный скипетр вдохновения», проводимых в Российском центре науки и культуры в Кишинёве. Автор сборника рассказов «Однажды в Молдове», повести «Растревоженный угол», исторических повестей «Бессарабецъ» и «Соль и Сабля». Лауреат Международного книжного салона и Национальной книжной палаты РМ (перевёл на русский язык «Летопись Земли Молдавской» Мирона Костина).